

РАБОТНИЦА

№ 10 1975

Издательство «ПРАВДА»

МОНУМЕНТ МАТЕРИНСКОМУ ПОДВИГУ

Этот памятник из гранита и бронзы установлен в белорусском городе Жодино в честь тех советских матерей, которые благословили сыновей на ратный подвиг, на смертный бой против немецкого фашизма. Прообразом матери, запечатленной в монументе, стала жительница Жодина Анастасия Фоминична Куприянова. Пятеро ее сыновей отдали свою жизнь за свободу и счастье ныне живущих. Младший сын—Петр—удостоен звания Героя Советского Союза.

На наших снимках: торжественное открытие памятника. На торжестве присутствовала Анастасия Фоминична Куприянова, 103-летняя мать погибших героев.

В ДОБРЫЙ ПУТЬ!

Пройдет немного дней, и в Берлине начнет работу Всемирный конгресс, посвященный Международному году женщины. В столицу немецкого демократического государства съедутся посланцы многих стран со всех континентов.

Из разговоров с товарищами и как член Комитета советских женщин, в адрес которого приходят сейчас письма с напутствиями делегатам предстоящего Конгресса, я знаю, с каким волнением готовятся к этому событию мои соотечественницы.

Передо мною одно из таких писем с любовно нарисованной алой гвоздикой на полях: «Пусть солидарность женщин всего мира откроет широкую дорогу равенству, расцвету духовных сил и творчества тружениц Земли. Пусть будут счастливы все матери и все дети. Пусть воцарится мир над крышами всех домов!» — пишут женщины города Дрогобыча, Львовской области.

Мир над крышами всех домов...

Память возвращает меня к годам минувшей войны — самой кровопролитной, ожесточенной, какие знала история. Победа над ударными силами мирового империализма досталась неслыханно дорогой ценой. Горящий след в сердцах и памяти людей оставили героические и трагические события военной поры. И в памяти тех, кто сам испытал громадную тяжесть военного лихолетья, и в сердцах молодых, родившихся уже после войны. Я говорю не только о советских людях, говорю о всех, кто борется за мир, идеалы социальной справедливости, за лучшую жизнь.

В самый канун победы, весной сорок пятого, освобождаю Чехословакию, погиб мой отец. Инвалидом вернулся с фронта мой будущий муж... Как многие советские женщины, я знаю неизбывное горе утраты близких — мужей, сыновей, братьев, отцов — и говорю: нам ненавистна война!

Война ненавистна женщинам всех стран Европы, бывшей очагом и главной ареной двух мировых войн. Женщинам Вьетнама, где 30 лет не прекращались взрывы снарядов и бомб и где, наконец, народ завоевал долгожданную победу. Арабским женщинам, семьи которых остались без крова, став жертвами военной агрессии израильтян. Американским матерям, чьих сыновей привозили домой из-за океана в цинковых гробах.

Все помнят, с каким напряженным ожиданием включали мы телевизоры, слушали радио, расхватывали газеты в те летние дни, когда в Хельсинки шло Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Отрадные результаты совещания, принятые на нем документы имеют огромное значение в общем процессе разрядки напряженности, для судеб всей планеты, а не только европейских государств.

Большое это счастье — жить в стране, которая неустанно борется за благородные цели, неутомимо и последовательно отстаивает дело мира, добивается реальных результатов в области разоружения, стоит за то, чтобы богатства наций шли на улучшение жизни людей, а не на производство орудий смерти.

Мы всей душой разделяем эту позицию Центрального Комитета нашей партии, нашего правительства. Ведь все надежды, все мечты и планы — а они у нас прекрасные, — будущее детей, — словом, все связано с решением главной задачи современности: навсегда исключить войну из жизни людей.

Страна наша в лесах новостроек. Кому, как не нам, железнодорожникам, знать об этом! Ведь железнодорожные линии — это артерии страны, по которым грузы текут непрерывными потоками. И мы их регулируем. Мы ответственны за то, чтобы не было заторов, задержек, промедлений. Многое зависит и от нас, электромехаников-регулирующих АТС и ЛАЗ (автоматической телефонной станции и линейно-аппаратного зала) Московско-Киевской дистанции сигнализации связи.

Мне приходится встречаться с гостями из-за рубежа, рассказывать им об опыте решения женского вопроса у нас в стране. Уважение, забота, помощь женщине — это ведь часть общегосударственной политики. Социализм действительно раскрепостил женщину и в политическом, и в правовом, и в духовном отношении. А самая прекрасная и ответственная доля человека на земле — материнство — окружена ореолом всеобщего почета и внимания. И эту характерную особенность нашей жизни отмечали многие из тех иностранок, с которыми мне приходилось встречаться.

И в литературе, и в живописи, и в кинофильмах отражено это общее чувство, запечатлен прекрасный образ советской женщины. Все это поднимает ее в общественном мнении.

Международный год женщины — целый год, в течение которого пристальное внимание общественности, правительства всех стран направлено на положение и роль женщин в современном мире, — проводится в истории впервые. В рамках Года состоялось много встреч, симпозиумов, семинаров представителей различных национальных и международных организаций. И на всех этих встречах проблемы социального и духовного раскрепощения женщин, достижения социальной справедливости, национальной независимости ставились в непосредственную связь с укреплением мира и безопасности.

Еще много преград на пути мира. Об этом говорят и трагедия народа Чили, и яростное сопротивление реакционных сил в Португалии, и напряженное положение на Ближнем Востоке и на Кипре, и другие тревожные события, о которых мы узнаем из сообщений радио, газет. И в этих условиях неизмеримо возрастает влияние объединенных усилий всех людей доброй воли на ход мировой истории. Многое и в наших женских возможностях, ведь мы половина человечества.

Мне и моим подругам, работающим на железной дороге, хорошо известно, с какой скоростью освобождается путь для важного состава, как четко на всем протяжении его следования загораются зеленые огни светофоров. И мы хотим пожелать делегатам, отправляющимся в Берлин со всех концов земли, успеха и доброго пути!

Евгения КУРЛЕНЯ,
электромеханик-регулирующий
Московско-Киевской дистанции
сигнализации связи

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
РАБОТНИЦА

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

ОКТАБРЬ 1975 • МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЛЕЧОМ К

● Выступает кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. М. Машеров.

● В президиуме встречи В. В. Николаева-Терешкова и Мари-Клод Вайян-Кутюрье.

● В Белорусском музее Великой Отечественной войны. Зарубежные гости беседуют с Героиней Советского Союза Е. Г. Мазаник и М. Б. Осиповой. Это они, выполняя волю народа, уничтожили гитлеровского палача гауляйтора фон Кубе.

● Гирлянда цветов—памятнику советским воинам, «Кургану Славы».

● На трибуне—вожак чилийской молодежи Гладис Марин.

● В Хатыни.

● Хлебом-солью встречают женщины Белоруссии участниц международной встречи.

Калитка распахнута настужь, а дома нет, остался только первый венец сруба да печная труба. И калитка и сруб—бетонные. А труба—обелиск, увенчанный колоколом. На улице, где никто не живет, двадцать шесть таких срубов и колодцы, из которых нельзя пить. Чуть выше, на взгорье,—надгробные плиты. Не могилы отдельных людей, нет—кладбище целых деревень. Ста восьмидесяти шести, сожженных фашистами вместе с их жителями и уже не возродившихся вновь. Колокола Хатыни... Они будто повторяют высеченные на мраморном «Венце Памяти» слова, обращенные к нам, живущим:

«Люди добрые, помните: любили мы жизнь, и Родину нашу, и вас, дорогие. Мы сгорели живыми в огне. Наша просьба ко всем: пусть скорбь и печаль обернутся в мужество ваше и силу, чтобы смогли вы утвердить навечно мир и покой на земле».

Тихое, зеленое это место—Хатынь. Ясные лужки, березовые рощи, светлые дубравы. Прекрасный, добрый мир! И тем горше, тем острее боль, когда внимаешь скорбному звону колоколов, глядишь на бронзовую фигуру деревенского кузнецца с убитым фашистами сыном на руках. Измученного, обгоревшего, но непокоренного.

Поблуднела до синевы чешская коммунистка, бывшая узница Равенсбрюка Божена Голечкова. Тяжело, словно ноги налились свинцом, поднимается по ступеням рядом с ней австрийка Анна Ханд—и она испытала ад нацистских лагерей. Плачут, не скрываясь, ветераны прошедшей войны, люди закаленные и не склонные к слезам—полька Ядвига Локкай, бывшая автоматчица Первой армии Войска Польского, сражавшегося вместе с Советской Армией, гречанка Лабрина Христогиоргу, участница национального Сопrotивления в годы второй мировой войны, отважный борец патриотического движения против власти «черных полковников». Слезы на глазах героини боев на реке Халхингол—монголки Думаа. Закаменела в горестном молчании Екатерина Илларионовна Демина, легендарная Катюша, бывшая сандружинница отряда морских десантников.

Женщины многих национальностей и разных поколений, приехавшие в Советскую Белоруссию на международную встречу, посвященную борьбе против фашизма, за прочный и справедливый мир на земле, проходят вдоль «Стены Памяти». Мемориальные плиты в нишах Стены—названия нацистских лагерей смерти, созданных гитлеровцами в Белоруссии, число замученных в них узников: «Тростенец. 206500...», «Полоцк. 150000...» Замедляются шаги, становится трудно дышать. Стена—не только память о погибших, она—обвинительный акт фашизму, его жуткой, чудовищной сути истребителя поработенных народов, самой жизни на земле.

У Вечного огня рядом с множеством цветов ложится венки от участником международной встречи. Его возлагают председатель Комитета советских женщин В. В. Николаева-Терешкова и заместитель председателя Совета Министров Белорусской ССР Н. Л. Снежкова.

Представительницы 27 стран и 6 международных организаций встретились в Минске, встретились ради того, чтобы никогда не могла повториться трагедия белорусской Хатыни, французского Орадур, вьетнамской Сонгми.

Выступая на торжественном открытии встречи, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь белорусских коммунистов, Герой Советского Союза Петр Миронович Машеров горячо приветствовал активных участниц борьбы против фашизма, за прочный и справедливый мир на земле.

«Золотые женские руки, самые тонкие струны сердца женщины,—говорил П. М. Машеров,—самой природой созданы для добра, для созидания, для мира... От воли и решимости демократических, миролюбивых сил во многом зависит, чтобы жертвы, понесенные в борьбе с гитлеровским фашизмом и японским милитаризмом, не оказались напрасными, чтобы итоги второй мировой войны... не были перечеркнуты, чтобы это была последняя мировая война на нашей планете».

Новые добрые ветры веют над Европой, их дыхание чувствуется на всей планете. Ветры, несущие семена надежды и мира.

Большой победой на пути к безопасности народов стало Совещание руководителей 35 государств в Хельсинки. Коренное изменение на международной арене достигнуто неустанными усилиями партии Ленина, Советского правительства вместе с братскими странами социализма при мощной поддержке всех прогрессивных сил мира.

Эти мысли содержались в выступлениях всех участников встречи. Летчик-космонавт, Герой Советского Союза В. В. Николаева-Терешкова, югославка Перка Виторичич, шведка Эва Пальмер, финка Мирьям Суванто и многие другие подтверждали волю и решимость добиться материализации принятых в Хельсинки решений, разрядки не только политической, но и военной. А за каждой из них—тысячи членов национальных и международных женских организаций. Все понимали: подписанная в Хельсинки «Хартия мира» открывает новые возможности для еще большего воздействия мировой общественности на международную «большую политику».

— Широкая кампания по разъяснению положений Заключительного акта, подписанного на Совещании в Хельсинки, позволит вовлечь миллионы женщин в активную борьбу за их осуществление, то есть за обеспечение прочного мира,—сказала от имени Международной Федерации демократических женщин вице-президент этой самой массовой женской организации планеты Мари-Клод Вайян-Кутюрье, героиня французского Сопrotивления, прошедшая через муки Освенцима и Равенсбрюка.—Именно на белорусской земле, где пролилось столько крови, столько слез матерей, мы можем дать торжественное обещание: бороться, не щадя себя, за то, чтобы дети того детского сада, в котором мы побывали вчера, могли жить без войны, в условиях безопасности и мира.

— Мы не можем, не должны успокаиваться, пока силы угнетения, военной агрессии не будут окончательно побеждены на земле,—сказала в своем выступлении председатель американской секции Международной женской лиги «За мир и свободу» Наоми Маркус.—На нашей планете, где так много детей ежегодно умирает от голода, на планете, где широко распространены болезни, безумие использовать драгоценные людские ресурсы, доллары или франки на бомбы, ракеты и другие виды оружия.

— Мы, чилийки, превыше всего любим свою Родину, любим ее реки, луга, ее тропинки, ее горы. Мы хотели бы сегодня подарить вам цветы, сорванные с наших полей,—зволнованно говорила Гладис Марин, вожак коммунистической молодежи Чили.—Фашизм лишил нас права жить на родине. И мы вручаем каждой из вас, пусть мысленно, цветок дружбы, признательности и солидарности. Мы не можем позволить себе отдыхать и спать спокойно, потому что реакционные силы, агрессивный империализм создают очаги напряженности, свергают правительства и устанавливают фашистский режим.

Тревожно звучал голос руководителя движения португальских женщин Изабел Эрнандеш: революция Португалии нуждается в защите, реакционеры внутри страны и за рубежом пытаются свести на нет демократические завоевания трудящихся.

О преступлениях колонизаторов в ЮАР, в Намибии, Южной Родезии против коренного населения этих стран рассказала участница освободительной борьбы народа Гвинеи-Бисау Франциска Перейра, одна из руководителейница Всеафриканской организации женщин.

Участник встречи глубоко заботит, что спустя 30 лет после победы над фашизмом он еще живет в разных странах Европы. Фашисты совершают акты насилия, пытаются повернуть колесо истории вспять. Барбара Маусбах, представляющая объединение лиц, преследовавшихся при фашизме в Германии, обратила внимание участников встречи на то, что в ее стране—ФРГ—делаются попытки исказить историю второй мировой войны, обелить фашизм и гитлеризм. Чудовищно, когда в таком духе воспитываются молодежь и дети.

В заключительных документах, принятых на встрече в Минске,—Коммюнике, Резолюции солидарности с народом Чили, Резолюции в поддержку демократических сил Португалии—нашли отражение чувства и мысли представительниц женских организаций разных стран, стоящих плечом к плечу в общем строю негнбимых борцов против фашизма, империализма, колониализма, за мир и справедливость.

Встреча в Минске не ограничивалась стенами зала заседаний. На предприятиях состоялась волнующие, горячие митинги, укреплявшие чувства солидарности, товарищества. Как передать волнение души, вызванное посещением Белорусского государственного музея Отечественной войны, где у многих стенов рядом с фотографиями и документами гостей встречали живые участники, героини тех суровых и грозных дней. Но, может быть, самые незабываемые минуты были пережиты в Жодино, небольшом городе вблизи Минска, на открытии монумента материнскому подвигу. Образ советской матери, отдавшей в борьбе против фашизма самое дорогое—пятерых сыновей,—увеченный в этом монументе, светит, как негасимая звезда, для всех тех, кто борется за жизнь и счастье на земле.

В. ВАВИЛИНА

ПЛЕЧУ

Фото Н. Маторина.

Алтайский моторный завод — ведущее предприятие своей отрасли. Он поставляет моторы для тракторов, которые выпускают не только на Алтае, но и в Павлодаре и в Волгограде. Его топливная аппаратура славится своей точностью, и ее ждут на многих моторных заводах страны.

В девятой пятилетке завод не раз занимал классные места в социалистическом соревновании предприятий тракторного и сельскохозяйственного

машиностроения. На заводе широко развернуто соревнование за досрочное выполнение планов пятилетки, за отличное качество продукции.

В честь XXV съезда КПСС коллектив завода решил: ежедневно сверх плана выпускать один двигатель и пять топливных насосов. Это обязательство выполняется.

Об одной из передовых работниц завода — Анне Ивановне Дутовой — наш рассказ.

ЕЕ ИМЯ

Самым ужасным днем жизни Анна Ивановна считает свой первый день в Барнауле. Их было трое — девчонок с дешевенькими чемоданчиками, приехавших из деревни искать счастья в большом городе. Весело выпрыгнули они из вагона, сдали вещи в камеру хранения, узнали, где центр, и пошли пешком, чтобы все увидеть сразу. Грохотали трамваи, куда-то деловито двигалось множество народу, под ногами пружинил мягкий от жары асфальт. Все было так, как они себе представляли. И вдруг Аня поняла, что сейчас расплачется. Она почувствовала себя такой одинокой в этой толпе озбоченных людей... Никто с ней не поздоровался, никто не спросил, как дела. Аня, конечно, не была так наивна и не удивлялась: никто ведь и не знал ее в этом городе. Но чувство ненужности и одиночества таким камнем легло на сердце, что она до сих пор (а уже семнадцать лет прошло) не любит вспоминать тот день. Аня поторопила тогда подружек: «Девчата, пошли скорее комнату искать, работу искать. После все рассмотрим».

Как за спасательный круг, она схватилась за работу. Устроилась на моторный завод, в цех топливной аппаратуры № 2 (ЦТА-2). Цех тогда только начинал осваивать продукцию, там все были новичками, но новички скоро становились специалистами. Ровно через месяц к Ане Дутовой прикрепили ученицу, потом вторую.

Работа была нелегкой, в три смены, но Аня полюбила ее сразу — за то, что она дала ей уверенность в себе, дала друзей, сделала своей в большом городе. И потом, когда появилась семья и дети, работа не перестала играть в ее жизни главной роли. «Я два раза уходила в декретный отпуск, и оба раза не чаяла, как вернуться на завод, — рассказывала мне Анна Ивановна. — Дома все хорошо, дети растут — это ведь счастье для матери, а мне тревожно! И подружки ко мне ходили из цеха, а все казалось, что я оторвана от мира. Наверное, потому, что с утра до вечера все заботы вокруг себя и семьи. Оно, конечно, и для себя можно пожить, но если не только для себя — лучше».

Да, тот первый день в Барнауле был самым тяжелым в ее жизни, но — как прихотлива судьба! — с него началась дорога к самому яркому и счастливому ее дню.

...В городском театре собрались рабочие моторного. Все празднично одеты, оживлены, многие пришли с семьями. Сцену заняли не артисты. Лучшие производственники сидели в президиуме. Гремела торжественная музыка, и работница ЦТА-2 Анна Ивановна Дутова вручала десяти победителям социалистического соревнования награды, премии. Отныне каждый из этих десяти человек получал звание лауреата премии имени Дутовой. Одна работница так рассказывала мне об этом: «Я вошла в зал, а все вокруг говорят: «Дутова, Дутова». Потом я ее увидела на сцене. Уж так разглядывала: что же в ней такого особенного? Пионеры, когда приветствовали лауреатов, про нее стихи читали. «Надо же, думаю, как человек выдвинулся. Даже позабывала лауреата немного, что скрывать».

Было это в начале 1974 года. А через год, в начале нынешнего, эта женщина, Ирина Александровна Овчинникова, свердловщица восьмого механического цеха, была в числе десяти новых лауреатов премии имени Дутовой. «Не ожидала, — говорит она, улыбаясь смущенно. — Тогда мы с Анной Ивановной и познакомились. Она такая же простая, как все мы».

Уже не первый год на Алтайском моторном идет соревнование на соискание премии имени лучшего рабочего, мастера, инженера завода — людей, известных на заводе и в прозаическом смысле — «она из нашего цеха», «мы с ней обедать ходим» — и в высоком — своими достижениями в трудовой и общественной жизни.

Но прежде, чем говорить о значении этих премий, очень важно

понять, что за люди те, чьи имена носят премии. Анна Ивановна Дутова, например.

И. А. Овчинникова сказала о ней: «Вот как человек выдвинулся», «Такая же, как все мы». Между двумя этими фразами есть не противоречие, нет, но пространство, которое интересно исследовать. Когда себе задаешь вопрос: «А почему выдвинули именно Дутову?» — ответить на это одним-двумя словами нельзя. За семнадцать лет работы в цехе жизнь не ставила Анну Ивановну в ситуации, в которых она могла бы совершить какой-нибудь необыкновенный поступок. Ничего этого не было. Как все, приходит она на завод, стараясь не опоздать, садится привычно к станку и берется за работу. Как все доводчицы-притирщицы, она должна «притереть» за смену не меньше двухсот распылителей топлива — важнейших деталей мотора. Двести корпусов распылителя, двести вставленных внутрь иголочек, которые после доводки должны ходить внутри со строго определенной степенью легкости, зазор между этими двумя деталями выдерживается с точностью до микрона.

Если посмотреть цифры производственных показателей А. И. Дутовой, то и здесь мы не найдем ответа на вопрос. Они высоки и стабильны, но производственников с такими результатами на заводе немало. Выделяют же Анну Ивановну из их числа такие качества, которые в глаза не бросаются и измерению цифрами не поддаются.

Она может, не отрываясь, сидеть у станка, но все равно будет знать обо всем, что происходит на участке. Что бы ни случилось, работницы в первую очередь спешат к ней. Вот подлетела разгневанная дежурная: «Анна, опять детали сырые!» Подошла робкая девушка: «Анна Ивановна, мне трудовую книжку неправильно заполнили». Тихо подседа заплаканная женщина: «Мой-то опять напился, что делать, посоветуй».

«Самое первое, что я ценю в Анне Ивановне, — говорит старший мастер участка Евгений Владимирович Коробейников, — она наш комиссар». Правда, это ей и по должности положено, поскольку Дутова избрана партгрупоргом и, кроме того, членом крайкома КПСС. Но она сначала стала комиссаром, а потом уже собрание зафиксировало это, избрав партийным руководителем участка.

В. А. Илюхин, бывший много лет начальником ЦТА-2, а ныне председатель заводского комитета профсоюза, добавляет: «Есть такие люди, о которых говорят, что они душа коллектива. Об Анне Ивановне я бы сказал, что она его совесть. Бывало так: участок вдруг захлестывала волна брака. Работницы бьются-бьются, а ничего не получается. И кто первый идет к мастеру или начальнику цеха? Дутова. Придет и тихо, очень спокойно скажет: «Идет брак не по нашей вине. Я бы попросила на участок технолога». Не шумит, как некоторые работницы, а ставит вопрос по-деловому».

Так же тихо, деловито требовала она от начальства — и добивалась! — усилить освещение участка, изменить направление потоков вентилируемого воздуха. Так же спокойно обучала своих многочисленных учениц. Так же убедительна при выполнении общественной работы. Узнает, допустим, что Комарова часто пропускает занятия в школе рабочей молодежи. Идет к ней. Но не нотации читает, а будто невзначай спросит: «Ты не знаешь, Иванова в школу ходит?» Комарова покраснеет, опустит глаза: «Что мне о других говорить? Я сама, Анна Ивановна, прогуливаю». Дутова будто удивится: «Ты? От тебя-то никак не ожидала». И не отойдет, пока девушка не пообещает взяться за учебу.

Нехитрый педагогический прием, но ведь не педагог его изобрел, а работница. Он не от науки у нее — от сердца. Потому, наверное, и получается у нее общественная работа, хоть Анна Ивановна убеждена, что не создана для нее, нет у нее для этого жесткости в характере.

Анна Ивановна Дутова

Фото Е. Шляя.

«Да, тихий у нас комиссар,—согласится потом Е. В. Коробейников.—Ни разу я не слышал, чтобы она хотя бы повысила голос. Как плакала, когда что-то не ладилось на участке, видел. А чтобы «за горло брала» — нет. Да, она тихая, но из таких тихих, которые своего скорее добиваются, чем шумливые. Упорством берет».

Но, может быть, Дутова так требовательна только к другим?

Деталь, которую делают на участке притирки, относится к числу сложнейших, потому что очень многое в ее доводке зависит не от станка, а от рук и интуиции работницы. Дело в том, что некоторые параметры детали пока еще не поддаются измерению. Например, пробует работница, как ходит иголочка в корпусе распылителя. Если слишком легко — плохо: значит, деталь, как говорят работницы, слабая. Если туго ходит — плотная деталь, — тоже неважно. Но «плотные» детали почти всегда имеют шанс «проскочить» отдел технического контроля, контролер часто и не может уловить этого. Есть работницы, которым неважно, будет ли надежной в эксплуатации деталь, лишь бы приняла ее в ОТК. И иногда удается спихнуть детали сомнительного качества. Но чаще всего рано или поздно брак обнаруживает себя, притирщица получает детали на переделку.

За пять лет, что А. И. Дутова работает с личным клеймом, ей не возвратили ни одной детали.

Когда я спросила Анну Ивановну, были ли у нее случаи возврата, она даже покраснела при мысли, что такой позор мог бы пасть на ее голову. «Что вы? Разве я имею право?»

Как член крайкома партии А. И. Дутова должна иногда отлучаться с завода в рабочие часы.

«Недавно ее вызвали в такое горячее время, — рассказывает Е. В. Коробейников. — Лето, отпуска. Но в крайкоме нашу Анну Ивановну ждут, мы отпустили, конечно. Она тогда работала во вторую смену. А утром на следующий день прихожу в цех, смотрю, Дутова у станка. Выполнила норму за прошлый день и осталась работать вечером».

Нет, не менее строга А. И. Дутова к себе, чем к другим. Но и это еще не отвечает полностью на вопрос, почему премия именно ее имени.

Участок притирки благополучный. Работа налажена, забыта популярная некогда штурмовщина. И потому именно притирщица начальство посылает иной раз в другие цеха выручать отстающих. Работницы, конечно, этого не любят. Кому хочется покидать родной участок?

Недавно из ЦТА-2 потребовали одного человека в цех топливных

насосов, у которого среди притирщиц особенно худая слава. Ни одна работница не согласилась отправиться туда. Тогда Анна Ивановна Дутова, только недавно выручавшая другого коллектив, пошла в цех топливных насосов. Две недели работала по графику этого цеха, работала вечерами и по субботам.

Вот, наверное, в чем дело: она строже к себе, чем к другим. Ответ этот очень важно было найти, потому что личности людей, чьи имена присвоены заводским премиям, во многом определяют значение всего соревнования за их получение.

В начале года, когда разгорается соревнование за звание заводских лауреатов, в цехах проходят собрания. На них подробнейшим образом рассказывается о лучшем рабочем, лучшем мастере, лучшем инженере. Затем начинается второй этап — принятие обязательств.

Стоит задуматься над этим фактом: сотни людей обдумывают обязательства, вступая в соревнование, связанное с именем одного человека. Можно понять волнение Анны Ивановны, которая рассказывала мне: «Когда я в первый раз прочитала: «Премия имени Дутовой», — даже страшно мне стало. И мое имя и вроде уже не мое. Как же теперь его надо беречь!»

А вот что сказал заместитель председателя заводского комитета профсоюза И. С. Воропаев: «Выбор достойной кандидатуры — один из самых ответственных моментов. Выбирая, мы как бы указываем пример для подражания. Все мы знаем, какую силу может иметь имя достойного человека. Как зажигали людей имена Стаханова, ткачих Виноградовых, Гагановой! Наше, заводское соревнование куда скромнее, но цели у него те же: зажечь людей опытом лучших — и производственным и человеческим — и еще выше поднять звание рабочего человека».

Было интересно поговорить с победителями, узнать, чем стала победа для этих людей.

Нина Александровна Куропанова, фрезеровщица четвертого механического:

— Когда мне вручили премию, еще и фотографию повесили на доску почета. Люди идут, на карточку смотрят. Это ведь какая ответственность! А она у меня, можно сказать, двойная: муж на заводе работает. Нет-нет да и скажет: «Видел, видел твой портрет, пока еще висит». Стыдно будет, если снимут.

Станислав Андреевич Каравацкий — наладчик пятого механического цеха, бригадир:

— Работа у меня беспокойная. Бывает, так забегаешься... А ведь иногда нужно и остановиться, чтобы понять: чего ты бегаешь-то? Есть ли толк? Так вот, такие вечера, как тот, на котором вручали премию, по-моему, как раз для того, чтобы обо всем подумать. Не было у меня в жизни большего праздника. Меня тот вечер вообще поразил. Я знал Анну Ивановну Дутову и раньше, мы по соседству живем. Ну, соседка и соседка, то на работу бежит, то в магазин. А в театре совсем другой показалась. Была она какая-то строгая и уверенная. Я задумался: как же мы людей плохо знаем! Может, и все люди внутри лучше, богаче, что ли, чем нам кажется?

О самом разном говорили заводские лауреаты. Премия побуждает работать ответственнее, чем прежде; заставляет задуматься о вещах, над которыми прежде размышлять не приходилось; поднимает в человеке чувство собственного достоинства; укрепляет уверенность в своих силах. Наверное, все это можно выразить короче: премия, как всякий трудовой успех, всякая победа, делает человека сильнее.

Л. ТАРХОВА

Вечер. Чибисову пора спать, но он все не ложится, сидит за столом и что-то рисует.

— Старик, пора в кровать, — напоминает отец.

— Сейчас, — откликается Чибисов. — Еще совсем немножко осталось.

Проходит минут пятнадцать, и уже не выдерживает мама:

— Егор, кому сказано: иди спать.

— Иду, — говорит Чибисов, продолжая рисовать. Он увлечен своим занятием, ему осталось совсем немного — дорисовать несколько лучей, и он торопится, высунув язык.

Папа и мама смотрят в большой комнате телевизор. Идет какой-то фильм про войну. До Чибисова доносятся звуки взрывов, крики... И опять мамин голос:

— Долго еще ждать?

«И как мама видит через стенку?» — удивляется Чибисов и отвечает:

— Недолго.

Приходит папа.

— Старик, зачем расстраивать маму? — укоризненно говорит он. — Лег бы да и лежал себе на здоровье.

Чибисов вталкивает в корбкку красный карандаш.

— Все, — говорит он, — ложусь.

Папа подходит к столу.

— Можно взглянуть?

— Можно, — разрешает Чибисов.

— Это солнце? — спрашивает папа, разглядывая рисунок.

— Солнце, — подтверждает Чибисов.

— Похоже, — вроде бы одобряет папа.

Чибисов берет лист бумаги, на котором нарисовано солнце, и прикрепляет его кнопками к стене над кроватью.

— А это зачем? — интересуется папа.

Чибисов молчит.

— Ну, если не хочешь говорить, не надо. — И папа уходит смотреть телевизор.

Чибисов раздевается и ложится.

— А свет почему не выключен? — не понимает мама. Но Чибисов ее не слышит: он спит.

Утром Чибисов снимает рисунок со стены и прячет его в стол, а вечером опять прикрепляет на прежнее место. Теперь уже интересно маме, зачем он это делает.

Чибисов не выдерживает и раскрывает тайну:

— Солнце жалко. Ему же ночью скучно одному.

Рисунок
В. Мирошниченко.

Николай БЕРЕЗОВСКИЙ

Рассказ

— А почему? — совсем уж заинтересовался Чибисов.

— Потому что она женщина, — опять же задумываясь, ответил папа.

— А что такое женщина? — Чибисов даже перестал крутить руками, он впервые слышал, чтобы папа так называл маму.

Тут папа задумался и тоже перестал развивать плечи. Но всего на полминуты.

— Женщина, — объяснил он, — это наша мама.

Чибисова вполне удовлетворил ответ.

Когда мама ушла на работу, Чибисов отправился гулять на улицу. И встретил соседку тетю Люсю.

— Как живешь, Чибисов? — спросила она.

— Хорошо, — откровенно признался Чибисов.

— Это прекрасно, — похвалила тетя Люся. — А как мама?

И на это у Чибисова был готов ответ.

— Плохо, — вздохнул он.

— Это ж почему? — удивилась тетя Люся.

— Потому что она женщина и ей нельзя развивать плечи, — объяснил Чибисов горестно.

Тетя Люся будто не расслышала.

— Кто, кто твоя мама? — подозрительно прикрыв рот рукой, переспросила она.

— Женщина, — не поленился повторить Чибисов.

Тетя Люся почему-то захлебнулась смехом, заторопилась и убежала. Чибисов так и не понял, почему. Потом он целый день, пока папа с мамой были на работе, рассказывал всем во дворе, почему его маме нельзя развивать плечи. Леночка из пятой квартиры возмущалась:

— Ты что же, думаешь, одна твоя мама — женщина?!

— Конечно, — гордо подбоченился Чибисов.

— А вот и нет! — топнула Леночка ножкой. — Моя мама тоже.

Чибисов даже задохнулся от возмущения и привел последний, неопровержимый довод:

— Папа сказал, что только наша мама — женщина.

Леночке на это возразить было нечего, она чуть не заплакала от обиды, но тут увидела свою маму и бросилась ей навстречу с криком:

— Мама, мама, ведь правда, что и ты женщина?!

У Леночкиной мамы вывалилась из руки сумка.

— Немедленно идем домой! — приказала она дочери.

— Вот видите, — сказал Чибисов ребятам, которые стояли на стороне Леночки. И те вынуждены были согласиться, что только у Чибисова такая необычная мама.

А вечером мама поставила Чибисова в угол. — Думай, когда что-нибудь говоришь, — объяснила она наказание. Но Чибисов так и не понял, за что его наказали, и очень обиделся. Особенно на папу.

ШАГОМ МАРШ!

Чибисов идет по улице. Его маленькие ноги ступают твердо и размеренно: раз-два-раз-два. Так ходят солдаты. Сейчас Чибисов тоже солдат. Правда, у него нет военной формы, а

ЗАРЯДКА

Каждое утро семья Чибисовых делает зарядку.

— На зарядку ста-ановись! — командует в семь утра папа, и все выстраиваются в большой комнате по росту: первым папа, за ним мама, а уж за мамой сам Чибисов. Папа с мамой одеты в спортивные костюмы, а Чибисов в футболку и трусики.

— На месте шаг! — ма-арш! — начинает папа утреннюю зарядку.

Чибисову нравится и маршировать на месте, и, не сгибая колен, доставать кончиками пальцев до полу, и делать приседания, а особенно крутить руками. Чибисов знает, что от этого упражнения развиваются плечи. А он очень хочет, чтобы у него были такие же широкие плечи, как у папы. Когда они с папой начинают крутить руками, мама убегает на кухню готовить завтрак. Чибисов как-то спросил, почему мама никогда не развивает свои плечи.

Папа, не задумываясь, ответил, что развитые плечи маме не нужны.

главное, погон и винтовки. Но это ничего. Ведь никто не знает, что он сейчас солдат. Это знает только он, Чибисов. Вот и хорошо, а то было б переполоху на улице: и машины бы остановились, и люди бы удивленно таращили глаза: «Надо же, такой маленький, а уже солдат!»

Вчера он был летчиком. А сегодня солдат. Его ноги нисколько не устали, хотя он идет уже долго. «Наверное, целый час», — решает Чибисов. Идти осталось совсем немного. Он сворачивает за угол и застывает в растерянности: посередине тротуара стоит настоящий военный с двумя большими звездами на погонах и разговаривает с девушкой. Обойти их никак нельзя: Чибисов дал маме слово, что по проезжей части дороги ходить не будет. С минуту Чибисов думает, как ему поступить, потом делает несколько шагов к паре, мешающей ему пройти, щелкает сандалетами и, вытягиваясь, говорит военному:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться?

Подполковник очень серьезно разрешает:

— Я вас слушаю.

— Разрешите пройти, товарищ подполковник, — выкладывает свою просьбу Чибисов.

— Ах да, конечно... — отчего-то краснеет военный, уступая дорогу, но тут же берет себя в руки: — Можете продолжать свой путь, рядовой... э... э...

— Чибисов, — подсказывает Чибисов.

— ...Чибисов, — командирским голосом заканчивает подполковник.

Чибисов, прижав руки к бедрам, парадным шагом минует военного. Он чувствует спиной его взгляд, но не оглядывается. Оглядываться солдату не положено, пока не распорядится старший по званию. А неплохо было бы, если б подполковник распорядился. Тогда бы они, может, поговорили с ним о танках. Ведь Чибисов сразу заметил, что подполковник — танкист. Небось, ему скучно разговаривать с девушкой. Что она может знать о танках?

Наконец Чибисов доходит до места. Дом, который строит его отец, подросток со вчерашнего дня на целый этаж. «Мне бы так», — задумывает Чибисов. Он застыл на открытой площадке, чтобы его поскорее заметил папа. Но папа вряд ли заметит его скоро. Чибисов определяет это по безостановочно движущейся стреле подъемного крана. Папа Чибисова — машинист подъемного крана, и это ему сейчас кричат слова «вира» и «майна». Папа работает. А когда он работает, ему мешать нельзя. Недаром мама своим подругам говорит, что у папы на строительстве самая ответственная работа. Поэтому Чибисов терпеливо ждет. А чтобы ждать не было скучно, он представляет себя на посту охраняющим полковое знамя. На груди у него — автомат, а на поясе сбоку — штык. И пусть только кто попробует сунуться к знамени!..

— Заждался? — Это голос папы. Чибисов огорчается: как это он не заметил, когда остановилась стрела крана и папа спустился на землю? Но тут же успокаивает себя: «Я ведь знамя полка охранял».

Папа уже успел переодеться: он в светлых брюках и футболке. У него очень широкие плечи и сильные руки. Он запросто может поднять одной рукой маму, а другой — Чибисова. Папа сильный, потому что служил в армии и имеет звание сержанта.

Папа весело щурится и спрашивает:

— Ты сегодня кто?

Папе раскрыть тайну можно, и Чибисов ее раскрывает:

— Солдат.

— Отлично, — улыбается папа и расправляет плечи: — Рядовой Чибисов, слушай мою команду! Домой, к маме, шагом марш!

— Есть! — охотно подчиняется Чибисов, и вот они уже шагают вместе, нога в ногу.

Из поэтической тетради

Юлия ДРУНИНА

Декретом времени, эпохи властью
У ветеранов мировой войны
Жизнь — красным — на две разделило

части,

Как некогда погоны старшины.

Цвет пламени, цвет знамени, цвет крови!
Четыре долгих, тридцать быстрых лет...
Не стали мы ни суше, ни суровой —
И только в сердце от ожога след.

Как на войне, чужой болеем болью,
Как на войне, чужого горя нет...
Две разных жизни — две неравных доли:
Четыре года, после тридцать лет.

Легка. По-цыгански гордо
Откинута голова.
Техасы на узких бедрах,
Очерчена грудь едва.
Девчонка, почти подросток,
Но этот с зеленью взгляд! —
Поставленные чуть косо
По-женски глаза глядят.
В них глубь и угроза моря,
В них отблеск грядущих гроз...
Со смуглою кожей спорит
Пшеничный отлив волос.
Легка, за спиною крылья —
Подставив над землей вспорхнет...
Неужто такими были
И мы в сорок первый год?..

Белла АХМАДУЛИНА

ЧУЖОЕ РЕМЕСЛО

Чужое ремесло мной помыкает.
На грех наводит, за собой маяя.
Моя работа мне не помогает
и мстительно сторонится меня.

Я ей вовеки соблюдаю верность,
пишу стихи у краешка стола,
и все-таки меня снедает ревность,
когда творят иные мастера.

Поет высоким голосом кинто,
и у меня в тбилисском том духане,
в картинной галерее и в кино
завистливо заходится дыханье.

Когда возводит красную трубу
печник на необжитом новом доме,
я тоже вытираю об траву
замаранные глиною ладони.

О, сделать так, как сделал оператор —
послушно перенять его пример

и, пристально прикинув к аппаратам,
прищуриться на выбранный предмет.

О, эта жадность деревце сажать,
из лейки лить на грядках неполитых
и линии натурщиц отражать,
размазывая краски на палитрах!

Так власть чужой работы надо мной
меня жестоко требует к ответу.
Но не прошу я участи иной.
Благодарю скупую радость эту.

Римма КАЗАКОВА

ЖЕНЕ КОММУНИСТА

Посвящается Тамине Адиль, вдове
Саяма-Адила, секретаря Иракской
коммунистической партии,
убитого фашистами.

Сестра моя,
мы — жены коммунистов,
рабочих,
и поэтов,
и министров.

Путь коммуниста крут и каменист.
Но век двадцатый —

тоже коммунист.

Как после рейса разгружают трюмы,
так век двадцатый разрушает тюрьмы,
внушает людям:

— Братья и друзья!

Не коммунистом
быть уже нельзя!..

Сестра моя,
мы — жены коммунистов,
подпольщиков,
застрельщиков,
горнистов, —

за ними мы идем —
пусть битвы жарки! —

Как шли на баррикады коммунарки.
Когда враги уводят их на плаху,
они, мужчины, не велят нам плакать
и умирают на рассвете мгlistом,
чтоб новый день рождался

коммунистом.

Сестра моя,
тебя мне не утешить.
Но мы с тобой врага слезами тешить
не будем!

Пусть он злобен и неистов,
сестра моя,
мы —
жены коммунистов!

Что значит:
быть женою коммуниста?
...Склоняются знамена низко-низко
перед тобой,

перед его вдовой.
Теперь в тебе,

в тебе одной —
вас двое.

ОДНА, НО

ПЛАМЕННАЯ

Маленькая девочка повязывает алый понерский галстук высокой седой женщиной с добрыми глазами и чуть грустной улыбкой.

— Спасибо, родные мои. Это очень дорогой подарок. Я буду хранить его, передам своим внукам. Если увижу, что растут они хорошими людьми.

Разговор в кругу молодежи:

— Вы спрашиваете, каким мне представляется герой нашего времени? Ну, конечно, не холодным прагматиком. В наше время бурных революционных перемен—это человек с душой горьковского Сокола, романтик революции...

Доверительно в разговоре со мной:

— Любимо Толстого, Лермонтова. Особенно эти строки:

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть...

Короткие эти записи о Фанни Эдельман я сделала в первый день нашего знакомства. Знала, что Фанни всегда с неохотой говорит о себе, и сначала разговора у нас не получилось. Но помог случай. Фанни сама подошла, когда мы беседовали с вьетнамками, среди которых были мои старые друзья.

— Вы жили в этой стране?—спросила она.—О чем они рассказывают?

И мы разговорились...

— В 1973 году я летала в ДРВ с делегацией Международной демократической федерации женщин на празднование первого мирного нового года—традиционного вьетнамского Тэт,—сказала Фанни.—Приглашение на этот праздник делегации МДФЖ было выражением признательности за большую помощь и дружескую поддержку, которую Федерация оказывала Вьетнаму все долгие годы его справедливой героической борьбы. Это был незабываемый праздник. Розовые облака цветущего персика, необыкновенный фейерверк, а главное, счастливые лица вьетнамцев, победивших, раздавленных мира... Но я видела и другое: еще свежие следы осколков на стенах домов, разрушенные улицы, глубокие воронки на нераспаханном поле, маленьких инвалидов—детей Вьетнама. Все это не дает права забывать о недавней войне, напоминает нам о долге перед теми, на чьей земле еще нет мира.

А потом мы говорили о женском движении и его проблемах, о стране, где родилась Фанни и где ее дом.

Она аргентинка. Ее родина—одна из самых больших стран Латинской Америки. Земли бескрайней пампы плодородны, дают много хлеба, винограда, сахарного тростника. Пастбища Аргентины—это фабрика мяса, которым кормится добрая половина стран в Европе и Америке. Горы прячут в своих кладовых уголь, железо, драгоценные металлы. Богата эта страна. Но туго живется в ней пастуху и шахтеру, ткачу и металлургу. За их счет наживаются и собственные хозяева и десятки иностранных монополий.

Может быть, потому, что кругом было так безрадостно и горько, девочка из рабочего квартала Буэнос-Айреса потянулась к музыке, связала с ней свои мечты о будущем. Но семья Фанни жила бедно. Родители с трудом учили троих детей, и ей рано пришлось работать. Тогда впервые и проявился железный характер Фанни: она сама зарабатывала на хлеб, но музыкальное образование завершила. Она играет Бетховена, Рахманинова, Чайковского. Но больше любит Мусоргского: в его музыку слышится ей голос народа, его исполненная сила.

— Мне было девятнадцать, когда к власти в Аргентине пришел диктатор Урибуру,—говорит Фанни.—Это была осень 1930 года. Для нас наступили черные времена. Положение рабочих, крестьянской гольтыбы было отчаянным. Но народ не молчал. Начались бурные выступления рабочих и студенческой молодежи. Бастовали металлурги, рабочие мясохладобоев, лесобработывающих предприятий.

Тюремные застенки были переполнены рабочими, молодежью. Самым страшным было попасть в Усуая—это проклятое место у самого Южного полюса. Туда бросали коммунистов—лучших наших людей.

Друзья помогли мне связаться с национальным отделением МОПРа—Международной организации помощи политзаключенным. В этой организации и прошла я начальную школу политической и революционной борьбы.

История Аргентины после сентябрьских событий 1930 года—непрерывная цепь государственных переворотов. Но все сменявшие друг друга режимы были антинародны и антидемократичны.

В 1934 году Фанни стала коммунисткой.

— Партия тогда находилась в подполье,—рассказывает она.—В деталях помню день приема в партию, помню людей, поручившихся за меня перед товарищами. Тогда среди коммунистов было не так много женщин. Это теперь нас почти треть в Компартии Аргентины.

18 июля 1936 года в Испании был поднят франкистский мятеж. На помощь народу Испании пришли друзья. Они ехали через океаны, за тысячи километров от дома, чтобы встать рядом с республиканцами, чтобы здесь, на испанской земле, бороться против общего врага—международного фашизма.

Среди них была и Фанни Эдельман. Она отправилась в Испанию по заданию МОПРа. Винтовка всегда была наготове, но ей поручили не менее важное дело. Организация питания, снабжение одеждой, медицинская помощь гражданскому населению и бойцам республиканской армии—в тех условиях задание не из легких. Надо было заботиться о хлебе и крове для беженцев из тех мест, где свирепствовал Франко, об инвалидах войны, осиротевших детях, больных, стариках. Приходила помощь от друзей—пароходы с продовольствием, одеждой, лекарствами. Мопровцы проводили сбор денег среди населения самой Испании. Люди охотно жертвовали для дела победы то немногое, что имели сами. Фанни помогала эвакуировать детей патриотов и коммунистов.

Я жадно расспрашивала Фанни о ее жизни в Испании, она же рассказывала не о себе, а о тех, кто делил с республиканцами радость побед и горечь поражения: о русских, французах, американцах, о всех, кого испанцы называли камарадас и для кого служило паролем короткое и решительное «Но пасаран!».

Фанни Эдельман покидала Испанию неприимным врагом фашизма, с ненавистью в сердце к тем, кто потопил республику в крови.

22 июня 1941 года вечерние газеты Буэнос-Айреса сообщили о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. В то время аргентинские коммунисты готовили свой съезд. Горячая солидарность с народом Страны Советов нашла выражение в документах съезда.

...Фанни—большой наш друг. «Люблю Советский Союз, как люблю мечту. Таким я представляю будущее моей Аргентины».

Помню, во время работы международного семинара представителей женских организаций азиатских стран в Алма-Ате казахские

женщины устроили для делегатов поездку на текстильный комбинат имени 50-летия Октября. Иностранцы гости ходили по цехам, расспрашивали работниц о жизни. Фанни молча смотрела, слушала. А когда прощались, крепко обняла пожилую женщину.

— Мучас грасиас. Спасибо.

— За что?—улыбнулась та.

— За то, что создали этот мир. Своими руками. В трудностях. В войнах. Когда неоткуда было ждать помощи. И все-таки построили. И мы можем теперь говорить рабочим: все в наших силах, товарищи! Посмотрите на советских друзей.

...В 1941 году в Аргентине создается организация солидарности с борьбой советского народа против гитлеризма—«Союз победы». Фанни Эдельман—одна из ее основателей.

— Правительство Аргентины было пособником Германии в этой войне, дружило с Муссолини, заигрывало с Японией,—вспоминает Фанни.—Но простой народ симпатизировал Советской стране. Конечно же, мы, коммунисты, активно участвовали в движении солидарности с Советским Союзом. Это движение охватило население городов и деревень. Устраивались митинги. Шел сбор средств и вещей в фонд всех стран антигитлеровской коалиции. Но у каждого, сдававшего свою посылку в комитеты помощи, было право написать, в какую страну он ее направляет. На большинстве посылок стоял адрес: Советский Союз. Хорошо это помню, потому что работала в комитетах.

В те годы открыто высказывать свои симпатии к Советской стране было небезопасно. И уж, конечно, не поощрялась властями деятельность в поддержку советского народа. Особый отдел полиции по борьбе с коммунизмом установил слежку за подозрительными. Коммунистов бросали в тюрьмы. Не избежала этой участи и Фанни. Ее не раз арестовывали. Но и в тюремной камере она умела быть стойкой, даже там продолжала борьбу.

Когда Советская Армия нанесла последний смертельный удар по врагу в Европе, профашистской клике, находившейся у власти в Аргентине, пришлось сменить тактику. Пришлось удовлетворить и требование об освобождении политзаключенных. Летом 1945 года Компартия Аргентины вышла из подполья и 1 сентября устроила в Буэнос-Айресе первый легальный митинг—грандиозный народный праздник, посвященный великой Победе.

Не допустить повторения трагедии второй мировой войны, объединить усилия народов в борьбе за мир и дружбу—с этой целью стали создаваться общественные международные организации: молодежные, профсоюзные, женские.

1 декабря 1945 года на Международном конгрессе женщин в Париже родилась Международная демократическая федерация женщин. В ее руководство—Бюро МДФЖ—почти с первых дней вошла Фанни Эдельман.

— В нынешнем году мы отмечаем 30-летие МДФЖ,—говорит она.—За эти годы Федерацией сделано много для того, чтобы на земле торжествовали мир, демократия и справедли-

СТРАСТЬ

вость, много сил положено в борьбе за равноправие женщин, за счастливое детство юных жителей нашей планеты. Федерация выросла — сейчас в ее рядах 120 национальных организаций 103 стран. Окреп ее международный авторитет.

Мне посчастливилось долгие годы работать в Бюро с Эжени Коттон, первым и до 1967 года бессменным президентом МДФЖ. Ученый-физик, участница Сопротивления в годы второй мировой войны, эта француженка обладала неиссякаемой энергией, большим умом и обаянием. Заслуги Эжени Коттон отмечены международной Ленинской премией за укрепление мира между народами.

Фанни Эдельман давно и много работает среди женщин. Долгие годы она — генеральный секретарь, затем вице-президент Союза аргентинских женщин. И сейчас член ЦК Компартии Аргентины Фанни Эдельман — уполномоченная своей партии по работе с женскими массами.

— Прежде всего это вовлечение женщин в общую борьбу за улучшение жизни наших рабочих, портовиков, крестьян, — рассказывает Фанни о своей работе. — Только таким образом можно сделать что-то доброе для наших женщин и детей. Во время известной забастовки рабочих-металлургов в Вилья Конститусион, длившейся около двух месяцев, заботу о семьях рабочих взяли на себя члены Союза аргентинских женщин. Они же приняли участие в выступлениях почтовых служащих, состоявшихся в знак солидарности с металлургами.

Аргентинки были активными борцами против диктаторского режима. С 1973 года мы стремимся, чтобы не остались только на бумаге обещанные нам новым правительством добрые перемены: демократизация жизни, ликвидация власти иностранных монополий, ограничение крупной земельной собственности, развитие связей с социалистическими странами, с Кубой, которой прежними властями был объявлен бойкот. Эти задачи нашему народу приходится решать в тяжелых условиях. В последнее время подняла голову реакция. Ее поддерживают империалистические силы извне. Диверсии, саботаж, активизировались профашистские организации...

В 1972 году Фанни Эдельман избрана генеральным секретарем Международной демократической федерации женщин. Она говорит о работе на этом посту как об очень ответственном периоде своей жизни. И поясняет: потепление международного климата, успехи в борьбе за разрядку международной напряженности открывают большие возможности для претворения в жизнь программы Федерации.

— Мы намерены продолжать и расширять свою помощь женским организациям развивающихся стран. Большую тревогу вызывает положение на Ближнем Востоке. Федерация всегда стояла на стороне арабских народов, подвергшихся израильской агрессии, выступала за справедливое урегулирование положения в этом районе в духе решения ООН.

Мы говорим с Фанни о Чили. Она хорошо знает эту страну, часто бывала там, дружна с чилийскими коммунистами.

— В январе 1974 года МДФЖ направила в

Генеральный секретарь МДФЖ Фанни ЭДЕЛЬМАН.

Фото В. Вавилиной.

Чили делегацию, — рассказывала Фанни. — Это была первая международная делегация, посетившая страну спустя три месяца после фашистского путча. Никто не мог гарантировать безопасность делегации. Женщины тайно встречались с вдовами расстрелянных патриотов, с жертвами пиночетовского режима, с теми, кто продолжал борьбу, оставаясь в стране. Из Чили делегация привезла обвинительные документы: ужасающие факты зверств и расправы над патриотами, надругательства над достоинством народа. Эти документы стали достоянием общественности. Был подготовлен доклад Генеральному секретарю ООН, в Комиссию по правам человека. Разъехавшись в свои страны, члены делегации стали организаторами кампаний солидарности с народами Чили.

— Надеюсь, — продолжала Фанни, — что нынешний год, который назван Международным годом женщины, принесет ощутимые результаты. Я не могу не вспомнить сегодня о Херте Куусинен, втором президенте МДФЖ. Она была горячим борцом за проведение Года. В 1972 году от имени МДФЖ она внесла это предложение на Генеральной Ассамблее ООН, приложи-

ла немало стараний и энергии, чтобы эта идея обрела как можно больше сторонников. И вот теперь мы можем видеть результаты: представительные международные конференции на правительственном уровне, собрания общественности, различные региональные и национальные мероприятия — все это дало возможность сосредоточить внимание на жизненно важных вопросах, которые заключены в трех словах, ставших программой Года: равенство, развитие, мир.

...Через несколько дней Фанни улетала во Вьетнам. Снова предстояла дорога. Важная, напряженная работа.

— Вам, наверное, редко приходится бывать дома?..

— Нет, почему же? У меня и дома много дел...

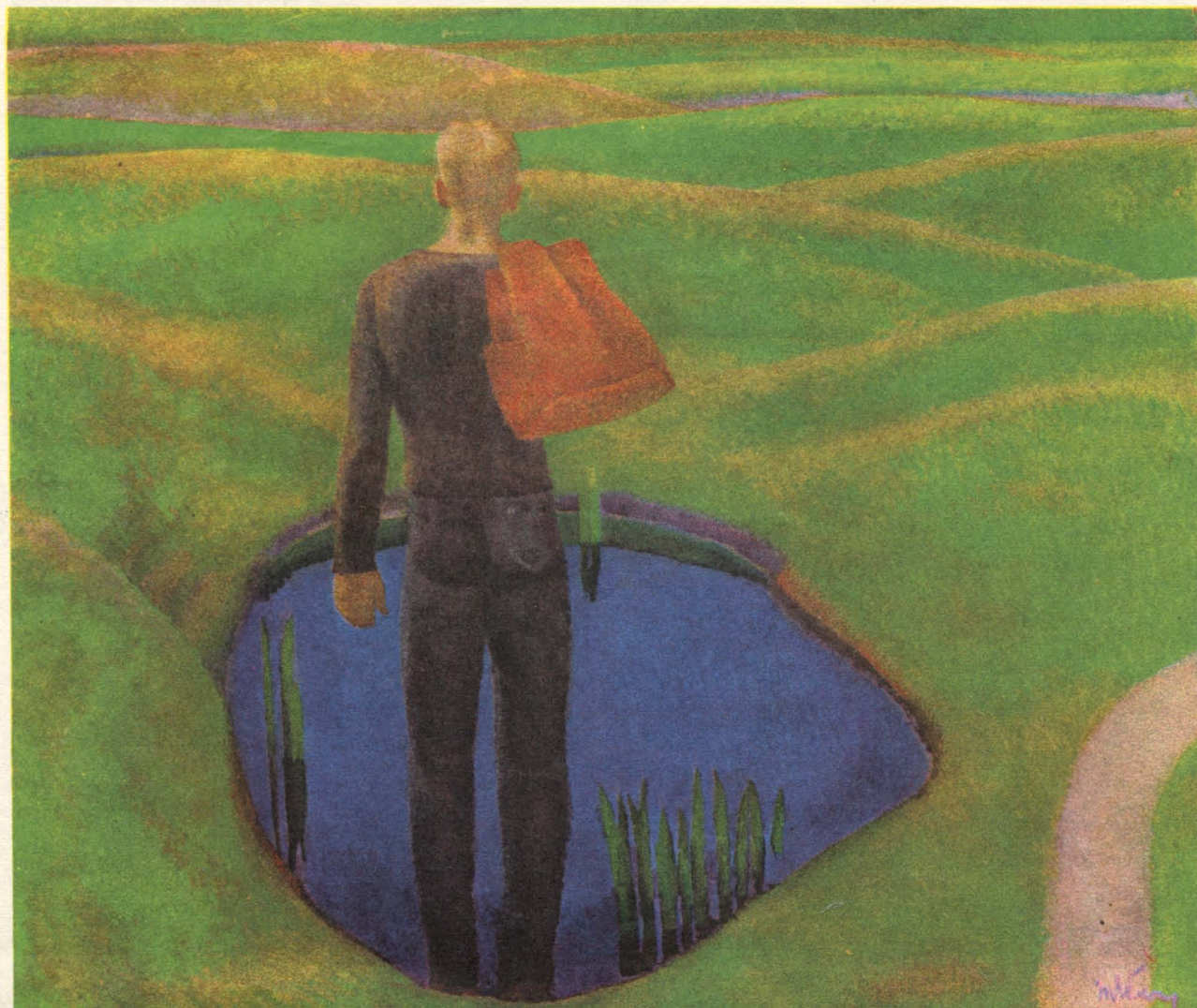
О таких людях, как Фанни Эдельман, писать нелегко: невольно сбиваешься на рассказ о времени и о событиях. Но в этом есть своя логика: ведь их судьба — единое целое с миром, в котором они живут неотделимая от борьбы, которая становится их собственной жизнью.

А. ЩЕДРОВА

Т. ЯБЛОНСКАЯ.

ЖИЗНЬ ИДЕТ.
ЮНОСТЬ.

В. Бородай.
Портрет Т. Яблонской.

Владислав ЗИМЕНКО,
кандидат искусствоведения

ПОСТИЖЕНИЕ ЖИЗНИ

Талант Татьяны Нилловны Яблонской — исключительный, редкостный. Ее живописные произведения образуют мир сложный, многообразный, где звучат и светлые, праздничные мелодии, слышатся и драматические напевы, где человек начинает открывать вдруг значительное, трогательное, прекрасное во всем, мимо чего подчас равнодушно проходил в жизни.

Как неприхотлив мотив ее небольшой пейзажной картины «У синего моря» (1972). Уголок жаркого песчаного пляжа с веселым дощатым домиком и небо, ласковое и бездонное. Людей не видно, но все говорит о мирной жизни, о спокойном отдыхе. Краски небольшого полотна — синие, лиловые, голубые, желтые, оранжевые — образуют ясный, звучный, мажорный аккорд.

Другой ее пейзаж — «Зимний день» (1973). Сколько раз художники изображали зиму — то хмурую, пронзительно холодную, с колочим морозом, то, напротив, ясную, декоративно-звонкую. Яблонская вплела в этот огромный разногласный хор свой неповторимый голос. Ее зима какая-то по-особенному человечная. Она морозная и снежная, но без леденящей стужи, без ярких красок. Снег мягко, ласково обволакивает предметы, как бы «одевает» их, и бледное солнце не слепит глаза. Все очень скромно. И трогательная деталь — след санок и следы маленьких ножек: играли дети. А вдаль на желтоватом льду реки (мы смотрим на дом и сад несколько сверху, так, что открывается широкая перспектива окрестностей) весело снуют фигуры конькобежцев... От такого пейзажа человек не скоро отходит, а

отойдя, запоминает его надолго, получив незаметно эстетический и, что особенно важно, нравственный урок.

Яблонская вошла в наше искусство стремительно и уверенно. Человек темпераментный, сильного характера, она своим искусством вызвала споры, кипение творческих страстей. Веселое озорство и щедрая радость соседствовали, однако, в ее ранних работах со все более крепнущей силой гражданского жизнеутверждения, с активным гуманизмом.

Гармоничный сплав этих тенденций в картине 1949 года «Хлеб» был единодушно и по достоинству высоко оценен и зрителями и критикой. Жизнерадостные образы колхозниц привлекали и убеждали высокой правдой жизни. Яркое полотно, как бы излучающее свет солнца и заразительно-горячий ритм коллективного труда, прочно вошло в сокровищницу нашей культуры. Однако эта картина не имела прямого продолжения и развития в творчестве художницы. Яблонская решительно ступила на путь поэтически-философских раздумий, поисков, хотя по-прежнему в центре ее внимания был образ современной украинской женщины — труженицы, матери, наставницы, любимой... В образе женщины Яблонская искала и находила все новые и новые грани духовных, нравственных достоинств. И неочевидным подспорьем в ее поисках оказалось самобытное искусство народных мастериц и умельцев. Оно живет везде на Украине, едва минуешь шумные кварталы крупных городов. Но в особенно ключевой чистоте, быть может, в Закарпатье. И именно упрочившиеся связи с этим краем внесли в

жизнь Яблонской свежие впечатления, отложившиеся в ее творчестве новыми колористическими и композиционными идеями. Бытовой мотив встает перед художницей в сложном переплетении отшумевшего прошлого и современности, нового и традиционного, извечно-мудрого и утонченно-интеллектуального.

В картине «Лето» (1967) внимательный зритель отмечал не только декоративные красоты. Полотно это — как бы распахнутое окно в безмятежное детство. Реальный уголок сельского украинского ландшафта, играющие на берегу речки две девочки в белых платьях — все это поэтически преображено художницей в живописную песню о родной природе, о веселом лете, о радости детства. Картина вызывает представления о светлом и прекрасном мире, окружающем ребенка. Он и реален и в то же время сказочен. Он и безмерно велик и в то же время замкнут, легко обозрим в своих ритмически упорядоченных формах.

Обширный ряд картин на протяжении 60-х годов создан Яблонской, радостно открывавшей все новые и новые возможности использования народных традиций в профессиональном искусстве живописи. «Молодая мать», «Обрученные», «Бумажные цветы», «За вязаньем», «Колыбель» и особенно большая картина «Жизнь» — широкий круг эстетических и философских проблем времени.

Уже неторопливым чередованием вертикалей и горизонталей картина «Жизнь» как бы заявляет о ритмах человеческой жизни, закономерном росте и «напластовании» поколений. И живым символом этого естественного процесса предстает фигура пожилой крестьянки с вьюком на коленях. Художница, сопоставив умудренность старости и наивность детства, не пытается углубленно исследовать конкретный духовный мир (этого и не нужно требовать от нее в данном случае!). Другая, не менее важная задача волнует ее — поведать о высокой этике жизни простой трудовой семьи. Народный бытчай вешать на стену хаты фотографии членов семьи, памятные документы и реликвии помогает ее художественному разрешению. Перед нами — история большой семьи, но в бедно обставленной, хотя и чисто прибранной хате только двое — бабушка и внучек. Может быть, это намеки на невосполнимые потери близких? Печально и измощенно лицо старухи, но она держится прямо, бережно обхватив руками тельце ребенка — каплю жизни, побеждающую неутомимый ход времени. Несмотря ни на какие испытания, человек должен думать о жизни, утверждать жизнь, делать ее чище, светлее, прекраснее — вот большая, философски емкая идея картины. Ее доносит к зрителю ясная чистота красок, в светло-холодноватый общий строй которых вкраплены теплые — красные и желтые, как бы вестники горячего дыхания большого дружеского мира людей, живущих невдалеке от этих двух существ. Они не обездолены, не забыты, не покинуты...

Эта же связь непосредственно воплощается в другой картине,

«Жизнь продолжается», органично входит в содержание и двух крупнейших произведений художницы конца 60-х годов — «Безымянные высоты» и «Юность». Их нельзя рассматривать порознь: они порождены одним настроением, одной неотступно цемившей болью, одной страстно искавшей выхода мыслью — следы прошумевшей над страной военной бури и современности. Раны земли и раны сердца.

Неторопливо и величаво от первого плана до горизонта разворачивается огромное пространство чуть всхолмленной степи. Хатки, овраги, зеленые кусты. И бывшие окопы, сглаженные временем, поросшие травой. Образ огромной страны, тяжело израненной, но оправившейся, снова цветущей.

Сюжетный мотив другой картины также прост: парень, шедший по родной земле, по зеленому мирному лугу (дальний план напоминает холмистую степь преддышущего пейзажа), остановился у небольшого озера, ничем, казалось бы, не примечательного. Но как напряженно вытянулась и замерла долговязая фигура парня! Круглое озеро, видимо, бывшее некогда воронкой от бомбы, как бы «глядит» на нас тревожным густо-синим «глазом». То проступает из мрачной глубины неизгладимая боль войны. И недаром жесткие листья осоки похожи на оточенные лезвия штыков... Трагедия и героика прошлого взывают к юности наших дней, и их призыв услышан сердцем, он не может не быть услышан.

Новая картина, создававшаяся долго и увлеченно, показала новую грань творчества художницы. Сдержанная ясность чувств после прошедшей грозы — такова эмоциональная атмосфера полотна «Вечер. Старая Флоренция». Приобщенность к миру классики не обернулась здесь стилизацией. В широко распахнутое окно мы вместе с художницей глядим на старые итальянские храмы, вписанные в золотящееся небо, и как бы зримо ощущаем дыхание былого, присутствие его в нашем дне. Прошлое далеко от нас, но его не отринешь.

Огромен мир образов Татьяны Нилловны Яблонской, в нем есть свои контрасты, широкая шкала эмоциональных красок. Но он тем не менее обнаруживает и глубокое единство. Произведения ее всегда излучают оптимизм и ту удивительную «осердеченность» мировосприятия, которую замечательный живописец К. Ф. Юон считал ценнейшим, хотя и редким свойством творческой природы.

Нет ничего удивительного в том, что народный художник Украинской ССР, лауреат двух Государственных премий СССР, член-корреспондент Академии художеств СССР, профессор Яблонская принадлежит к числу наиболее популярных в широких кругах зрителей и наиболее авторитетных в профессиональной среде мастеров советского искусства. И недаром на выразительном портрете, выполненном украинским скульптором В. З. Бородаем, она выглядит некоей вдохновенной музой живописи. В этом, право же, нет большого преувеличения.

Т. РЯБИКИНА

Н а Памире что ни имя—символ. То переводят тебе «Золото», то «Красавица», то «Улыбка». Так сказать, в колыбели человеку дан аванс на его будущие достоинства. Будь добр, расти и соответствуй! А имя Паринамо и вовсе редкость. Это мать придумала, юной матери было пятнадцать, она

Паринамо Джумаевна Джумаева.

Фото О. Кобилбекова.

„ВНАЧАЛЕ Б

и намечтала дочери возвышенное, загадочное—«Ангел луны» («Где же ангел? Где луна?»—гортанно засмеется Паринамо Джумаевна Джумаева, рассказывая мне об истоках своего имени; действительно, маловато в ее характере и от кротости ангела и от равнодушия луны).

Я должна ехать по делам в ботанический сад, жду в обкоме партии машину. А в круглом зале сейчас совещание. Дежурный объясняет это двум приезжим, которые разыскивают Джумаеву. Подойдут с расспросами ко мне. Так и есть. Разговорились: преподаватели московского педагогического. Здесь на практике с будущими географами и ботаниками. Объехали Восточный Памир, где глаз тоскует по зелени; видели стада яков, собрали гербарии, отсняли пленки.

— Представляете, сколько у ребят впечатлений?

Представляю. Сама каждое утро, веря и не веря, подхожу к неумолчному гостиничному окну, вглядываюсь в плотные валы настырного Гунта, укрошенного бетоном набережной, а потом задираю голову к нетающей шапке горы, у подножия которой жара. И справа нагромождения и слева. Теснина. Тесно и беспокойно человеку равнинному от сознания своей малости. И маленький мужественный Хорог, самый маленький областной центр в стране, укрепившийся в этой теснине, пробующий уже возводить и современные многостажные здания, озеленяющий каждый лоскуток среди скал, не перестает удивлять.

— Нам надо в Душанбе,—объясняют москвичи.—Не слышали, погода летная?

Я уже старожил и знаю, как это определить: посмотреть в сторону «Рушанского коридора».

Самолету выбирать по довольно узкому ущелью, и, если гуляет в «коридоре» облачко, даже перышко тумана, вылет отменяется.

— Интереснее ребятам, конечно, на машинах: хорошо бы останавливаться, поносить гербарий пополнить. Но у автобазы план перевозок.

— И еще какой план!—защищаю «нечуткую» автобазу.—За лето и топливо сюда надо забросить, и удобрения, и лес для строек, цемент, промтовары.

— Ясно. Но кому-то из ребят еще доведется здесь побывать? Нам посоветовали, найдите Джумаеву. Правда, неудобно к секретарю обкома по такому вопросу. Но ребята ждут... Как считаете, поможет?

Успокаиваю: поможет. А сама думаю: ну, почему же и с такой докукой обязательно к Паринамо? Потому что женщина и ближе примет к сердцу заботу о детях, хоть и великовозрастных? Потому что патриотка своего края и не потерпит, чтобы для кого-то восхищение Памиром чем-то омрачилось? Или потому, что при ее авторитете любая проблема решается быстрее?

Когда мы будем обстоятельно беседовать с первым секретарем Горно-Бадахшанского обкома партии Хушкадамом Давляткадамовичем Давляткадамовым—о сегодняшнем Памире, о его трудностях и проблемах, о Международном годе женщины,—речь зайдет о круге обязанностей секретаря обкома по идеологии. «Круг обязанностей?»—переспросит Давляткадамов.—Не круг, скорее окружность, у которой, как известно, начала нет и нет конца. А если серьезно, каким кругом можно ограничить деятельность любого партийного работника? Тем более вы о нашей Паринамо...»

Обычно к вечеру завтрашний день спланирован у Джумаевой полно и четко, до минут. Заметки, что делала в течение дня, сведены воедино на настольном календаре. Предстоящие дела перечислены на странице пухлого дневника, с названиями организаций, именами и телефонами.

Пожалуй, эту уважительную аккуратность в обращении с документами и материалами можно расценить как своеобразное стремление к НОТУ. Уж если в разговоре упомянула Паринамо какую-то цифру, она тут же в одной из папок отыщет источник—вырезку ли из газеты, доклад или выписку из книги. И от своих коллег требует четкости: «В общем и целом я представляю. Давайте конкретно на сегодняшний день».

Может быть, пристрастие к точности у Паринамо в чем-то от изначальной ее профессии—от математики?

И еще я обратила внимание: у Джумаевой привычка все тщательно конспектировать. Два дня мы сидели бок о бок на научно-теоретической конференции по проблемам воспитания интернационализма. Конференция была серьезная, со всей области съехались в Хорог бойцы идеологического фронта, прибыли и представители других областей, с интересной, яркой речью выступила секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Таджикистана Ибодат Рахимовна Рахимова. Джумаева не позволяла себе передохнуть и минутки, внимательно конспектировала речи гостей: и директора душанбинской средней школы, и секретаря-парткома Ленинабадского шелкового комбината, и секретаря колхозной

партийной организации из Кумсангирского района.

Внимание к опыту других, к поискам у Паринамо неизменно. Расскажу случай забавный: как мы поменялись ролями; как она брала у меня дотошное интервью. Уж не помню, в какой связи, рассказывала я про командировку в Дагестан, на слет матерей-героинь, первый в Союзе слет такого рода. «Матерей собрали?»—загорелась Паринамо.—Жаль, что не мы придумали. Проведем обязательно, героинь и у нас хватает. Поклониться за материнский подвиг—это же можно сделать душевно! Расскажите подробно».

И ведь снова вспомнишь НОТ, обязывающую брать на вооружение любой полезный опыт. Впрочем, не покажутся ли ссылки на НОТ натяжкой в разговоре о такой сложнейшей, кропотливой, невидимой глазу работе, как идеология? Ну в самом деле, речь о совершенствовании человеческой души, а я о четкости планирования дня секретаря обкома. Но сколько же дел внеплановых, внеочередных претендует на внимание Джумаевой! Решать их как раз и помогают собранность, деловитость.

К примеру, были мы на швейной фабрике № 3. Секретарь парткома Ашрафмо Курбанмамдова водила нас по цехам, знакомила с работницами (во всем коллективе нет человека без среднего образования!), показывала продукцию—белье, брюки, тщательно отглаженные национальные платья. Сама старший экономист, Ашрафмо с гордостью называла цифры роста. Предприятие совсем молодое, а уже складываются традиции, уже есть здесь свои ударники коммунистического труда. Но

что-то чистили, красили, окапывали, убирали. И в районах, где довелось мне побывать, тоже кипела генеральная уборка. Репетировались концерты и спортивные праздники, готовились выставки и лекции.

Понятное дело, секретарь обкома по идеологии—в самой гуще всех этих приготовлений.

Выкраивая в эти дни «окошко» для беседы со мной, Джумаева предложила встретиться пораньше утром, до звонков и посетителей. Прихожу, а меня все равно опередили—длиннокобая девушка в национальном платье.

Разговор не на русском, так что улавливаю лишь интонации: напор, оптимизм у Паринамо, смирение, робкая надежда у ее собеседницы.

Оказывается, весной беседовала Паринамо с выпускниками школы. Объясняла, как нужны сегодня рабочие руки громадным стройкам республики—и Явану, и Регару, и хлопкосеющим районам. Но если парни уезжают на стройки смело, среди памирок таких пока немного.

Два года назад торжественно проводили на КамАЗ Баефту Шамсову, Дурсултон Кименову и Дильшод Исмаилову. Они были первыми ласточками, и очень многое зависело от того, как приживутся, как освоят специальность. Вроде прижились. Из Набережных Челнов сообщили в Хорог, что памирки за добросовестную работу награждены грамотами горкома ВЛКСМ. Следом поехала еще группа.

— Но их фамилии пока не будем называть, ладно?—просит Паринамо.—Куда спешить? Пускай покажут себя.

Сегодня настроение у нее веселое: с хорошей посетительницы начался день. Девушка тоже решила ехать на стройку. Специаль-

ла. Боясь запустить, схватилась за учебники, сидела в читалке допоздна, просила однокурсников объяснить непонятное: учебники на русском, а она тогда знала его еле-еле. Отец так верит в нее, а она провалится, опозорится. Может, до сессии взять да вернуться домой?

Но отцу разве легче приходилось? И не сравнивай. Сирота, с девяти лет батрачил. Хозяйской меткой осталась на всю жизнь хромота от побоев.

Еще гуляли по Памиру банды басмачей, но границу Страны Советов уже охраняли красные пограничники. Это к ним обращался командующий Туркфронтом Михаил Васильевич Фрунзе: «Товарищи Памирского отряда! Ответственная задача выпала на вашу долю... Памирское плоскогорье—«Крыша мира», как его зовут, отделяет революционную Россию от порабощаемой горстью англичан 300-миллионной Индии. На этой «Крыше мира» вы, сигнальщики революции, подымите Красный флаг армии освобождения...»

Отряд русских пограничников организовал в Хорого интернат для памирских ребятишек. Сами бойцы жили впроголодь, но делились с сиротами пайком. Здесь Джума Алифбеков выучил первые русские слова. Здесь вступил в комсомол. Сюда же вернулся учителем.

С раннего детства отец для Паринамо—эталон. Но почему же мать, вышедшая за него по любви, уважающая его дела и его взгляды, не одобряет учебу дочери?

— Ничего,—успокаивал Паринамо отец.—Свыкнется мать. Просто характер такой...

Математика постепенно сдалась. Теперь можно было не стыдиться своих отметок коммунистке Джумаевой, первым партийным пору-

ЫДЛО СЛОВО..“

вот что обидно: отлично сшитые платья, которые еще два года назад шли нарасхват, теперь не пользуются в области таким спросом. Разгадка в материальном уровне—подавай таджичкам кримплен, крепдешин, а искусственным шелком не удивишь. И получается: за тридевять земель везут в Хорог из Ленинабада ткани, а потом увозят с Памира платья.

— А ты знаешь, их секретарь приехал на конференцию?—спросила Джумаева.—Как раз с Ленинабадского шелкокомбината. Давай с ним посоветуемся. Может быть, сумеют помочь? Дело же политическое! Стараемся воспитывать в людях гордость за предприятие, а работницы видят в универмаге свои платья нераспроданными. Вдохновляет это рабочего человека?

Попала я в Хорог в дни горячие: Горно-Бадахшанская автономная область готовилась отмечать полувековой юбилей. И тут и там обновлялся асфальт улиц. Даже вечером не прекращались отделочные работы на высеченном прожекторами юбилейном объекте—Доме связи: по фасаду его можно понять красоту и перспективу использования местного камня. Кланялись подъемные краны на строительстве мясокомбината—надо ли объяснять, как важно это большое новое предприятие для всей области. Расширялась центральная улица; к сожалению, высокие пирамидальные тополя стали мешать движению умножившегося транспорта, и тополя скрепя сердце пришлось один за другим вырубать, хотя до боли жаль в суровых горах каждую зеленую свечу.

Весь город, чуть ли не все жители Хорого

получит здесь, в ПТУ. Девушки есть уже во всех группах училища—и механизаторов, и шоферов, и штукатуров. Выбирай профессию на вкус. Только родители пока против, особенно мать.

— В ее возрасте и меня мать не понимала.

...Паринамо проснулась, как в детстве, от прикосновения материнской руки, поправляющей одеяло. Вынырнула из сна в счастливое, домашнее, пахнущее теплыми лепешками. Да здравствуют каникулы!

Но если открыть глаза, взгляд матери станет отстраненным, даже надменным. А заговоришь с нею, не ответит.

Год длится молчание. Целый год! Мать ласково разговаривает с отцом, с младшими сыновьями и дочерьми, а Паринамо не замечает. Не может ей простить, что вопреки воле матери уехала в институт, выбрала—даже и не выговоришь—какую-то математику. Нет, мать не сторонница домашнего заточения, да женщина на Памире и в старину не была затворницей. Мать и сама на колхозных работах среди лучших. Но разве прилично девушке уезжать до замужества из-под родительского крова?

— Мам, сходить за водой?

Словно и не слышала, только спицы мелькают в руках. Зимой прибегаешь в общежитие и суешь ноги в мамыны джурабы, как в печку.

Ну, как ее переубедить? Она ж отлично и сама знает, как нужны Памиру образованные кадры. В школах не хватает преподавателей физики и математики... После первых институтских лекций Паринамо ударилась в панику, не успевала записывать, половины не понима-

нием которой стало руководство советом девушек института.

Сегодня о подготовке местных кадров рассказывают убедительные цифры: на Памире работают приблизительно пять тысяч специалистов с высшим образованием. Меня знакомили с памирками—врачами, агрономами, учителями. Обычное дело.

Но для того, чтобы оно стало обычным, первых студенток—каждую!—надо было поддерживать, оберегать, как пересаженное в долину горное растение. Ведь только представить: из кишлака попасть в большой город, с иным бытовым укладом, иным ритмом жизни. То отец за кем-нибудь приедет, то старший брат: нечего, дескать, учиться, замуж пора. Не у каждой хватит решимости отстоять мечту! Тут и приходил на помощь совет девушек.

Однажды на заседании совета приехала Ибодат Рахимова, тогдашний первый секретарь ЦК комсомола Таджикистана. Посидела, послушала про успеваемость. И вдруг задала Паринамо неожиданный вопрос: «А все девушки едят в столовой?» «По-моему, не все». «А почему? Неважно готовить? Или девчонки обходятся сухомыткой, чтоб сэкономить?»

Ибодат Рахимовна тогда мягко подсказала: интересные собрания и вечера, культпоходы в кино и театр, контроль за успеваемостью—все это очень важно. Но нужно держаться в курсе буквально всех девичьих забот: иногда ведь мелочь способна отравить человеку настроение.

Первые навыки партийной работы пригодились в будущем и учительнице Джумаевой и секретарю райкома Джумаевой, заместителю председателя райисполкома, заместителю заведующего отделом оргпартиработы Центрального Комитета Компартии Таджикистана.

В воскресенье проснулись в Ишкашине, чистеньком, по-хозяйски ухоженном районном центре. Накануне здесь был женский актив, посвященный Международному году женщины. Для ишкашимцев целое событие — приехала секретарь ЦК партии. Я спросила Джумаеву: «А вы будете выступать?» «Да нет, мы сегодня послушаем. Если секретарь ЦК здесь, мне можно спрятаться за широкой спиной». Про широкую спину звучит довольно забавно, потому что Ибодат Рахимовна невысокая и узкоплечая.

— Сегодня отдыхаем, да? — утром спрашивает ее в гостинице Паринамо.

— Конечно, воскресенье же. Только мне кое-что хотелось бы посмотреть. Новую ГЭС — обязательно.

Едем на ГЭС имени 50-летия Таджикистана. Станция на берегу пограничной реки. Рассказывают: когда собрались на митинг по случаю торжественного открытия гидроэлектростанции и заиграл оркестр, очень быстро и на противоположном берегу собрались афганцы... На нашем берегу мощная техника, там — ни одной машины, да и не проехать ей по узким тропинкам. На нашем берегу современные поселки со школами и больницами, клубами и магазинами, а там саманные постройки без окон. На нашем берегу еще одна электростанция, а там до сих пор жировые копилки...

Да, день отдыха получается у нас довольно относительный. Спидометр накрутил уже километров двести. И если говорят про памирские дороги, что они «самые», — верю, это не преувеличение. То и дело хочется зажмурить глаза, не видеть сбоку пропасть, не прикидывать вес нависающей над дорогой глыбы.

Остановились у зарослей облепихи. Рахимова сокрушается: кусты обсыпаны прошлогодними засохшими ягодами. Жалко, ценнейшее же лекарственное сырье. Спрашивает у Паринамо, сколько собрали в прошлом году. Собрали немало, но транспортировать нежные ягоды сложно. Хорошо бы наладить переработку на месте.

Ибодат Рахимовна берет с собою в Душанбе несколько веток с оранжевыми бусами.

Потом в машине появляется еще один «букет»: кормовая трава, которую вырастили здесь впервые, оказалась неприхотливой и урожайной. Ее тоже хочется Рахимовой показать в ЦК.

И снова дорога...

Не могу не отдать должного выносливости спутниц.

— Дорога прекрасная, — уверяет меня Рахимова. — Вот если бы вы ехали весной, когда подтаявший снег грозит обвалами! Паринамо наша однажды под снегом ночевала. Засыпало машину, чудом в пропасть не снесло, до утра сидели.

— Лучше не вспоминать, — говорит Паринамо. — Вытащили нас, так я боялась к зеркалу подойти: вдруг седеят?

Приходилось ей сотни километров преодолевать и в седле. К примеру, колхозы Верхнего Бартанга отделяют от Хорога 800 километров, и машина способна пройти лишь часть пути. В апреле секретарь обкома вместе с врачами, культработниками, лекторами отправилась по самым отдаленным чабанским бригадам.

— Встречали с дойрами. Весь кишлак высыпает, от мала до велика. Их ведь зимой только транзистор связывает с миром, лишь в крайнем случае можно послать вертолет. Летом то геологи завернут, то агитбригада, а за зиму люди так стоскуются по общению. Еще отдышаться не можешь — высокогорье же! — еще не умылись с дороги, но люди ждуют новостей. И хотя дастархан накрыт, традиционное гостеприимство на время отодвигают. Мы прямо из седла на собрание. Слушают — словно жажду утоляют.

— И веришь в такие минуты, что при сотворении мира вначале было слово, — смеясь, оборачивается к нам Рахимова.

Зоя
ВОСКРЕСЕНСКАЯ

БЫЛЬ

Любовь Иосифовна Марчук.

ЛЮБА, ЛЮБУШКА,

1

Поезд подходил к станции Красное. Занималась заря. Начальник почтового вагона Сергей Васильевич готовил мешки с почтой. Через час Львов. Надо бы разбудить Любу. Девушка спала на верхней полке, прижавшись щекой к венку из ромашек. Их белые лепестки поникли, и рука у Любы словно завяла, свесилась с полки. Сергей Васильевич осторожно поправил руку девушки. Пусть поспит еще немного.

В работе Люба не знает равных. Если б сортировщицы писем устраивали соревнования, Люба никому не уступила бы первенства. Впрочем, мечтает она совсем о другом. Книжки по хирургии даже сюда с собой взяла, а бумаги ее уж давно в медицинском лежат. Начнутся экзамены, и придется искать новую помощницу. Но, может, еще и не примут в институт-то? Да нет, примут. Она окончила курсы медсестер и теперь под ее началом целая санитарная дружина Красной Пресни. Хороша командирша у дружинниц — высокая, стройная, ловкая.

...Замелькали огни железнодорожного узла. Поезд начал притормаживать. И вдруг грохнуло так, словно земля раскололась. Еще... и еще раз! Зазвенели разбитые стекла. Люба скатилась с полки, и, сидя на полу, спросонья испуганно бормотала: «Что это? Крушение?» Поезд дрогнул и остановился. Едва Сергей Васильевич открыл дверь, как на него пахнуло жаром: на соседних путях горели развороченные пассажирские вагоны. Треск огня, скрежет и крики покрывал злобный вой удаляющихся самолетов с черными паучьими лапами на крыльях.

Война...

В вагоне напротив, объятая пламенем, мечется девочка. Люба прыгнула с подножки,

бросилась в горящий вагон, схватила на руки девочку, руками погасила на ней пламя, не заметив, как на самой затлела одежда. Прижав к себе ребенка, она каталась по траве, чтобы сбить огонь... Потом вытаскивала раненых и обгоревших, промывала раны, обрабатывала ожоги, делала перевязки.

Двое суток простоял почтовый вагон на запасном пути. И двое суток Люба на линии огня без сна и отдыха оказывала помощь первым жертвам войны.

2

Уже третий год ездит Люба медсестрой в санитарном поезде: Волховский фронт — Сибирь. Кажется, не рельсы под поездом, а кровавый след, который через всю страну тянется.

Долгие ночи в зыбком свете синих ламп возле раненых — еще несколько дней назад сильных и здоровых, а теперь искалеченных, беспомощных. Руки Любы усмиряют боль, пишут письма. А когда в вагоне наступает тягостное молчание, готовое взорваться стенами и проклятиями, Люба снимает со стены гитару и, тихонько перебирая струны, поет украинские песни — самые ласковые, самые душевные на свете... «Мама, мамонька, дай руку», — просит молодой обгоревший танкист, потерявший зрение. «Здесь я, здесь», — откликается девятнадцатилетняя Люба и действительно чувствует себя матерью всех этих обездоленных войной парней. Сердце ее заходило от боли и ненависти. Сесть бы на место танкиста, который уже никогда не вернется в строй, взялся бы за штурвал самолета, который вел только вчера навсегда закрывший глаза летчик! И Люба пишет рапорт за рапортом,

Фото Н. Маторина.

ЛЮБОВЬ

требуя послать ее на фронт, на передовую.

Просьбам, наконец, вняли. И вот она на Воронежском фронте, рядовым, а затем сержантом 130-й дивизии. Учится метать гранаты. Глазомер у девушки точный, бросок уверенный. В пионерской, а потом и в комсомольской организации на Урале она была одной из лучших спортсменов: толкала ядро, метала диск, ходила на лыжах, в плавании состязалась только с парнями. Недаром на счету сержанта Марчук — а по окончании офицерских курсов младшего лейтенанта — не один подбитый вражеский танк. Когда погиб командир взвода, Люба заняла его место.

Слушались ее все беспрекословно, что, конечно, для армии не диво, но и уважали очень. Даже длинные волосы процпали. Кое-кто поначалу посмеивался: «Командир, мол, а с косой» — а потом эту самую косу и замечать перестали. А Люба бы и рада отрезать волосы, да не может — слово матери дала.

3

Был солнечный январский день 1944 года. Люба шагала по снежной, ярко блестящей целине. Два дня назад здесь были тяжелые бои. Земля вся перепахана танками и взрывами снарядов. Но щедрый снегопад за одну ночь сровнял воронки, словно забинтовал израненную землю.

Выигран еще один бой. А сколько их позади и сколько еще впереди! И в каждый Люба идет с таким чувством, словно победа зависит от нее лично, от ее выдержки. По всему видно, что сегодня-завтра начнут вышибать фашистов из города Белая Церковь. Вот Люба и идет проверять расположение пулеметных точек на стыке советских и чехословацких частей. Недели две назад под-

писан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. «Послевоенное», — не устают повторять Люба. И слово это звучит для нее как прекрасная мечта.

А вот и та самая береза. Накануне боя она стояла праздничная, светлая, и ветер отбрасывал в сторону тонкие пряди ее веток. А теперь крона, сбита снарядом, лежит на земле, припорошенная снегом. Люба прислонилась к обезглавленному стволу, схватила горячими губами иней с ветки и почувствовала горький запах коры.

Памятная эта береза знала все, слышала она тихий, счастливый смех и слова: «Люба, Любушка. Любовь»... «Товарищ гвардии капитан, разрешите доложить, и я люблю вас... Виктор, Витя!»

— Да что это я? — очнулась Люба и побегала, проваливаясь по колено в засыпанные снегом ямы, спотыкаясь о кочки.

Командир взвода чехословацкой бригады с нескрываемым любопытством и веселым дружелюбием встретил советского командира взвода — женщину. Вместе они обошли пулеметные гнезда, нанесли на карты их расположение... Когда все было сделано и Люба, откозыряв и сверкнув улыбочкой, направилась было обратно в расположение своей части, на ходу засовывая в планшетку карту, до нее вдруг донесся вначале неясный, а затем все более усиливающийся скрежет. «Тигры!» — пронеслось в сознании. И она сразу же повернула обратно, к чехам. Командир выбежал ей навстречу, торопливо столкнул Любу в траншею и тут же свалился вслед за нею, уже мертвый.

Совсем близко лягает гусеницами «тигр», вот он наваливается на траншею и зигзагами утюжит ее. На спину сыплет земля. Люба чувствует, как огромная тяжесть придавила ее, но не дает себе воли расслабиться: обламывая ногти, разгребает смерзшиеся комья земли. Наконец выбралась, сбросив с себя вместе с землей и снегом страх смерти, поднялась, встала во весь рост. И увидела: прямо на нее движется еще один размалеванный белыми пятнами танк.

Зажав в руке плоскую тяжелую противотанковую гранату, Люба ждет, прикидывая расстояние. Тридцать метров... Двадцать пять... Двадцать... Пора!левой рукой она выдергивает чеку. Оглушительный взрыв! Танк тяжело развернулся и замер. Разорванная гусеница запахла землю. Приближается другой танк. Надо метать гранату! А рука не слушается. Взглянула — нет у нее правой руки, дымитесь лишь окровавленное плечо... Вырвала чеку зубами, метнула левой... А дальше — туман и черная пропасть боли.

Чешские солдаты, притаившись в своих траншеях, наблюдали поединок русской женщины с фашистскими танками. И когда советская артиллерия преградила путь «тиграм», бросились к распростертой на снегу Любе. Правая рука ее была оторвана напроц, левая — по локоть, из распоротого сапога струилась кровь.

Солдаты обнажили головы...

Ярко светило холодное январское солнце. Перед поверженным вражеским танком на снегу — Любины руки, маленькие девичьи руки с узкими ладонями, преградившие путь врагу.

4

Впервые я увидела Любовь Иосифовну Марчук на празднике, посвященном 30-летию Победы. Она вышла на трибуну. Высокая, стройная женщина, в длинном вечернем платье. На груди орден Отечественной войны, медали. Любовь Иосифовна с душевным подъемом говорила о трудном счастье победы, о своих боевых друзьях, о наших женщинах, только ни слова не сказала о себе. Когда

она возвращалась в президиум, ее руки в черных перчатках как-то не очень ловко подвернулись и легли на стол. Я поняла — протезы! У этой женщины нет обеих рук! И она не разучилась улыбаться, не утратила способности говорить о женском счастье и говорить искренне, убежденно!

Мне захотелось поближе познакомиться с этой женщиной, и я нашла ее адрес. Звоню у двери дома на одной из тихих улиц Замоскворечья. До меня доносится стрекот пишущей машинки. Значит, Любовь Иосифовна не одна. Звоню еще раз. Стук машинки прекратился, дверь открылась. На пороге — Любовь Иосифовна. Она — в юбке и блузке с короткими рукавами, без протезов.

— Извините, — сказала хозяйка, — я печатала на машинке и не сразу услышала звонок.

Заметив мое недоумение, рассмеялась.

— Удивляетесь, как я печатаю? Хотите, покажу?

Любовь Иосифовна подошла к холодильнику, на котором лежали очки дужками вверх. Легкое движение головы — и очки на переносице... Мы идем в комнату. На маленьком столе — обыкновенная пишущая машинка с заложенным листом бумаги. Снова неудовольным движением Любовь Иосифовна надела на левое предплечье обхвативший его браслет с длинным стальным стержнем и, сев на стул, стала быстро стучать этим стержнем по клавишам.

— Мое личное изобретение, — сказала она.

— А что вы пишете? — поинтересовалась я.

— Разное. Сейчас, например, печатаю отчет комиссии народного контроля на комбинате бытового обслуживания... Я председатель комиссии. Но чаще — переводы с английского: после войны училась в институте иностранных языков. Большая переписка у меня с красными следопытцами, с чешскими друзьями. Иногда перепечатаваю протоколы: я заместитель секретаря партбюро. Случается помогать и дочке: она работает редактором... — И уже совсем тихо добавила: — Пишу стихи.

Война, как видите, прошла по мне всеми четырьмя колесами, но не раздавила, — помолчал, говорит Любовь Иосифовна. — День Победы я встретила в госпитале. Что и говорить — мрачнейшие мысли в голову приходили! Но потом я решила: раз не убили, буду жить, как живут все нормальные люди. Каждый новый день надо воспринимать, как подарок, и каждый день должен быть прожит не зря. В партию я вступила еще на фронте. Этим определялось мое место в жизни страны. Очень хотела иметь ребенка, вышла замуж. Не за Виктора, нет! Он разыскивал меня, писал, а я не отвечала: боялась встречи. Но после рождения дочки поняла: брак без любви не для меня. Рассталась с мужем. И вот однажды Виктор все же разыскал меня. Нас с дочкой. Вместе с ним пришло настоящее счастье. Он был военным журналистом. Год назад не стало Виктора... умер внезапно, от инфаркта. Но ощущение счастья, которое он принес в мою жизнь, не умерло, оно остается со мной...

Любовь Иосифовна стоит у открытой двери на балкон. Ветер шевелит рукава легкой летней блузки. Высокая, статная женщина. И мне вдруг вспомнилась Венера Милосская. Афродита без обеих рук. Никогда не задумывалась, глядя на прекрасную богиню, что у нее нет рук. А сейчас передо мной была живая русская женщина с горячим, отважным и нежным сердцем. Женщина, руки которой ослепли там, на опушке леса перед городом Белая Церковь. Она принесла их в жертву на алтарь Победы, ради того, чтобы матери спокойно качали на своих руках детей, чтобы миллионы женских рук делали свое благословенное дело.

Земной поклон вам, Любовь Иосифовна, и великое женское спасибо!

ДРУЖБЕ— ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

В редакцию «Работницы» пришло письмо из чехословацкого города Табор от работниц завода «Искра». Одна из женских бригад этого предприятия дружит и соревнуется с женской бригадой завода автотракторных запальных свечей волжского города Энгельса.

«Нынешний год знаменателен для коллектива нашего завода,—пишут чешки.—Тридцать лет назад наш город был освобожден от фашистов частями доблестной Советской Армии. Многие помнят те радостные дни, когда советские воины проходили по улицам города, а население встречало их цветами и песней «Катюша». Сейчас в центре города стоит памятник Советскому солдату. У его подножия круглый год живые цветы—дань искренней благодарности освободителям.

В этом году исполняется 25 лет нашей дружбы с работницами энгельсского завода. Мы

пригласили советских женщин к себе в гости, чтобы они могли увидеть наши достижения. Со многими из них—Антониной Комиссаровой, Валентиной Половой, Полиной Аравкиной, Ниной Гречиной—мы очень давние друзья и «соперники» в соревновании. О дружбе наших бригад рассказывал недавно чешский женский журнал «Власта». Через «Работницу» хотим пожелать новых успехов, большого, светлого счастья всем женщинам Советского Союза.

Работницы завода «Искра»
(18 подписей)

г. Табор, Южная Чехия, ЧССР.

На снимке: Работницы завода автотракторных запальных свечей читают журнал «Власта», где напечатана статья о дружбе двух коллективов.

Фото А. ВЕРЕВКИНА

ХОЗЯЙКА СКАЗКИ

В это далекое таежное село люди приезжают специально, чтобы посмотреть дом, который построили себе Александр Антонович и Клавдия Николаевна Чечики. Они сами придумали и сделали его—от первого чертежа до яркого стеклышка в витраже. Только на две недели позвали на подмогу соседей. Те сначала удивлялись: «Да можно ли такое осуществить?» Оказалось, можно. Стоит теперь дом-сказка посреди тайги, смотрится в речку чистыми, сверкающими на солнце окнами. Вокруг бушует море синих васильков и красных маков. Невиданная птица охраняет бассейн с ключевой водой. В избушке на курьих ножках поселилась развеселая Баба-Яга. На балконе хоровод вьдут Хозяйка Медной горы, Журавль и другие сказочные герои. Клавдия Николаевна, как добрый папа Карло, вырезала этих кукол из полена.

Клавдия Николаевна не художник, не резчик по дереву. Так же, как и муж, она пчеловод. Хозяйка большой семьи—четырех сыновей вырастила.

В коопзверопромхозе Чечики

славятся своими высокими сборами меда, цветочного, липового, бархатного. Клавдия Николаевна и на пасеке свой порядок навела.

Из толстенных пней она вырубала диван, кресла. Поставила вазы с цветами. Директор совхоза специально присылает других пчеловодов—опыт работы перенять и культуре труда у Чечиков поучиться.

Г. ЛИСИЧКИН

с. Иванковцы, Хабаровский край.

ПАМЯТНИК

В небольшом поселке Мэндзылес, недалеко от Варшавы, среди соснового бора вырос стальной каркас современного 13-этажного здания. Пройдет немного времени, и здесь будет открыта детская клиника. Рядом разместятся научно-исследовательские институты по изучению детских заболеваний. Это центр здоровья ребенка—своеобразный памятник маленьким полякам, погибшим в годы второй мировой войны.

Несколько лет назад Эва Шельбург-Зарембина, известная детская писательница Польши, обратилась к соотечественникам с призывом увековечить память двух миллионов польских детей, павших от рук фашист-

ских извергов: маленьких солдат, курьеров, связных, распространителей листовок и подпольной литературы, тех, кто боролся в партизанах и кто был замучен в концлагерях, расстрелян во время уличных обстрелов, насильно отнят у родителей и увезен в Германию. Все эти годы в Польше проходил сбор средств на сооружение памятника. В редакцию газеты «Жице Варшавы», со страниц которой прозвучал призыв писательницы, приходили со всех концов страны денежные переводы, предложения, проекты памятника. Возникла идея: построить центр здоровья ребенка. Он станет символом заботы народной Польши о сегодняшнем поколении своих юных граждан.

По материалам
польского агентства
Интерпресс

ПОЧИН ИВАНОВЦЕВ

«Добьемся в Международном году женщины наивысших производственных показателей!»—с такой инициативой выступили ивановские текстильщицы.

Первыми подписали обращение те, кто постоянно подает пример отличной работы: Герои Социалистического Труда ткачиха Яковлевского льнокомбината А. Смирнова, уже выполнившая два пятилетних задания, прядильщица Фурмановской прядильно-ткацкой фабрики № 2 Е. Амосова, которая обслуживает двойное (против нормы) количество веретен и обязалась выполнить свое второе пятилетнее задание к 58-й годовщине Великого Октября, и ткачиха прядильно-ткацкой фабрики имени Балашова З. Поликарпова—лауреат премии имени геро-

инь первых пятилеток Евдокии и Марии Виноградовых. Подсчитав личные резервы, Поликарпова взялась выполнять сменную норму не за 8 часов, а за 7 часов 10 минут и дать до конца года на 48 тысяч рублей продукции сверх плана.

«Мы призываем вас, женщины-работницы,—пишут в Обращении ивановские текстильщицы,—проявлять максимум энергии и настойчивости в выполнении и перевыполнении планов и социалистических обязательств, участвовать в движении за коммунистическое отношение к труду...»

Призыв ивановских текстильщиц находит широкий отклик среди женщин-работниц всей страны.

Л. АДИНА

МАЛ ЗОЛОТНИК...

Настоящая книга, даже с суперобложкой, с цветными фотографиями и текстом—отрывком из поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Только размер ее—16×16 миллиметров, а высота шрифта 0,5 миллиметра!

Директор Московской типографии № 5 Ольга Михайловна Виноградова довольна тем впечатлением, которое произвело на меня это удивительное издание:

«Миниатюрные книги—особый вид издательской продукции. Для читателей это прекрасный подарок. А для нас, полиграфистов,—проба мастерства. Издание таких уникальных образцов ведет к совершенствованию новых методов полиграфии».

Из беседы с О. М. Виноградовой я узнал, что у маленьких книжек большая история. В России, например, еще в 1855 году были отпечатаны басни Крылова размером 25×20 миллиметров. Кстати, недавно издан двухтомный миниатюрный каталог всех книг-малышек, вышедших до революции в России и в СССР.

Г. ПОЛЬСКОЙ

Фото А. ОДНОКОЛКИНА.

КОМЕТА СМИРНОВОЙ— ЧЕРНЫХ

Весной этого года группой наблюдателей Института теоретической астрономии АН СССР, работающей в Крымской астрофизической обсерватории, была открыта новая комета. Ее обнаружили младший научный сотрудник Т. М. Смирнова и кандидат физико-математических наук Н. С. Черных. Комета и получила имя Смирновой—Черных. ...Это не первая космическая находка Т. М. Смирновой—за время своей работы она открыла 12 новых малых планет. Вот что рассказывает сама Тамара Михайловна:

«Для того, чтобы официально открыть малую планету, недостаточно ее обнаружить. Вот, например, малая планета 1793, которая в честь героической партизанки носит имя «Зоя». Впервые она попала к нам на фотопластинку 28 февраля 1968 года,

3 марта мы ее снова обнаружили, а 30 марта сняли уже специально. Когда по нашим наблюдениям в Международном планетном центре вычислили орбиту, оказалось, что эту же планету уже наблюдали и раньше другие обсерватории. Но наблюдений было недостаточно, поэтому планету теряли, не смогли «считать» орбиту. Все наблюдения собрали вместе, снова вычислили орбиту, уже более точную. Мы провели эти наблюдения в 1969-м и в 1972 годах. Только после такой работы новой планете присваивается постоянный номер и дается название.

Одна из новых планет названа в честь партизанки «Аджимушкой» в память партизан Керчи, сражавшихся в Аджимушкских каменоломнях».

В рядах бойцов подземного гарнизона была и мать Т. М. Смирновой—Ефросинья Федотовна Валько.

Ф. ПРИЙМАЧИК

Приглашает «Мрія»

Как-то девочкам с фаянсового завода стало известно, что в Хмельницком живет прославленный танкист Мария Ивановна Логунова. Решили ее пригласить в Каменный Брод. Взяться за это заводской клуб девушек «Мрія».

Два дня гостила у каменнобродских девушек Мария Ивановна. Поделилась воспоминаниями о военных годах, о боевых товарищах.

Семь лет работает клуб девушек с поэтическим названием «Мрія», что означает «мечта». Он объединяет только что перешагнувших порог совершеннолетия и старается помочь им жить интересно, расширить их кругозор, ответить на их вопросы.

Здесь можно услышать беседу о том, как побороть застенчивость, как справиться с излишней горчачностью, как научиться управлять собой. Члены клуба ведут споры о смысле жизни, о любви и дружбе... Весело бывает на традиционных вечеринках. Готовятся к ним тщательно. Ко-

нечно, варят вареники. Ну какая же вечеринка без вареников? Песни, пляски, шутки— вот что такое вечеринка. В гости к девушкам приезжают поэты, писатели, ветераны завода.

Побывала в клубе прославленная звеньевая из колхоза имени Щорса Лидия Спиридоновна Сербин, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР. Однажды в клуб пришло приглашение. «Милые друзья из «Мрія»! Пожалуйста на мое пятидесятилетие»,— писала Лидия Спиридоновна. Человек сорок отправились тогда в Великую Цыль чествовать знатную колхозницу.

Клубом девушек руководит совет из семи человек. На заводе и в поселке с нетерпением ждут, когда на рекламных щитах появится очередное: «Приглашает клуб девушек «Мрія»...»

В. СЛОВАЧЕВСКИЙ

Каменный Брод, Житомирская область.

от 16 до 60

Несколько лет назад в Красноярске на левом берегу Енисея открылся новый концертно-танцевальный зал. Вечерами под высокими сводами плывут звуки вальса, фокстрота, польки, и пара за парой скользит по зеркальному полу.

Научить красиво и правильно танцевать, научить наслаждаться музыкой— такую задачу поставили перед собой балетмейстеры, музыканты, воспитатели. Здесь работает несколько школ бального танца, детские и взрослые. В группе, которой руководит дипломант II Всероссийского конкурса бальных танцев Геннадий Александрович Горин, занимаются супружеские пары, люди среднего возраста.

Раз в неделю здесь собираются старшеклассники. Юноши и девушки слушают музыку, танцуют, смотря показательные выступления лучших танцоров. Сорок пять минут играет оркестр, а потом перерыв на полчаса, во время которого с молодежью ведутся беседы о культуре поведения, о музыке.

Не забыты и самые маленькие. В прошлом году впервые стала работать школа танцев для шести-семилетних малышей. Работники танцевального зала выезжают в отдаленные районы края, собирают у себя хореографов, учат их. Директор зала Валентина Ивановна Селитская часто выступает по местному телевидению в программе «Мода, вкус, возраст».

Г. ТЕМНИКОВСКАЯ
г. Красноярск

СПОРТИВНЫЕ ЧЕТВЕРГИ

Аккуратно, каждую неделю, в таллинских газетах появляются объявления о спортивных четвергах. Не литературные, не музыкальные, а именно спортивные четверги. Сразу же после работы спешат таллинцы— студенты и рабочие, бухгалтеры и домохозяйки, продавцы и пенсионеры— к электричкам, которые увозят их за город, в лес, на речку, где проводятся массовые соревнования по спортивному ориентированию. Участвовать в них может любой, независимо от возраста и состояния здоровья. Это, конечно же, прогулка, но не только: надо уметь обращаться с компасом, читать карту, точно пройти по намеченному маршруту. Сколько радости и здоровья приносит такой отдых среди рабочей недели! Общение с природой, встречи с новыми людьми,

приключения, без которых не обходится ни один поход.

На одном из четвергов мы познакомились с семьей Сельг. Мери Сельг, ее муж Хельмут и дочери— восьмилетняя Аннеле и шестилетняя Маре постоянно ходят в походы и даже недавно были награждены подарками за победу в соревновании.

Л. КРЕМНЕВА
г. Таллин.

На снимке: Мери Сельг с детьми на тренировке.

РОЖДАЕТСЯ СУВЕНИР

Янтарно-желтые кулоны каплевидной формы с заключенными в них мхом, стеблями трав, жучками, мелкими цветочками, листьями. Цветные керамические броши с подвесками. Броши-бабочки. Броши-жуки. Бусы, запонки, перстни.

Но это не янтарь, не керамика, не цветная эмаль. Автор изделия— новгородский инженер-конструктор Марк Леонидович Костров. Отливая эпоксидную смолу в специальных формах и используя в качестве наполнителей графит, опилки хвойных пород, свинцовый сурик, каменный уголь, люминесцентную краску, слюду, Костров создает предметы ювелирии, сувениры.

«Хобби» инженера перешагнуло порог его квартиры и легло в основу нового цеха, который недавно открылся на Новгородском заводе имени Ленинского комсомола. В этом году от торгующих организаций получен заказ на изготовление 700 тысяч штук такого рода изделий. А идут-то в дело отходы основного производства.

Г. ШТЕЙНБЕРГ
Фото В. ЛАШКОВА.

— Так вы намерены о нас писать? Ну-ну! Вот тут тоже приезжал журналист, все выспрашивал, а потом написал: «За окном домика бушевали космические ливни».

Каюсь — почти такую же пышную фразу я сочинила, когда лазила вверх и вниз по лестницам, разглядывая три этажа приборов, счетчиков, магнитов, всевозможных конструкций и сооружений — лабораторию мю-мезонов профессора Тины Асатиани. Одну из четырех лабораторий станции космических лучей на горе Арагац, 3250 метров над уровнем моря.

Ведь есть же они, ливни! Правда, не за окном. Через атмосферу, через Землю и все, что есть на Земле, в том числе и нас с вами, невидимые и неощутимые, летят космические лучи. Разогнанные до колоссальных скоростей, частицы — дети ядерных бурь, бушующих в глубинах космоса, — прорываются через атмосферу и летят к нам, сталкиваясь, размножаясь, рождая потоки себе подобных, — их-то и называют космическими ливнями. Чем дальше от Земли, тем энергичнее частицы, но ослабленные еще долгим путешествием через атмосферу. Вот почему физики забираются на горные вершины, строят лаборатории в поднебесье — и там по всем правилам организуют «охоту» на космические частицы, ловят их, исследуют.

Это просто написать: ловят, исследуют. Словно речь идет о птицах, о бабочках, на худой конец о микробах, которые все же можно разглядеть в микроскоп. Но как исследовать то, что невозможно увидеть, воспринять органами чувств, в чье существование можно только поверить? Размеры частиц в десятки, сотни миллиардов раз меньше того, что можно увидеть в самый мощный микроскоп. Скорости приближаются к предельным, световым. Время их жизни — миллиардные доли секунды. Здесь ничто не помогает воображению — ни сравнения, ни ассоциации из привычного «большого» мира. Но прекрасно сказал академик Ландау: человек в процессе познания природы может оторваться от своего воображения, может открыть и осознать даже то, что ему не под силу представить.

Еще в школе мы усвоили простейшую модель атома: кругленькое зернышко-ядро, где чудовищной силой сцеплены протоны и нейтроны, а вокруг, как спутники на орбите, вращаются крохотные электроны. Картина ясная, всем доступная, но... имеющая очень мало отношения к действительному строению атома. Там что ни шаг — то новая загадка. Сегодня открыты уже сотни других элементарных частиц, причем у каждой свой зеркальный двойник, своя античастица. И хотя такие открытия — события, сенсации в мире науки, ученые не в силах пока сложить эти сведения, как кусочки пестрой смальты, в одну общую картину строения атома. Современная физика элементарных частиц ждет своего Менделеева, того, кто предложит стройную систему мироздания, наполнит логикой многоцветье фактов.

А пока сотни тысяч людей в тысячах лабораторий мира, таких, как лаборатория профессора Тины Асатиани, ведут охоту за невидимым.

Когда мы поднимались на Арагац, времена года менялись стремительно и необычно — как на прокрученной наоборот кинолентке.

Не успели вырваться из кольца раскаленного июльского Еревана, как нас окружила весна, светлая и свежая. Только что с азартом рвали на останове крупные сиреневые незабудки и хрупкие, зеленовато-бледные горные лилии, и гляди-ка: приехали в зиму. И вот уже наш «рафик» пробирается по глубокой, в рост человека, снежной траншее, расталкивая боками искрящийся на солнце сахарный, с жесткой корочкой снег.

Неожиданно сверкающий снежный коридор кончился — и машина выскочила на площадь, окруженную современными каменными домами.

Все население арагацкой станции высыпало встречать автобус. Хотя теперь «люди с земли» здесь не редкость (летом машины ходят часто), каждому свежему человеку рады.

Они насмешливы, арагацкие старожилы. Хмыкнут, если приезжий человек начнет неумеренно восторгаться «космической» красотой пейзажа. Пожмут плечами, если посочувствуешь: нелегко вам, ребята, живется...

А ведь и правда нелегко. Арагац шутить не любит. Белое безмолвие. Бураны и заносы, надолго отрезающие от внешнего мира. Бывает, что ходить из лабораторий в клуб или столовую можно только по подземным переходам — на улицу носа не высунешь. Одни и те же лица, те же шутки — день за днем, месяц за месяцем. Круглосуточные дежурства у приборов — как охотники в засаде. «Специальность» лаборатории Асатиани — многочисленное семейство мезонов. Это, пожалуй, самые таинственные и плохо изученные обитатели мира элементарных частиц. Не часто среди тысяч космических странниц, попадающих в расставленные учеными ловушки, мелькнет та, которую ждут, ради которой неделями, месяцами круглосуточно дежурят возле приборов, «накручивая» тысячи метров фотопленки. Не упустить долгожданную гостью, поймать ее, заставить «говорить»... Не надо быть психологом, чтобы понять, что такое арагацкие вахты, какая это нагрузка на мозг, нервы, сердце, тем более в условиях высокогорья.

...«Военно-космической» назвали первую научную экспедицию на Арагац — хоть и преследовала она цели самые что ни на есть мирные. Был 1942 год, тяжелый год войны.

Среди первых арагацких «землепроходцев» шагала и Тина Асатиани, вчерашняя тбилисская студентка. Были те же горы, те же небо, тот же неправдоподобно красивый пейзаж. А вот дороги не было. Добирались пешком, с вьючными ослами, таща нехитрые пожитки и множество аппаратуры, в том числе знаменитый арагацкий магнит в 60 тонн

весом. Сейчас не поверишь — но ведь втащили. С тех пор и прижилась шутка: «Физики — потому что занимаемся физическим трудом».

Среди камней и ветров, на берегу застывшего свинцово-черного озера встал первый палаточный лагерь. Начались эксперименты.

Я смотрю на фотографию того времени. Тина в широченных ватных штанах, вытянутой кофте, подпоясанная веревочкой.

— Вот это чучело с перевязанной щекой — тоже я!
— Зубы болели?

— Да нет, собирала установку и поранилась о какую-то железку. В палатке холодильнике — жгли печку, чтобы счетчики не ввали. Приборы отогревали спиртом, ну, а сами уж как придется... А эту узнаете? Ну, конечно, Маринка — вон какая щекастая. Это уже после войны, ей семь месяцев было, мы и взяли ее с собой на Арагац. Орет она, бывало, а у меня эксперимент в полном разгаре, не могу оторваться. Очень она громко кричала, басом почему-то.

И Марина и старшая дочь Тина все детство провели в таких поездках. Физика вошла в них вместе с материнским молоком, спорами за семейным столом, когда папа и мама, забыв о еде, доказывали друг другу преимущества очередной физической теории. Не мудрено, что обе Тинины дочери стали физиками.

Все главное в ее судьбе пришло в один день: и работа и любовь. Сразу и навсегда, на всю жизнь. Аршалуйс Тигранович Дадаян был первым, кто встретил Тину в Ереване, куда приехала она по приглашению братьев А. И. Алиханова и А. И. Алиханьяна, организаторов экспедиции на Арагац.

— Как взглянула она зелеными своими глазищами, я сразу/понял: мы должны быть вместе. — И тут же, словно смутившись прозвучавшей в голосе нежности, Аршалуйс Тигранович добавляет: — Вы попросите Тину, пусть испечет свой фирменный пирог, тот, с одеялом.

И оба хохочут, вспоминая, как в первый год их семейной жизни, в голодную военную зиму, Тина раздобыла где-то муки и решила блеснуть кулинарным искусством. Поставила пирог на керосинку, а сама — на минуточку, на одну минуту! — побежала в лабораторию посмотреть, как идет эксперимент. И, конечно, забыла обо всем на свете. Муж успел как раз вовремя, чтобы потушить начавшийся пожар их единственным теплым одеялом...

Т. КОСТЫГОВА

ЧЕЛОВЕК С АРАГАЦА

Оба физики. Ученые. Люди одних целей, одних убеждений. И очень разные. Она — порывистая, увлекающаяся, по-детски беспомощная в бытовых мелочах — все путает, забывает, опаздывает. (Разумеется, если это не связано с ее любимой наукой: тут, напротив, нельзя не позаботиться четкости и ясности мыслей, быстроте реакции, высокой эрудиции.) И эта ее прекрасная способность удивляться — качество, совершенно необходимое ученому: высоко взлетают брови, глаза становятся совсем прозрачными, как крыжовник.

Он — строгий, даже суровый (студенты университета, где он преподает, трусят, сдавая ему экзамены). У них так повелось с самого начала, что он старший в доме, на нем ответственность за все и всех. Он помнит, кому Тина должна позвонить, когда ей заказывать билет на самолет, к какому сроку должен быть готов отзыв на диссертацию, куда запропастились ее новые туфли. С ним первым она советуется, если не клеится опыт, не сходятся расчеты, ему жалуется на неудачи, обиды, разочарования.

У них в доме никогда не закрываются двери и всегда накрыт стол. Дом плотно набит смехом, книгами, музыкой, цветами. И все здесь любят друг друга.

«Земная» часть лаборатории — та, что в Ереване, — не похожа на арагацкую: мало приборов, много книг, бумаг, фотопленок. Здесь обрабатывают «улов» арагацких вахт, просчитывают результаты на электронно-вычислительных машинах, просматривают пленки. И, конечно, продолжают «охоту» за частицами — только уже в искусственном загоне: разгоняя и сбивая в гигантском миксере мощного ускорителя — синхрофазотрона. Наверня главная работа — не упустить космическую гостью. Здесь — не дать приборам захлебнуться в их обилии.

...В институте готовились к запуску нового мощного ускорителя — со-

Тина Левановна Асатиани.

Фото Н. Маторина.

бытие для всей научной Армении. Честь провести на нем первый эксперимент досталась группе Асатиани. Срочно собирали искровую камеру. И надо же такому случиться: когда везли ее на ускоритель, расколотили вдребезги. Перенести эксперимент? Ни за что! Три дня и три ночи никто не уходил из лаборатории, не спал и не ел толком. Из дому приносили «передачи». И успели!

Сама азартная, Тина Левановна и сотрудников заражает ненасытной своей жадностью к работе, умением наслаждаться работой, жить ею и в ней. Она говорит так:

— Не верю, что равнодушный человек может стать хорошим ученым. Ни талант, ни ум, ни знания не помогут, если человек озабочен соображениями личной пользы, деньгами, карьерой. Из него может получиться знающий специалист, но не ученый. Тут та же разница, что между браком по расчету и настоящей любовью. Физиком-экспериментатором становятся только по любви.

Говоря о вкладе Тины Асатиани в науку, думаешь не только об уникальных исследованиях широких и узких космических ливней (ее кандидатская диссертация), о работе с ширококоззорными искровыми камерами (ее докторская), но и о ее многочисленных учениках, вместе с законами физики усваивающих законы человечности и бескорыстия.

— Тина Левановна наши заботы принимает ближе к сердцу, чем мы сами. Уговорила сотрудницу родить ребенка: диссертация никуда не уйдет, а детей надо заводит смолоду. Или вот недавно лучшего инженера отпустила: вырос, говорит, самостоятельный участок нужен. Работая с ней, невольно сам становишься лучше.

Навсегда ушло время ученых-одиночек, творящих в тиши своих келий, наедине с белым листом бумаги. Сейчас один человек мало что может. Науку делает коллектив. Только сложив усилия десятков людей — ученых, инженеров, лаборантов, механиков, — можно получить какой-то результат. Вот почему сегодня, как никогда, важен

нравственный потенциал научного руководителя, его, если хотите, человеческая безупречность.

Одна из важнейших дат в истории современной физики — 1911 год, когда англичанин Чарльз Вильсон изобрел туманную камеру — гениально простой способ наблюдения за «повадками» космических частиц. Туманная камера открыла окно в микромир. С ее помощью ученые получили вещественное доказательство существования «придуманных» ими пылинок материи. Даже научились фотографировать их следы и по этим следам, как палеонтологи по отпечаткам лап динозавра, конструировать их облик, их свойства. Мерцающий звездный след на черной пленке рассказывает немало интересного о частице, оставившей автограф. Тут все полно значения: яркость следа, его форма, наклон, протяженность. По этим данным с помощью особых приборов судят о массе частицы, ее заряде, энергии, скорости. Рисуют ее достоверный портрет, узнают имя, родственные связи, тайны рождения и гибели, превращений и конфликтов. Бывает, на исследование одной-единственной частицы, ее повадок и особенностей уходит вся жизнь. О каждой написана целая библиотека специальной литературы.

Частица, прокладывая путь сквозь атомы вещества, отрывает от них электроны и разбрасывает на пути цепочку этих электронов и оципанных атомов — ионов. Если сделать их видимыми — увидишь и путь, след самой частицы. Это и удалось Вильсону.

Вслед за туманной камерой появились новые, все более и более гибкие, быстрые, удобные в обращении. Капельки тумана, прочерчивающие след частицы, заменились пузырьками газа, затем гирляндами электрических искр. В искровых камерах «работают» уже не ионы, а быстрые, стремительные электроны, поэтому информация поступает полнее и в несколько раз быстрее, чем раньше. Искровыми камерами разных конструкций пользуются сейчас в лабораториях всего мира. Сами по себе они нехитры: наполненные газом коробочки из прозрачного стекла или пластика с металлической крышкой — электродом. Маленькие, как спичечный коробок, или величиной в целый дом. А вот приборы, обслуживающие эти коробочки, становятся все сложнее, все изощреннее. Они не только включают камеру и обрабатывают ее информацию. Они могут автоматически, без фотографирования, передавать сведения о частицах электронно-вычислительным машинам, которые прессуют их в аккуратные столбики цифр.

Группа Алиханьяна и Асатиани начала работать с ширококоззорными искровыми камерами в 1962 году. Через год было сделано открытие — самое большое (пока!) в научной судьбе Тины Асатиани. За него она вместе с А. И. Алиханьяном и группой физиков из Москвы и Тбилиси, разрабатывающих трековые искровые камеры, была в 1970 году удостоена Ленинской премии.

Называется это так: новый метод измерения импульсов заряженных частиц по кривизне следа в ширококоззорной искровой камере. Суть открытия — в словах «магнитное поле». След частицы в магнитном поле искривляется вправо или влево в зависимости от ее электрического заряда — положительного или отрицательного. По этой кривизне можно с большой точностью судить об импульсе частицы. И все? Да, все. Но это означает: у микромира вырвана еще одна тайна. Частицы стали рассказывать о себе больше, подробнее, чем раньше.

— Ну, вот и вы не удержались от традиционного вопроса: зачем все это? — смеется Тина Левановна. — Академик Арцимович говаривал: физика — это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет. Но давайте серьезно. Разве только стремление к материальному изобилию влечет нас в просторы космоса или глубины микромира? Не бывает, не может быть бесполезного, ненужного знания. Для того, чтобы овладеть тайнами природы, надо сначала их изучить. То, что мы не умеем использовать сегодня, может стать необходимым и самым главным завтра. Иначе невозможен прогресс.

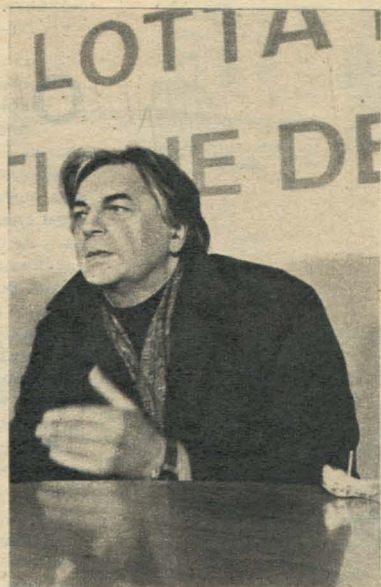
Когда-то считали, что атом неделим (его название и означает: неделимый). Теперь мы умеем расщеплять ядра атомов, высвобождая колоссальную энергию. Вполне возможно, что и наши мезоны станут источником небывало мощных энергий и человечество будет обязано им счастьем и благоденствием.

— А если нет? Если возникнет новая угроза, новая опасность для жизни на Земле?

— Мы понимаем, как велика сегодня ответственность ученого за все, что происходит в мире, — помолчав, говорит Тина. — Но сама по себе наука не бывает нравственной или безнравственной — ее делает такой люди, общество, которому она служит. Я верю, что человечество способно извлекать уроки из опыта минувшей войны, и люди научатся лучше понимать друг друга. Уже понимают — ведь итоги встречи в Хельсинки радуют весь мир, не нас одних.

...Машина мчалась к аэродрому, а я все высовывалась в окно, вглядываясь в занавешенные дымкой горы. Не знаменитый красавец Арарат хотелось мне увидеть на прощание. Я искала Арагац — хмурый, угловатый, незаметный в цепи своих каменных собратьев.

Арагац я так и не увидела. Но не забуду.

Идет репетиция. Справа: Ю. П. Любимов.

«ПОД ЖАРКИМ СОЛНЦЕМ ЛЮБВИ»

Недавно западноевропейская пресса много и подробно писала о том, что советский режиссер, художественный руководитель Московского театра на Таганке Ю. П. Любимов поставил в миланском театре «Ла Скала» оперу, посвященную Международному году женщины. Рецензируя спектакль, газеты подчеркивали, что «личность Любимова, личность Луджи Ноно (композитора), тема самого спектакля—все это вызвало в Милане большое волнение»...

Почему же вокруг оперы с названием «Под жарким солнцем любви» разгорелись такие страсти? Что это за спектакль? С этими вопросами мы обратились к Юрию Петровичу Любимову.

— Не буду пересказывать сюжет, это невозможно,—сказал Любимов.—Я просто назову круг проблем и скажу, какой период охватывает либретто оперы. Основные вехи—это события Парижской коммуны, революционное движение 1905 года в России; затем восстание 1943 года в Турине против нацизма, которое было поддержано другими городами. Турин—это было пробуждение национальной гордости, национального самосознания, поэтому сейчас для итальянцев память о туринском восстании—святыня национальная. И еще одно событие вошло в либретто—кубинская революция. Таким образом, была сделана попытка показать широкую, более чем вековую панораму освободительного и революционного движений.

Во всех эпизодах главные действующие лица женщины—учительница Луиза Мишель, сра-

жавшаяся на баррикадах Коммуны, Нилловна—героиня романа Горького «Мать», партизанка Тая, подруга кубинского революционера Че Гевары. Мужественный и трагический образ Матери стал в спектакле символом пробуждающегося самосознания народа. А женщины Испании, Кубы, Вьетнама—это наследницы и продолжательницы дела русской героини. Их образы—как бы различные интерпретации единой темы спектакля: женщина и революция.

Юрий Петрович рассказывает и о создателях спектакля:

— Музыку оперы написал Луджи Ноно, член Коммунистической партии Италии и один из крупнейших композиторов-авангардистов мира. Дирижировал оперой Клаудио Аббадо, зрелый музыкант с феноменальной музыкальной памятью, блестящим знанием партитур и классических и современных опер.

Что касается атмосферы вокруг спектакля, то она действительно была напряженной. Христианские демократы требовали запрещения оперы. Отстоять спектакль нам помогла Коммунистическая партия Италии и многие простые люди. Крупнейшие профсоюзы Италии заявили, что они объявят забастовку в случае запрещения оперы.

Понимая, что они не в силах воспрепятствовать появлению спектакля, христианские демократы сделали еще одну попытку: они обратились к владельцам абонементов в «Ла Скала»,—а это обычно состоятельные, даже богатые люди,—с призывом бойкотировать оперу из-за ее рево-

люционного содержания. И тогда для наших спектаклей было выбрано помещение театра «Лирико», а не «Ла Скала». Таким образом, нашу оперу смог посмотреть демократический зритель. Газеты сообщили о том, что на спектаклях было много рабочих и студентов.

Однако опера не только рассказывала о революции. Критики отмечали, что она сама была новаторским, революционным явлением в искусстве современной Италии. Драматургия спектакля, канву которого составили исторические события, вобрала в себя такие необычные для оперного либретто тексты, как отрывки из произведений Маркса, Ленина, высказывания Луизы Мишель, Ф. Кастро, Че Гевары, художественные фрагменты из Горького, Брехта, стихи французского поэта Рембо. Строчка «Под жарким солнцем любви» из революционного цикла стихов Рембо и дала название спектаклю.

Опера имела громадный успех. Многие газеты с восторгом писали о спектакле и о его создателях Ноно и Любимове, отмечая «прекрасное единство между музыкой, постановкой и историческими фактами». Спектаклей было сыграно больше, чем принято в «Ла Скала», опера включена в гастрольный репертуар театра. На спектакль приехали любители оперы, театральные деятели из разных стран. Ю. П. Любимова пригласили поставить оперу и в Нюрнберге.

Л. ВИЛЬЧЕК

Социолог энергичным движением руки изображает на школьной доске схему: круг (семья), от него в разные стороны бегут лучики, заканчивающиеся кружочками. Три кружочка—работа, общественно-политическая деятельность, свободное время—это интересы мужчины; два кружочка—дети, домашнее хозяйство—интересы женщины.

— Как видите,—обращается к нам социолог,—лучики не пересекаются, не сливаются. Интересы мужа и жены лежат в разных плоскостях. Так всегда было в шведских семьях.

На доске появляется новая схема: женщина включается в общественное производство, ее начинают интересовать социальные проблемы—теперь некоторые «лучики» интересов мужа и жены совпадают.

— Но только некоторые,—комментирует социолог,—задача же состоит в том, чтобы интересы одного супруга были близки другому, чтобы распределение обязанностей в семье было справедливым.

Значит, включение женщины в общественный труд, помогая ей добиться равноправия, вместе с тем способствует укреплению семьи. Социолог констатирует, что при существующем положении мужчина утратил ответственность за семью, за воспитание детей. Свою обязанность он ограничивает только добыванием средств на содержание дома. А отсюда и охлаждение чувств и непрочность семейных уз...

— Рита Лильеострем, лектор университета, член Комиссии по вопросам равенства мужчин и женщин,—представили нам социолога.

Мы—это пятеро журналистов из разных стран, приглашенные в Швецию, чтобы познакомиться с экспериментом, цель которого—привлечение женщин на работы, считавшиеся мужскими.

Рита Лильеострем рассказывает: в рамках эксперимента ведется социологическое наблюдение за 32 семьями. Нарушив традицию, 20 женщин из этих семей пошли работать и успешно овладели профессиями; 12—не решились на такой шаг, трем из них запретили работать мужья. В положении женщин, занятых на производстве, происходят позитивные изменения,—утверждает социолог. Они имеют возможность общаться с другими людьми, вступать с ними в социальные контакты. (Известно, что для «процветающей» Швеции, как и для других капиталистических стран, характерны изолированность людей, одиночество, апатичность. Не случайно из 32 наблюдаемых социологами женщин 26 не проявляют никакого интереса к политике.) У работающей женщины появилась уверенность в себе, гордость за свой труд. Наблюдения показывают, что меняется и образ мыслей, поведение мужчин—одна треть мужей стала помогать своим работающим женам в домашних заботах.

...Мы—на одном из предприятий ИФЕ в Брумелла. Завод производит изоляторы самых разных размеров и предметы сантехники. Работает здесь 2 тысячи человек. Из них женщин—30 процентов к общему числу работающих. До недавнего времени они использовались только на вспомогательных работах. С 1973 года женщинам в порядке эксперимента предоставлено право овладеть профессиями,

ШВЕДСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Социолог Рита Лильестрем.

которые считаются мужскими. На завод пришли 40 женщин. Первые три дня их знакомили с производством, неделю они наблюдали за трудом на разных участках и сами пробовали работать, чтобы окончательно остановиться на какой-то профессии. После непродолжительного обучения непосредственно на рабочем месте женщины начали трудиться самостоятельно.

Сразу же поясню: речь идет о тех профессиях, которыми наши женщины владеют давным-давно. И владеют успешно, обучаясь на равных с мужчинами. Это формовщики, фрезеровщики, сверловщики, сварщики, электромонтажники и другие. Скажу честно: мне показалось странным, что такой эксперимент проводится сегодня, когда во всем мире трудовой вклад женщин в национальную экономику своих стран вполне ощутим.

Но вернемся к эксперименту. Как выяснилось, для участия в нем на завод пришли новые люди, а те 30 процентов женщин (600 человек!), о которых упоминалось выше, так и остались на вспомогательных работах, их не включили в эксперимент: нет образования, обучать их профессии хозяевам невыгодно, да и кто их заменит на прежних местах — мужчины не будут выполнять работу за низкую плату. Эксперимент проводится не по всей стране, только в губернии Кристианстад, на юге Швеции. Здесь есть нужда в рабочих руках. А если учесть, что труд женщин на мужских участках оплачивается, как нам сказали, на 8 процентов ниже, чем мужчин, то становится понятным и положительное отношение владельцев предприятий к такому эксперименту.

Мы беседуем с Эльзой Бритт Фельд. Год как она работает на заводе ИФЭ. Эльза рассказывает: «Работа тяжелая, но мне нравится, потому что хорошо платят. Я стою на формовке бачка унитаза...» Молодая женщина закончила 9 классов, потом неудачное замужество, и вот теперь она на заводе. «Жизнь дорожает — нужны деньги», — добавляет она. Зарботок Эльзы хороший, но...

Об этом «но» женщина говорит: «Одна треть заработка идет на уплату подоходного налога, другая — за квартиру, да еще есть коммунальный налог... Ну, а остальные — на жизнь».

Напомню читателям, что Швеция по размерам национального дохода на душу населения

стоит на первом месте в капиталистическом мире. Буржуазные экономисты называют ее «страной благоденствия». Однако известно и другое: в «стране благоденствия» самые высокие налоги. Швеции присущи все болезни капиталистического государства: рост безработицы (77 тысяч безработных на 1 января), вздорожание жизни (на 8—10 процентов в год растут цены, в том числе на такие продукты, как хлеб, молоко, мясо). В характере шведов — беречь каждый эре, каждую крону. Это не скупость — скорее рациональность и неуверенность в будущем.

Более двух лет назад в Швеции была создана полуправительственная Комиссия по вопросам равенства мужчин и женщин. Ее возглавляет министр Анна-Грета Лейон, ведающая рынком рабочей силы. В Комиссию вошли представители государственных учреждений, профсоюзов, женских и молодежных организа-

Работница завода ИФЭ.

ций. В ее ведении — изучение положения женщин у себя и в других странах, выработка рекомендаций, проведение экспериментов (эксперимент по привлечению женщин к работам, считавшимся мужскими, проводится по инициативе этой Комиссии), подготовка предложений в правительство и т. д. Комиссии поручено координировать всю работу по проведению Международного года женщины.

По приглашению этой Комиссии мы, журналисты, и провели пять дней в Швеции. Срок, конечно, очень короткий, но и пять дней встреч, знакомств, бесед позволили почувствовать, насколько неоднозначно отношение шведского общества к проблеме равноправия женщин.

Запомнилась встреча с депутатами риксдага, представляющими различные партии в высшем органе власти страны. Именно здесь как в капле воды отразились противоречия взглядов на женский вопрос.

Представительница социал-демократической, правящей партии убежденно говорила нам о необходимости предоставить женщине право работать. И возможность это право осуществить. А мне в этот момент подумалось: «Как практически воспользоваться этим правом, если в стране 38 тысяч безработных женщин, а «эксперимент» коснулся всего лишь нескольких десятков домашних хозяек».

Да и пойдет ли мать работать, оставив ребенка без присмотра? Имеющиеся детские

сады обслуживают только 7,6 процента детей дошкольного возраста. В рассказе социал-демократки была фраза: вот, мол, после Международной конференции в Мехико получим мы рефераты (доклады) о положении женщин в других странах, сравним... «Сравним»... Ну что ж, сравнивать хорошо. Но смотря с кем. Мне известно, например, как много внимания уделяет Социал-демократический союз женщин Швеции изучению положения женщин в развивающихся странах. Конечно, на фоне их многочисленных трудностей, тяжелых последствий колониализма положение шведских женщин будет выглядеть вполне благополучным. И не помешает ли такое «сравнение» решению своих внутренних проблем?

Представители консервативной партии и партии центра свое отношение к женскому вопросу сформулировали предельно ясно: пусть женщина выбирает между работой и семьей; равенство надо начинать с дома, супруги должны делить ответственность за семью. Консерваторы не хотят замечать, что жизнь ломает старые традиции, старые взгляды на роль женщины в семье и обществе.

«Шведские женщины находятся в хорошем положении. Освободить надо мужчин», — заявил представитель либеральной партии. Сначала мы восприняли это как каламбур, но последовало разъяснение: мужчины больше страдают от безработицы, от алкоголизма, они подвергаются дискриминации при разводе (дети остаются с матерью) и т. п. Так что, по мнению либералов, женских проблем не существует в шведском обществе.

Партийные лидеры Швеции гордятся успехами, достигнутыми страной в социально-экономическом плане. Здесь весьма развита система социального обеспечения. Но о прогрессе общества можно судить по тому, и какую роль в этом обществе играет женщина.

О борьбе коммунистов за подлинное равноправие женщин рассказывала нам депутат риксдага от Лево́й партии — коммунистов. Решение женского вопроса неотделимо от политической борьбы — такова позиция коммунистов. В руководстве партии создан специальный совет по проблемам женщин, куда входят и мужчины и женщины. Вовлечение женщин в общественное производство — первоочередная задача. В рядах рабочего класса будет расти их самосознание, работницы станут активными участниками классовой борьбы.

В Швеции все больше и больше людей начинает понимать, что ни о каком равноправии не может быть и речи, пока мир женщины ограничен стенами опрятного домика, а ее ум занят только рациональным ведением хозяйства. В условиях Международного года женщины прогрессивные силы страны ставят на обсуждение такие острые вопросы, как равноправие женщин в семье и обществе, обеспечение их участия в экономическом, социальном и культурном развитии своей страны.

Многочисленные женские организации, и прежде всего такие, как Левый союз женщин Швеции, настойчиво требуют предоставления женщинам квалифицированной работы, равной с мужчинами оплаты за равный труд, расширения государственной сети детских садов. Женщины во весь голос заявляют о своем праве активно участвовать во всех сферах политической, экономической и социальной жизни шведского общества, о своем стремлении бороться за упрочение мира на Земле.

В. ТИМОФЕЕВА

ДИТЯ РОДНОЕ— МИР

Встреча в Серафимовском. Руководитель Клуба интернациональной дружбы А. К. Жамалетдинов, писательница Е. В. Кононенко, бывшая партизанка-разведчица К. А. Ермолаева среди детей.

КЛУБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЙ ДРУЖБЫ В ПОСЕЛКЕ СЕРАФИМОВСКОМ, БАШКИРСКОЙ АССР.

И человечество,
как мать, встает
Над громом бомб, мортир,
От сатаны чтоб отстоять
Свое дитя родное—мир.

Мустай Карим.

Я не нашла на географической карте рабочий поселок Серафимовский Туймазинского района Башкирии. Да и наивно было искать—несметное количество у нас поселков. А побывала там, и отчаянно захотелось, чтобы название этого поселка, на зеленых улицах которого по вечерам упоительно поют соловьи и кукуют кукушки, алыми буквами было запечатлено не только на карте Советского Союза, а на карте Европы, а может быть, даже и на мировой. И не только потому, что там славно, поистине новаторски трудятся нефтяники,—они по всей Башкирии здорово трудятся, тысячи тонн «черного золота» записали уже в этом году на сверхплановый счет. В Серафимовском много лет искрометно работает Клуб интернациональной дружбы, девиз которого «За мир без войн, за дружбу народов». Живут здесь, как одна хорошая семья, русские, башкиры, татары, люди других национальностей. Председатель клуба (на общественных началах) Абдулахак Каюмович Жамалетдинов—учитель-пенсионер, человек неистребимой энергии. Давно живу на свете, много знала и знаю неугомонных людей, но эдакой неугомонности, честное слово, не видывала.

Сидим мы с одним из серафимовских руководителей под тенью древнего, могучего, ветвистого дерева, как под шатром, ведем разговор о героях нефтяных скважин, о их семьях, о молодежи, о детях. И вдруг товарищ заметно меняется в лице, низко нагибает ветви. «Вы что?»—спрашиваю я. «Абдулахак!»—шепчет он.—«Абдулахак сейчас возьмет меня в плен». Сквозь листву вижу: несется по березовой дороге, что ведет в верхнюю часть поселка, Абдулахак Каюмович Жамалетдинов с пухлыми палками в руках. (Потом узнала: пришла свежая почта из ГДР). Палящая жара, а он несется, словно ему восемнадцать. Как вихрь. Как ракета. «Да что же это такое?!—думаю я не без изумления.—Как может сердце человека, к тому же пожилого, выдержать эдакую экспрессию?» Товарищ отпускает ветки, скрывающие нас, и облегченно вздыхает. Потом устало улыбается: «Грандиозный фанатик наш Абдулахак. Замучил малость. Ведь вот вытащил «Работницу» из Москвы в 35 градусов жары. Признайтесь, сколько писем, телеграмм, звонков было вам. Он кого хочешь вытащит. Да, у нас в Серафимовском много было интересных людей. Из разных стран. С ГДР у клуба особая, давняя дружба. С ветеранами Коммунистической партии Германии, с немецкими антифашистами. У Абдулахака хранится письмо Вильгельма Пика о встрече с Лениным... Были у нас и бывшие узники Бухенвальда... Если бы можно было поднять из гроба Шиллера и Гейне, Абдулахак привел бы их на вечер, посвященный их творчеству... У нас нефтяники читают Шиллера, молодежь наизусть знает Гейне. Вот такой Абдулахак... Я прячусь сейчас от него, а подумаеть иной раз: невозможно представить себе Серафимовку, Туймазу, Октябрьский без Жамалетдинова и этого клуба...»

В моих руках пачка пригласительных билетов на вечер клуба. Обнаружу хотя бы несколько. Вот билет, на первой обложке которого—родное лицо Владимира Ильича Ленина и его слова «Мы—международники, интернационалисты». На обороте обложки—голубь мира, слова: «Уничтожить войны, утвердить вечный мир на

земле—историческая миссия коммунизма» (Из Программы КПСС).

Вечер интернациональной дружбы, посвященный узникам фашизма. На билете слова Мусы Джалиля: «Я вижу зарю над колючим забором. Я жив, и поэзия не умерла: пламенем ненависти исходит раненое сердце орла». Еще слова Дмитрия Карбышева: «Главное—не покоряться, не пасть на колени перед врагом». Еще слова Юлиуса Фучика: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!» Вечер советско-болгарской дружбы. На билете—портрет Георгия Димитрова и его слова: «Дружба с Советским Союзом не менее необходима для национальной независимости и процветания Болгарии, чем солнце и воздух для всякого живого существа». Пригласительный билет на вечер «У нас друзья на всей земле». Женщина с ребенком и вопрос: «Ты помог делу мира?» И слова Михаила Шолохова: «Мир не отнять у тех, чьи руки держали оружие и воспаленные губы осушали слезы на щеках осиротевших детей, чьи глаза видели и навсегда запечатлели в памяти ужасы прошлой войны. Мир и будущее навсегда наши!» Вот билеты на вечера «Герои остаются в строю», «Писатели мира в борьбе за мир», «Братство по оружию».

Много, много пригласительных билетов правления серафимовского Клуба интернациональной дружбы, много было волнующих собраний и встреч в рабочем поселке нефтяников. Я упомяну еще один билет, который и привел меня в Серафимовский. Это очень красивый билет, со вкусом оформленный юным художником Сашей Черновым. На первой обложке билета слова: «Международный год женщины—1975». Еще слова: «Борьба за мир, за демократические права, за светлое будущее детей—вот главные рубежи, на которые выходят наши современники в Международный год женщины». А текст такой: «Дорогой товарищ! Наш вечер «Женщины мира в борьбе за мир» посвящается тем, кто дает жизнь Человеку—хозяину земли, мира и своей судьбы. Приглашаем Вас на вечер в кинотеатр имени Гагарина...»

На этот вечер я и приехала. Это собрание серафимовский Клуб интернациональной дружбы провел вместе с парткомом управления «Октябрьскнефть», женским советом поселка и первичной организацией общества «Знание». Собрались все женщины поселка, приехали делегации из Уфы, из Белебея. Были и мужчины. Вечер открыли дети. Кому же и предоставить первое слово, как не детям, во имя жизни и счастья которых идет борьба за мир на земле. Как они отплясывали, как славно пели, какие у них были сияющие рожицы, у детей и внучат нефтяников. И каждому из нас думалось: пусть они всегда будут радостными, эти дети. И не только серафимовские, а дети всех стран, всей планеты. Кто же защитит их право на жизнь, на учение, на спорт, на песни, на пляски, как не мы, взрослые люди, и прежде всего—матери. До позднего часа шло горячее собрание. Башкирки, татарки, русские окружили московских гостей, не отпускали. Особенно, конечно, «Стрелку»—бывшую легендарную разведчицу-партизанку Клавдию Аполлинарьевну Ермолаеву. И целовали и жали руки. И передавали сердечные поклоны Советскому правительству, Центральному Комитету нашей партии, всем, кто борется за мир, за счастье матерей и детей.

На зеленых улицах уже гасли огни, а работницы и жены нефтяников все не отпускали нас.

— Им виднее, как там сделать, но чтобы мир был...

— Он ведь зависит от каждого из нас...

— Это-то мы знаем. За нами дело не станет. Это всей жизнью доказано.

Елена КОНОНЕНКО

СЕМЕЙНЫЕ СТРАНИЦЫ

В номере 6 «Работницы» под рубрикой «Семейные страницы» были опубликованы три письма наших читателей, три маленькие исповеди о семейной жизни.

Один из авторов, Людмила Чернухина из г. Петропавловска (Казахстан), поделилась радостью, которой они с мужем сумели насытить жизнь своей семьи («Если дорожить друг другом»).

Света П. (не называя фамилии и своего адреса) сетует на мужа, изменившего к ней отношение за последнее время («После свадьбы»).

В. Варенов, военнослужащий, жалуется на непонимание жены, утверждает, что современные женщины вообще не хотят выполнять свои прямые обязанности по уходу за домом и за мужьями («Кому варить обед?»).

Поток читательских писем, вызванный этой публикацией, оказался нескончаемым. Особенно много писем адресовано В. Варенову. Он, что называется, «вызвал огонь на себя». Огонь читательской критики направлен против тех, кто, признавая равенство женщин на производстве—правильно, пусть работают!—хотел бы дома сохранить за собой положение главы семьи, «уставшего на работе» и требующего в доме порядка, создаваемого исключительно руками жены.

Письма в редакцию прислали и мужья, и жены, и матери, и свекрови, и даже дети.

За каждым письмом опыт жизни, свой или родительский, размышления о том, что же есть семья сегодня: чем она крепка, где ее подстерегает опасность.

БЫТЬ ЧУТКИМ

Мне 45 лет, и я прожил нелегкую жизнь. Сначала война. Потом тяжелые послевоенные годы, 18 лет службы в армии. Теперь я на пенсии по инвалидности. Хочу, если можно так выразиться, прокомментировать все три письма «семейных страниц». Анатолий Чернухин—Человек! Такими семьями, как семья Чернухиных, нужно не только восхищаться, но дорожить ими, пропагандировать их. Молодцы Чернухины! Так держать на всю оставшуюся жизнь! Здесь благополучие не показное, не с виду, как в семье военнослужащего Варенова. Но прежде чем о нем, скажу о себе.

Я с женой прожил около двух десятков лет. У нас три дочери. Старшая—студентка. Средняя—ученица 10-го класса. Младшая перешла во второй. За 20 лет семейной жизни у нас не было ни одного скандала. Да я считала, их и не может быть, если не искать преднамеренно. Какие причины могут поссорить двух любящих, уважающих друг друга и, говоря словами Люды Чернухиной, дорожащих друг другом людей? Нет таких причин!

Вот Варенов пишет, что любовь у них с женой «уже не такая пылкая: за 10 лет мелких дрязг и ссор мы многое растеряли». А была ли любовь пылкой? Да и знает ли Варенов, что такое пылкая любовь? Разве он знает, что такое на 21-м году супружеской жизни после двухдневного отсутствия бежать к жене, как на первое свидание? Нет, не знает. А вот Люда Чернухина и Анатолий Чернухин знают. Я живу хоть и на острове (под Баку), но среди людей и часто слышу, что поводом к семейным ссорам и даже скандалам служат какие-то «недостатки» и «недочувствки». 45 лет прожил и до сих пор не пойму, о каких недостатках идет речь? Ведь все недостатки и материального и морального характера ложатся на плечи обоих супругов. Мы с женой это понимаем. И боремся с недостатками сообща, не изводя предварительно друг друга ссорами и дрязгами.

Неграмотным Варенова не назовешь, он даже знает, что такое «эмансипация». Может, я знаю и не так много, как он. Но я знаю

твердо, что оскорблять любимого человека делом, словом или подозрениями, а потом делить с ним крышу, хлеб и даже постель,—что может быть циничнее? А Варенов, видите ли, не хочет быть циником и тут же публично оскорбляет ту, которая дала жизнь его детям, с которой ему жить да жить. Ведь говоря про женщин, что «у некоторых ни таланта, ни ума нет», он имеет в виду свою жену.

А Светлане П. («После свадьбы») просто-напросто не хватает чуткости. И не только к мужу, но и ко всем окружающим. Одной из причин того, что она вышла замуж в 19 лет, судя по ее письму, был отчим. Ей хотелось уйти из семьи. Я тоже рос с отчимом. В отличие от Светы П. я до сего времени благодарен Федору Павловичу Маслову—моему отчиму—за то, что он подпер своим мужским плечом нашу семью в суровые военные и первые послевоенные годы.

Выйдя замуж, Света ушла из института. Я не считаю серьезными тех людей, кто, поступив в институт и проучившись в нем какое-то время, бросает учебу. Для здорового человека в наше время не может возникнуть сколько-нибудь уважительных причин, чтобы сделать это. Света даже не пишет, где и кем работает ее Вадим. Сама не работает. Как-то попробовала, но работать и ухаживать за детьми, которые к тому же болеют, тоже трудно. Бросила и работу. А знает ли Света П., поинтересовалась ли хоть раз, как работает ее Вадим, как сложились его взаимоотношения с товарищами? Вряд ли. Света пишет, что Вадим не помогает ей по хозяйству, и тут же пишет, что дети любят его. Значит, он все же отдает свое свободное время детям. Иначе им просто не за что было бы любить его.

Я не стремлюсь оправдать Вадима, он тоже виноват во многом. Он виноват прежде всего в том, что позволил жене бросить учебу в институте; он виноват в том, что вовремя не убедил ее работать и, по всей видимости, не смог или не захотел помочь ей в то время, когда она попробовала работать. Света пишет, что они дружили около четырех лет. И тут же задает вопрос: «Или он с самого начала был таким, а я просто не видела?» Если в течение четырех лет Света не смогла рассмотреть своего Вадима, то сколько же

нужно для этого времени? За четыре года можно не только заметить каждую черточку на лице любимого человека, но и узнать каждую черточку его характера. Мы с женой не дружили и трех месяцев. Все дело в чуткости.

г. Баку.

Н. ШТЕФАН

ВОСПИТЫВАТЬ ДРУГ ДРУГА

Семейная жизнь—это большой и трудоемкий процесс. Муж и жена воспитывают не только детей, но и друг друга. Человек, как правило, несет в своем характере и недостатки и положительные качества. От того, как супруги будут относиться друг к другу, насколько они будут чутки и внимательны, зависит, какое качество характера получит большой простор для развития. Разрушать всегда легче, чем строить. Разойтись, «разбегаться в разные стороны» гораздо легче, чем воспитать в супруге своего друга, вникнуть в его душу, понять. В семье, где общее счастье и горе, смешно создавать проблему из того, кому приготовить обед. Готовит тот, у кого есть возможность и свободное время. И нет никакой разницы, кому стирать белье, кому гулять с детьми. Ведь в противном случае не будет семьи, не будет единого целого.

М. СИПКО

г. Ставрополь.

КАК ВО ВСЕХ ХОРОШИХ СЕМЬЯХ

Мне 32, дочке 10, сыну 2 годика. Работаю. Забот и хлопот хватает. Со всеми домашними делами я могу справиться одна и справляюсь: муж часто бывает в командировках. Но когда он дома, его помощь в воспитании детей, по хозяйству доставляет мне большую радость. Не потому, что без нее невозможно обойтись: мне кажется, что без такой помощи семья не может быть дружной. На мой взгляд, авторитет мужчины совершенно не страдает от того, что часть домашних работ лежит на нем. Во всех хороших семьях, которые я знаю, забота мужа (зачастую вопреки желанию свекрови) помогает супругам сохранить нежные чувства друг к другу долгие годы.

С уважением, Н. НИКЕЕВА
г. Йошкар-Ола.

СДЕЛАЙТЕ ПРАЗДНИК

Когда в доме хранят это светлое чувство друг к другу—уважение, любовь,—то и обед—музыка, и пуговицы—музыка, и... футбол—музыка, потому что это все согласовано, а значит, и прекрасно. Берегите друг друга—вам и старость будет не страшна. А

если с дрызг начинается жизнь, то к старости вдруг обнаруживаешь, что ты оказался нищ духовно, для тебя остается вечное брюзжание на все и всех.

Как это дорого: быть вдвоем, чувствовать рядом друга, воспитывать вместе детей и все вместе, вместе...

Читаю я ваши письма, В. Варенов и Света П., и думаю: «Как это так: два взрослых, любящих человека не могут разобраться в самих себе!»

Хочу вам посоветовать: не забывайте почаще устраивать праздники дома (вдруг возвратиться с работы с тортом, приготовить чай—для детей это радость), не забывайте уезжать или просто уходить всей семьей почаще в лес, в парк, в горы, ведь природа—это тоже воспитатель. И желаю вам: «Будьте счастливы, берегите друг друга, берегите семью!»

С. И. ВАХНЕНКО

г. Новороссийск.

ЗАКОН СЕМЬИ

В семье у нас 5 человек—мама, папа, два брата и я, старшая дочь. Меньший брат—пятниклассник, старший работает, уже отслужил армию. Я тоже работаю, замужем третий год. Я, как Варенов, люблю спорт, подвижные игры, сама легкоатлетка. Сейчас у меня своя семья, свои заботы. Но законы в моей семье такие же, как и в родительском доме. Вот как у нас было: мама приходила с работы первая, она начинала готовить ужин, варить суп, борщ. Затем приходили отец и старший брат, они готовили салат, затем приходила я, мне доставалось чистить картошку или лук на суп. Самым последним возвращался из школы наш младший брат, ему приходилось ставить посуду на стол. И так мы все работали, все готовили еду. За столом было весело: мы подмигивали друг другу и хвалили друг друга за вкусные блюда. После ужина отец брал газету и читал нам вслух новости дня, мама мыла посуду, я полоскала, старший брат перетирал, а меньший ставил в шкаф. Потом каждый из нас принимался за свои дела.

Мой муж привык к нашему «домашнему закону». Он помогает мне и на кухне и в уборке. Сейчас мы получили отдельную квартиру. Вы попробуйте, товарищ Варенов, установить у себя в семье такой обычай. И вы увидите, как потеплеет к вам жена. Вернется вновь любовь. Тогда уж будет время и сходить на футбол и в театр и почитать журнал или книгу.

Таня М.

...А В ЖИЗНИ ИНАЧЕ

Прочитала я письмо Светы П., которое называлось «После свадьбы», и не удержалась—решила написать. Хотя всегда считала, что писать о своей семье если уж не глупо, то вовсе ни к чему. Но с каждым номером журнала отношение мое к рубрике «Семейные страницы» меняется. И вот в письме Светы П. я нашла очень много похожего на свою жизнь. Сейчас мне 25. Мужу 30. Сыну 4 года. Вышла я замуж в 19 лет. Некоторые считают, что это рано, а же для себя считала нормально. Была и у нас любовь—такая, как бывает только в книгах, кино. Встречались мы со Славой всего 3 месяца, а на четвертый

поженились. До свадьбы и некоторое время после свадьбы люди, как известно, способны идеализировать друг друга, но вот проходит время, и эта способность утрачивается. Кончились семейные праздники, и начались будни. И беда тем двоим, кто не смог воспитать в себе взаимное уважение друг к другу. Без него любовь гаснет.

Мы поженились со Славой, а через неделю я уехала заканчивать техникум. Письма писали каждый день и даже по нескольку. Мне и сейчас думается, что только благодаря нашей любви я подготвилась и сдала госэкзамены.

Вернулась я в дом родителей мужа весной, а на следующее лето у нас родился сын. Мы были счастливы. Через 6 месяцев после родов я пошла работать. В это время мы жили уже отдельно от родителей, своим домом. У меня была интересная, хорошо оплачиваемая—и к тому же по душе—работа: бригадир животноводческой фермы. Так прожили мы 3 года. Муж работал шофером. Ему было очень трудно: летом жара и 16—18-часовой рабочий день, весной, осенью—бездорожье. Муж стал уговаривать меня: «Давай уедем к родственникам в Братск. Ты найдешь работу по специальности, поступишь куда-нибудь учиться, ведь тебе легко дается». Уехали. Год жили на квартире, затем мне на работе дали комнату в малосемейном общежитии, где нам попались чудесные соседи (мы и теперь живем с ними в одной квартире и никогда не ссоримся). Я и сейчас, 6 лет спустя, люблю мужа. Но совсем недавно я поняла, что над нашей маленькой семьей нависла беда. Раньше муж не пил, домой приходил вовремя, а потом все чаще и чаще начал приходить под хмельком. Стал задерживаться. Когда я говорила с ним спокойно, он отшучивался. Когда дело доходило до ссор, он упрекал меня, что я нудная жена. Нудной мне не хотелось быть. Не хвастаясь, скажу, что характер у меня не скверный. И я делала вид, что ничего не происходит. А дома становилось все хуже. Я чувствовала, что мы становимся чужими. Сын со мной, а муж один. Хотя сын с самого маленького возраста души не чаял в отце, чем Слава очень гордился.

Дошло до того, что он уже и трезвый стал всегда раздражительным, замкнутым, грубым со мной и с сыном. По дому даже самую что ни на есть мужскую работу не было у него желания делать. Бросит только: «Самой делать нечего—в городе живем». И получалось, что сын ко мне бежит со всеми своими бедами, независимо от того, молотком мне надо орудовать или носовым платком действовать. Трудно нам было всем. Всем—потому, что муж часто сам мучился, а побороть себя, изменить в своем характере что-то не хотел. Больно было за себя, а еще больнее—за него. Когда мы поженились, он хорошо играл в шахматы, занимал призовые места по району; интересовался всем хорошим. С ним можно было поговорить и о кино, и о литературе, и песню послушать вместе. А сейчас он стал считать, что это все лишнее. И со страхом я увидела, представила наше будущее и поняла, что молчать нельзя. Лучше буду «нудной», но я не позволю ему так относиться к себе и к нам. Решила, а сама не знала, с чего начинать.

Есть у меня человек, другом можно его назвать.

Учась в техникуме, мы два года дружили с ним, и, вероятно, потому, что дружба носила самый чистый характер, нам удалось по сей день не утратить искренности и человеческого доверия. Но он далеко: за 7 тысяч километров, и я решила написать ему. Призналась, что трудно, что не знаю даже, что делать. Он ответил: «Я посоветую тебе только одно—будь сильной и ломай этот домострой сейчас, потом будет поздно». Я благодарна

ему за эту, казалось бы, простую истину. Просто, но как нелегко быть сильной! Я начала учиться ею быть. Стала больше уделять внимания своей внешности, начала готовиться в техникум. Ведь моя сельскохозяйственная специальность не годилась в городе, надо было переучиваться. На мужа это в какой-то мере подействовало, но я чувствовала, что этого мало, что нужны решительные меры. И однажды, когда он задержался на очередной пирушке, я наутро сказала ему все, что думаю о наших отношениях. В конце концов все закончилось тем, что муж сказал: «Я лучше уйду, но никогда не будет, чтобы я помогал тебе. В городе женщине и так нечего делать, это не деревня». Он собирался, а я молчала. Хотя от боли сердце готово было лопнуть. Я знала, характер у мужа упрямый (именно упрямый), и вряд ли он изменит своему слову... Но он вернулся через полчаса, весь пропахший сигаретным дымом. Он вошел и кинулся ко мне со словами: «Прости, прости! Никогда такого больше не будет, вот увидишь. Не смогу я без вас».

Всего несколько месяцев, как меняются у нас отношения в семье. Муж уже не считает, что идти на базар—чисто женское дело. Я видела однажды, как он шел с базара—с рюкзаком, плотно набитым злополучной картошкой. Видно было, что ему самому уже приятно помогать мне. И сын опять льнет к нему. О недалеком прошлом стараюсь мужу не напоминать.

Я часто думаю: почему наша семья чуть не рухнула? И вижу, что много здесь моей вины, если не прямой, то косвенной. Когда приехали мы сюда, муж стал зарабатывать больше. И вот, сравнивая свою жизнь в городе с жизнью в деревне, я считала, что сама могу справиться со всей работой. Муж постепенно привыкал к этому, и иногда доходило до того, что в ответ на мою просьбу помочь по хозяйству он говорил, что зарабатывает больше меня и совсем не обязан заниматься еще и домом. Он всегда говорил мне, чтобы я заочно училась, однако считал так: хочешь учиться—учись, а помогать тебе я не собираюсь.

За все шесть лет, как бы у нас в семье плохо ни было, я ни с кем не делилась этим, потому что отчасти согласна с поговоркой: «У хорошей жены плохого мужа не бывает». И если ты ошиблась в выборе, то здесь и твое собственное поражение. Мы с мужем, когда поженились, мечтали создать замечательную, идеальную семью, а вот в жизни все сложилось немножко иначе. Но главное, мне кажется, надо не отчаиваться, не разочаровываться, а верить! Верить во что бы то ни стало. И еще надо так вести себя в семье, чтобы в тебе видели человека прежде всего. А то ведь как получается: на работе нас грамотами, денежными премиями награждают, люди уважают, мы им платим тем же, а в семье двое, казалось бы, самых близких людей не могут найти общий язык.

Я радуюсь: сейчас муж стал ласковее, внимательнее, заботливее, это наша, пока еще маленькая, победа. И буду продолжать свою борьбу за семью.

Мне хотелось бы дать Свете П. один простой совет: присмотрись внимательнее, и, может быть, ты увидишь, что и сама в чем-то виновата. Обрати внимание на свою одежду, на внешность. Мужчины не любят, когда мы не следим за собой. Ты сама в письме говоришь, что любишь своего мужа, значит, муж твой неплохой человек, и, мне кажется, выход можно найти.

Думая над своей судьбой, над Светиной, вижу я, какой гибкой и умной должна быть женщина: требовательной и уступчивой, непримиримой и снисходительной. И обязательно надо учиться или работать.

В. Н.
г. Братск.

Ах, Добруджа, Добруджа! Иногда ты снишься мне.

В то время, когда в середине 1916 года наша артиллерийская бригада, внезапно переброшенная из-под Сморгони, где в течение нескольких месяцев мы сдерживали натиск немцев и отвлекали их силы от Вердена, в придунайский город Рени, расположилась лагерем со всеми своими трехдюймовками, обозами и парком среди пыльных сливовых садов и огородов и ждала, когда Румыния вступит в войну против немцев на нашей стороне и мы переправимся через Дунай на театр военных действий,

Имя Валентина Петровича Катаева, лауреата Государственных премий, Героя Социалистического Труда, хорошо известно читателям, так же как и его книги — «Время, вперед!», «Белеет парус одинокий», «Я сын трудового народа», «Сын полка», «Трава забвенья» и другие.

Недавно писатель закончил новую книгу — «Кладбище в Скулянах». Она родилась на основе дневников, которые писатель вел во время двух войн — первой мировой и Великой Отечественной, а также записок его деда и прадеда, в далекие годы воевавших, как и Валентин Петрович, в Причерноморье.

Мы печатаем отрывок из этой новой книги, которая полностью будет опубликована в журнале «Новый мир».

я получил кратковременный отпуск в Одессу и болтался там, разыгрывая из себя перед знакомыми барышнями героя знаменитых боев

под Сморгонью, щеголяя новыми хромовыми сапогами и медными пушечками на погонах вольноопределяющегося.

Однако мне не пришлось долго валандаться в тылу: Румыния объявила войну Германии, я поспешил в свою часть и через сутки уже был в опустевшем Рени. Мне пришлось догонять свою батарею, пристроившись на одну из барж, которая везла вверх по Дунаю продовольствие, фураж и боеприпасы для армии.

Не стану описывать свое плавание на барже, которую тащил за собой маленький могучий катерок, красоту широко разлившегося Дуная, мутно-голубые отроги Карпат, таинственно видневшиеся вдалеке на румынской стороне.

Иногда навстречу нам шли катера или мониторы, откуда нас приветствовали гудками и флагами.

Не помню уже, сколько времени продолжалось путешествие на барже, но вскоре мы достигли города Чернавода, откуда я должен был, согласно предписанию военного коменданта Рени, следовать дальше по железной дороге до города Меджидие, где, по его предположению, должны были находиться тылы нашей бригады, ведущей наступление на Базарджик.

Высидевшись на берег, я очутился на немощной площади, сплошь истыканной лошадиными копытами и заваленной пачками прессованного сена. Посреди площади находилась кофейня, имевшая вид дощатого сарая, со столиками, расставленными под открытым небом на черной земле. Возле кофейни возвышался высокий шест с пучком соломы, что, по-видимому, являлось вывеской этого заведения, а на крыше висел румынский национальный флаг, говоривший, что я уже нахожусь за границей.

За столиками сидели румынские простолудины в высоких бараньих шапках, бараньих жилетах и пили из маленьких чашечек черный турецкий кофе, заедая его вишневым вареньем из таких же маленьких блюдец и запивая свежей водой, которую каждые пять минут меняла хорошенькая румынка в красной юбке и черном корсете, но босая.

У меня не было денег, и я мог лишь полюбоваться видом кофейных чашечек и блюдец в красной вишенкой посередине.

Кое-как я добрался до станции железной дороги и узнал, что поезд на Меджидие отправляется лишь по утрам, а было семь часов вечера, и розовое августовское солнце еще только собиралось опуститься за пыльные фруктовые сады, длинные скирды свежей соломы и черепичные крыши аккуратных мещанских домиков с угловыми балконами и колодцем против каждых ворот. Я с грустью понял, что мне не остается ничего другого, как устроиться на длинной лавке под станционным навесом и кое-как переночевать, положив под голову ранец, набитый всякой всячиной, которую я вез из тыла в подарок своим товарищам по оружию.

На станционной площадке не было ни души. Я уже собирался расположиться на лавке, как вдруг...

Валентин КАТАЕВ

Рисунок О. Вуколова.

РУСИШКА

...мое внимание привлекла женская фигура, появившаяся на платформе...

Она несколько раз медленно прошла мимо меня, но лица ее я не мог разглядеть, так как оно было закрыто кисейной чадрой, выкрашенной в мутно-голубой цвет домашним способом. Чадра эта опускалась ниже колен, почти до самой земли.

По-видимому, это была молоденькая девушка.

Весь ее стройный стан, невинная худоба рук, легкая походка говорили, что ей лет семнадцать. Меня взяла досада, что я не мог рассмотреть ее лица, но длинные волосы льняного цвета, почти белые, заплетенные в две косы, давали понять, что она если и не красива, то, во всяком случае, очень мила.

В то незабвенное время я еще придавал слишком большое значение красоте женского лица.

Мне показалось, что сквозь голубую кисею я увидел робкую улыбку, явно относящуюся ко мне. Мне даже показалось, что в этой улыбке проскользнуло что-то порочное.

«Чем черт не шутит?» — подумал я, и мне представился мимолетный романчик с привлекательной иностранкой.

Судя по ее недорогой обуви, можно было заключить, что она принадлежит к невысокому классу чернаводского общества, и это еще более воспламенило меня. «Доступная мещаночка», — подумал я и прошел быстро мимо нее, сделав ей то, что тогда называлось «глазки».

Ветер на миг откинул ее вуаль, и я увидел малокровное личико, усыпанное золотистыми веснушками, которые, впрочем, ничуть его не портили.

Я уже было собрался целкнуть шпорами, откозырять и предложить познакомиться, но в решительный момент робость одолела меня: в свои девятнадцать лет я еще не был достаточно испорчен. Я покраснел и удалился на свою скамейку, делая вид, что поправляю ранец.

К своему удивлению, я заметил, что моя знакомка снова, еще более медленным шагом прошла мимо меня, а потом остановилась, как бы ожидая, что я подойду к ней.

Преодолевая смущение и делая вид завязатого армейского волокиты, я подошел к ней и приложил руку к козырьку потрепанной в боях фуражки. Она благосклонно мне поклонилась.

Трудность положения заключалась в том, что у нас не было общего языка. Я попытался сказать ей комплимент по-французски, который я еще совсем недавно изучал в гимназии. Она ничего не поняла, но вдруг сказала какую-то фразу на незнакомом мне языке, но не на румынском, а на каком-то другом, напоминающем один из славянских диалектов. Из ее фразы я смутно понял, что она рада нашему знакомству и называет меня «господин офицер».

Скорее знаками, чем словами, я объяснил ей, что я не офицер, а всего лишь вольноопределяющийся, волонтер, показал ей на свои погоны со скрещенными пушечками и сделал губами звук «бум-бум». Она поняла и ласковым голосом произнесла слова:

— Храбрый воин, солдатик.

Мне показалось, что я ей понравился, и в моем воображении сразу же возникла картина мимолетной любовной интрижки странствующего артиллериста и обольстительной туземки.

Сделав над собой известное усилие, я взял ее под руку.

Она смутилась, но руки не отняла. Мы некоторое время погуляли туда и назад по станционной платформе, причем я старался как бы невзначай прижать ее тонкий стан к себе.

Оказалось, она, как я и предполагал, не

румынка, а принадлежит к так называемым русинам, народу, населяющему некоторые районы Дунайской дельты.

Вскоре мы стали довольно хорошо понимать друг друга, и между нами начался, как мне показалось, мимолетный роман, обещавший прекрасную ночь.

Солнце уже закатилось, но на небе еще долго держалось его зарево. Потом и оно исчезло. Наступили сумерки.

Девушка, взглянув на меня таинственно из-под вуали, нежным голосом произнесла довольно длинную фразу на своем неясном славянском наречии. Слов ее я не понял, но ее жесты были понятны: она приглашает меня к себе. Для меня не было ни малейшего сомнения в значении этого приглашения на пороге ночи, и я еще крепче прижал к своему боку ее худенький локоть. Это ее, очевидно, несколько смутило, так как она сделала слабую попытку высвободить свою руку, но я был настойчив и не выпустил ее из плена.

Я взвалил на плечи ранец, и мы отправились вниз по немощной полудеревенской улице, состоящей из двух рядов хорошеньких домиков — хаток с палисадниками, где в потемках все еще ярко рдели крупные георгины, источавшие волнующий запах растительного тления.

Девушка пропустила меня в одну из калиток и, взяв за руку, ввела через угловую террасу в дом, показавшийся мне безлюдным.

Боже мой, какими глупостями занимался я в эти страшные дни, быть может, на пороге смерти, когда вокруг бушевала мировая война... А мне даже и в голову не приходило, что завтра меня, может быть, уже убьют на позициях нового румынского фронта, и отец, сняв пенсне, будет плакать над ровковым извещением, и брат мой, гимназист Женя, придет в гимназию с траурным крепом на рукаве...

В большой низкой комнате, обставленной по-мещански, с рукодельным шерстяным ковром на стене, стояли друг против друга две кровати под вышитыми покрывалами.

Я привлек к себе девушку и, не теряя золотого времени, сделал попытку ее поцеловать, но она вежливо отвернулась и, таинственно прижав пальчик к губам, сказала на своем странном языке нечто, понятное мною как просьба не торопиться. Она показала мне на одну из кроватей. Я понял, что эта кровать предназначается мне. Затем она снова вывела меня на улицу и показала знаками, что когда настанет ночь и взойдет луна, она придет ко мне в этот дом, заставила меня запомнить номер, написанный на воротах, и быстро ушла, оставив меня одного.

В ожидании ночи я стал бродить по Чернаводам, напоминаям скорее большое село, чем город.

Наконец настала ночь.

Я нашел знакомые ворота, пробрался в палисадник и через сени, стараясь не скрипеть сапогами, вошел в комнату.

Сначала, не зажигая огня, я долго сидел впотмах на подвернувшемся мне стуле, нетерпеливо ожидая появления девушки, но потом лег на кровать и решил немного вздремнуть, свесив наружу ноги в сапогах, чтобы не запачкать покрывала.

Но, как известно, стоит только солдату прилечь, как он тут же и заснет крепчайшим сном.

Я проснулся среди ночи. Яркая луна изо всех сил светила в окошки с кружевными занавесками. Где-то лаяли собаки. Черные тени деревьев виднелись в окнах.

Придя в себя после сна, крепкого, как обморок, я вдруг вспомнил про девушку, прислушался и услышал дыхание на противоположной кровати.

Я понял, что, пока я дрыхнул, пришла девушка и, не желая меня будить, прилегла на

свободную кровать. Я прислушался к ее ровному дыханию, и кровь закипела во мне.

Скинув сапоги, я приблизился к ее кровати вкрадчивой походкой графа Нулина. Протянув в потемках руку, я тронул похолодевшими пальцами укрытое одеялом плечо. Девушка не пошевелилась. Я потряс ее плечо посильнее.

Она пошевелилась, раздался глухой грубый кашель, мычание, чья-то рука потянулась к стулу, на котором стоял подсвечник, чиркнула серная спичка, и при свете загоревшейся свечи я увидел громадного, как медведь, мужчину с лицом разбойника и иссиня-черной, вьющейся, как ежевика, бородой.

Разбойник посмотрел на меня с добродушной улыбкой и произнес несколько слов, из которых я понял лишь:

«Рус, молодец. Надо спать».

При этом он показал волосатой рукой на мою кровать, задул свечу и тут же страшным образом захрапел.

Испуганный до смерти, я отступил к своему ложу, положил на всякий случай под подушку заряженный наган, вынул его из кобуры, и решил больше не спать, так как был уверен, что меня заманили в разбойничий притон и собираются ограбить и убить. Я проклинал себя за легкомысленное знакомство и со страхом прислушивался к несомненно притворному храпу разбойника.

Однако сон сморил меня, я опять крепко заснул, сунув руку под подушку, а когда открыл глаза, то увидел, что уже совсем рассвело, в комнате никого, кроме меня, нет, а на комод, покрытом вязаной попонкой и уставленном какими-то гипсовыми фигурками и морскими раковинами, стоит глиняный кувшин с молоком, покрытый большим ломтем желтого пшеничного хлеба с примесью кукурузной муки.

Хотя я чувствовал себя обманутым и обиженным, но голод не тетка, и я быстро опустошил кувшин с холодным, жирным молоком, заев его удивительно вкусным хлебом.

...На дворе уже кричали третьи петухи...

Я обулся, сунул руки в ямки своего ранца, надел его на спину и, отбиваясь ногами от преследующей меня дворовой собаки, спущенной на ночь с цепи, вышел за калитку.

Каково же было мое удивление, когда у ворот я увидел свою девушку и услышал ее странный голос, желавший мне на своем русинском языке доброго утра. Рукой она показывала в сторону железнодорожной станции. Я понял, что она боится, как бы я не опоздал на поезд.

Она довела меня до станции. Мы поспели как раз вовремя: через пять минут маленький румынский поезд с вагонами на европейский лад (множество дверей, выходящих из купе прямо на платформу) дал свисток и тронулся в путь.

Я смотрел в окно вагона на девушку, которая посылала мне прощальные поцелуи, махала накрахмаленным платочком и крестила меня своей худенькой, цыплячьей ручкой.

— Храни тебя бог!..

...или нечто вроде этого крикнула она вслед моему уходящему поезду...

Тут я наконец понял, что произошло: добрая молоденькая русинка, увидев на станции одинокого русского военного, отправляющегося на позиции и не имеющего крова, решила отвести его в знакомый дом, где бы он мог переночевать по-человечески.

Это было традиционное внимание к солдату, союзнику, другу, защитнику отечества.

Я ехал в купе румынского пассажирского узкоколейного поезда. Меня окружали румыны в фетровых шляпах, в бараньих жилетах — пассажиры, едущие в Меджидие. Некоторые читали румынские газеты, громко обсуждали начавшиеся военные действия и закусьвали, доставая еду из дорожных корзинок.

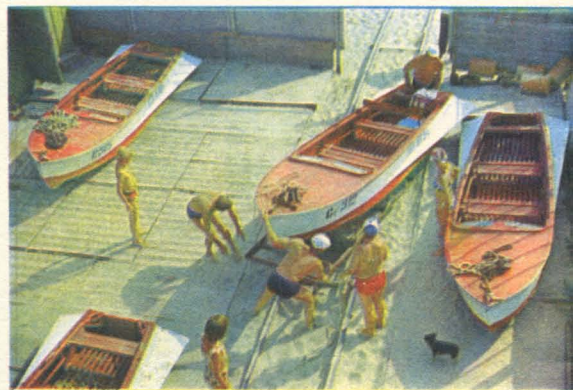
Т. ЯБЛОНСКАЯ.
УТРО.

ВЗАИМНОСТЬ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР УСЛОВИЙ ТРУДА И ОТДЫХА ЖЕНЩИН

- Маляр Аня Илькив.
- Со смены.
- Заводская база отдыха. Семейный экипаж готовится к плаванию.
- Пока мама на работе... Для ребятшек корабелов завод построил прекрасные, светлые детские садики.

Фото Д. Ухтомского.

В прошлом году вместе с группой журналистов мне довелось побывать во Франции. Поездка совпала с традиционным праздником коммунистической газеты «Юманите». В пригородном лесу собрались тысячи французов и француженок. Было много встреч, бесед с рабочими, студентами, домохозяйками. Они интересовались жизнью в СССР, экономикой, искусством.

Особенно запомнилась беседа с работницами города Малакоффа. Узнав, что я из «Работницы», француженки обступили меня. Засыпали вопросами.

Рассказала я им о жизни советских женщин, о том, что для большинства моих соотечественниц необходимое условие счастья — работа. Работа на заводе, на стройке, в учреждении. Мы просто-напросто так воспитаны всем нашим строем, что не можем ограничить круг своих интересов и забот семейным мирком. Да и ребята, подрастая, привыкают гордиться трудовыми успехами матерей, перенимают у них то, что называется «общественной жилкой» (в этом месте переводчик помолчал, подбирая наиболее адекватное выражение по-французски, а когда перевел, женщины заулыбались, закивали). Наши женщины, объясняя я француженкам, отлично понимают, что это взаимосвязано: их успехи на производстве и повышение уровня жизни всего народа.

Этот разговор припомнился мне на Черноморском судостроительном заводе в городе Николаеве. Здесь буквально на каждом шагу видишь и чувствуешь, как неразрывна, неразсторжима эта связь: интересы производства и забота о здоровье, об условиях жизни, о настроении рабочего человека.

Завод громадный. Выпускает он суда для оснащения советского тралового и торгового флота. В те дни, когда я была у черноморцев, весь коллектив напряженно работал, стремясь досрочно выполнить пятилетку. Многие работницы завода обратились выполнить личные пятилетки к открытию Всемирного конгресса женщин — к 24 октября. Это обязательство было принято на торжественном слете женщин 8 марта. И уже к 1 августа 100 передовых тружениц завода рапортовали: пятилетнее задание перекрыто.

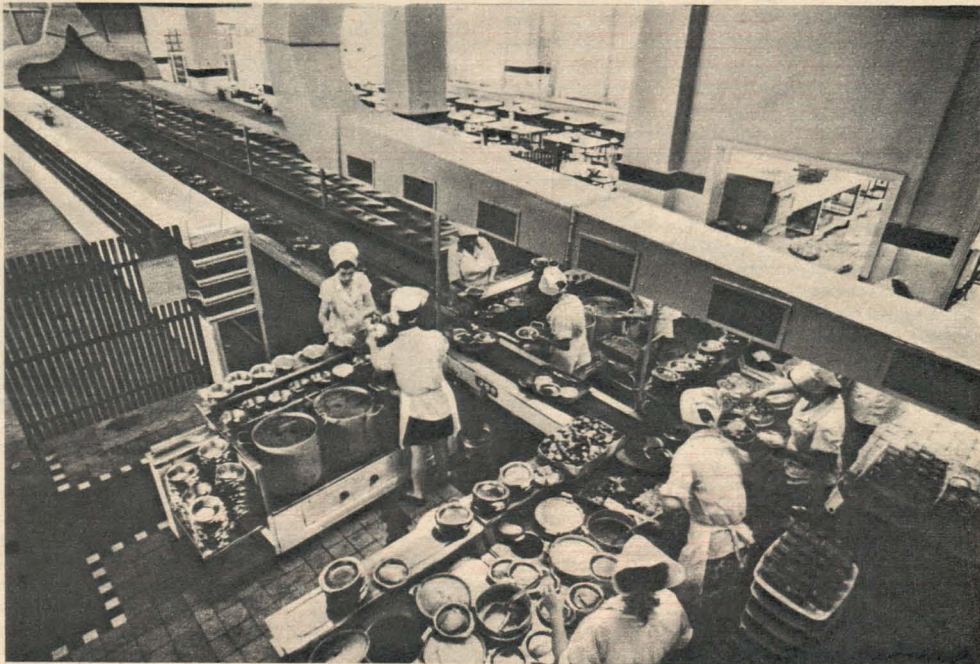
Меня познакомили с заводским планом социального развития, принятым в 1970 году. С удовлетворением отмечаешь, какое большое место отведено в нем заботе о работниках. Было намечено построить новые, благоустроенные бытовки в цехах, где работают преимущественно женщины, запланировано строительство различных бытовых и торговых точек на территории предприятия, возведение целого комплекса оздоровительных учреждений и баз отдыха.

Прошло пять лет, и наметки плана стали явью.

Любят судостроители свой Дворец.

В столовой все готово к обеду.

РАЗРЯДЫ НА БУМАГЕ

— Поздняков говорит, нечего жаловаться, все равно до восемнадцати лет будете по второму разряду работать. А я с третьим пришла. Разве есть такой закон, чтобы разряды снижать?

Люба оглядела просторный кабинет председателя завкома. Это из-за нее собралось здесь едва ли не все заводское начальство, из-за нее приехал корреспондент. Настороженно и насмешливо смотрит сейчас на Любу бывший начальник строительной группы отдела капитального строительства завода В. В. Поздняков, обидяюще улыбается преподаватель из ПТУ, которую она окончила, а рядом — посерьезневшие, гото-

вые в любую минуту прийти на помощь подруги.

...Люба Холичева пришла на Старокраматорский машиностроительный завод имени Серго Орджоникидзе с новеньким удостоверением, свидетельствующим о том, что отныне она маляр III разряда. А через два года Люба написала письмо в редакцию: «Помогите вернуть третий разряд».

— Неправда, — сказал мне начальник отдела кадров завода Г. Е. Щербак. — Выпускники ПТУ работают по тем разрядам, которые были присвоены комиссией в ПТУ. Можете убедиться сами.

...Люба отложила лопату, выбралась из траншеи.

— Здравствуйте, вы из «Работницы»? Я сразу догадалась.

Рядом с Любой рыли землю еще семь девчат.

Поймав мой удивленный взгляд, Люба рассмеялась:

— Мы все маляры, но на малярке уже полгода не были. Сегодня траншею роем, вчера цемент носили...

Есть статья в Кодексе законов о труде, обязывающая руководителей предприятий предоставлять молодым рабочим, выпускникам ПТУ, работу по специальности. В Краматорске законодательство нарушается. Почему? Объясняют это на заводе с легкостью: нет фронта малярных работ. И действительно, с ремонтом подшефной школы вполне

справляются 7 человек, а в ОКСе 18 маляров. Зачем же в этом году завод просит у ПТУ еще 10 выпускников? Значит, торжественно пожимая руки выпускникам училища, представители завода хорошо знают, что станут ребята разнорабочими.

Алла Сытник окончила ПТУ с отличием, получила четвертый разряд. Но на заводе ее ждало то же, что и Любу Холичеву. До 18 лет — второй, сейчас (Алле уже 21 год) — третий разряд. О том, что Алла работает не по присвоенному разряду, знают и в бухгалтерии ОКСа. Однако в бухгалтерских ведомостях против фамилии Сытник четко и аккуратно записано — «IV разряд». Как, впро-

Сегодня члены женсовета пришли в детский сад.

Причесаться? Пожалуйста! Парикмахерская рядом с цехом.

Меня водила по цехам и участкам Мария Захаровна Кострома, которая вот уже на протяжении 10 лет бессменно возглавляет заводской женсовет. Ветеран завода, Мария Захаровна выросла в семье судостроителей. И понятно, почему ее так кровно волнует все, что происходит на предприятии, почему с такой гордостью демонстрирует она новшества. Удобные бытовки с отдельными гардеробами для спецодежды и для той, которую надевают после смены («Ведь нынче идут на завод разодетые, как на праздник», — пояснила Кострома). Мы заходили в красивые и опрятные залы столовых, где рабочие могут поесть не только вкусно и разнообразно, но и быстро, за считанные минуты. Нажмешь кнопку — и как в сказке «скатерть-самобранка»: раздача на конвейере, обед из трех блюд к тебе движется. Последнее достижение инженерной мысли! Вторую половину обеденного перерыва можешь провести в библиотеке или подышать свежим воздухом под раскидистым деревом.

Не хочешь идти в столовую, можно перекусить в специальном помещении для отдыха, в «домашней чайной», как ее называют. Здесь уютно, негромко шумит титан, установлены холодильники, где работницы оставляют свой завтрак, продукты, закупленные для дома. А купить все необходимое можно прямо на территории завода, где много палаток, киосков, лотков с полуфабрикатами, овощами, фруктами. На мой взгляд, любая из работающих женщин с превеликим удовольствием отказалась бы от вечернего «марафона» по магазинам. Очень хочется, чтобы опыт Черноморского судостроительного, опыт других передовых предприятий, где думают об экономии свобод-

Дом быта при заводе — большое удобство и экономия времени.

ного времени работниц, побыстрее перенимался. Думаете, николаевским общественникам не пришлось проявлять настоящую боевитость и

настойчивость? Сейчас демонстрируют итоги, а сколько за каждым новшеством усилий Марии Федоровны Бязыровой, возглавляющей в женсовете производственный сектор, или Веры Федоровны Бабенко, или Марии Петровны Федченко... Да разве перечислишь всех! Активисток на заводе сотни: это и инженеры, и техники, и электросварщицы, и маляры. Все те, для кого завод стал родным домом и кто по праву хозяйки хочет навести в доме настоящий порядок.

Мне приходилось бывать и прежде в заводских поликлиниках и профилакториях. И все-таки сравнение в пользу черноморцев: без преувеличения можно сказать, что здоровье каждой женщины — под неустанным контролем врачей. Обследование поставлено на научную основу: несколько лет назад на завод пригласили ученых из Харьковского научно-исследовательского института гигиены труда и профзаболеваний. Многие рекомендации ученых учитываются. К примеру, за последнее время улучшены условия труда 400 женщин — маляров и газосварщиц, 160 женщин освобождено от тяжелых работ; их обучают новым профессиям, сохраняя прежний средний заработок в течение 3 месяцев. Женщинам-малярам запрещена работа с некоторыми видами красок и растворителей.

А как важен для здоровья хорошо проведенный отпуск! У завода прекрасный дом отдыха в Мисхоре, на базе отдыха «Черноморец» можно провести отпуск всей семьей, с ребяташками.

Одним словом, у рабочих и предприятия — полнейшая взаимность.

А. СТОЯКИНА

чем, против фамилии Холичевой — «III разряд».

Итак, разряды существуют только на бумаге. А пытался ли кто добиться, чтобы на заводе их принимали всерьез? Может, училище, которое эти разряды присвоило? В ПТУ знают, как нелегко приходится порой их выпускникам. Знают, но молчат. Как, впрочем, и в Донецком областном управлении профтехобразования, куда я зашла еще по пути в Краматорск.

Дальнейшая судьба выпускников ПТУ не слишком волнует областное управление: их обучили, выдали удостоверения и — в добрый путь! А насколько он будет добрым — дело уже других людей, других организаций. В данном случае такой «другой организацией» стал Старокраматорский машиностроительный.

...Вместе с председателем заводского комитета профсоюза Л. Д. Ворошко мы решали, кого же пригласить завтра в завком. Список стремительно разрастался: представители администрации, начальник отдела техники безопасности, юрист, председатель женсовета, секретарь комсомольской организации, члены смотровой комиссии... Оказывается, не так уж мало защитников могло бы быть у Любы Холичевой и ее подруг. Не так уж мало на заводе людей, которые в силу своих служебных и общественных обязанностей должны решать вопросы охраны труда женщин. Как же получилось, что девушки остались наедине с несправедливостью?

По очереди вставали работницы: Алла Сытник, Валя Сосновских — выпускница того же ПТУ,

Шура Гриджук. По очереди рассказывали о том, что работают не по специальности, о грубости мастеров, о непорядках в оплате труда.

Двадцать человек собрались в кабинете председателя завкома. Слушали, качали головами, возмущались, негодовали. Равнодушных сейчас не было. А раньше?

Ни разу не приходили в ОКС ребята из заводского комитета комсомола, ни разу не заглянули к малярам-разнорабочим активистки женсовета.

Они — строители, мы — заводские. У них своя специфика, ОКС — организация почти самостоятельная, говорили мне на заводе. Но в путевках, выданных девочкам в ПТУ, значилось: Старокраматорский машиностроительный. Здесь их первое рабочее место. Здесь начинается их трудовая био-

графия. И за то, каким будет это начало, в ответе не только ОКС — весь завод.

Последний разговор на заводе — в кабинете директора Р. М. Лядова. — Вину свою отрицать не станем, будем исправлять, — сказал он.

Я уже знала, что меры принимаются. И все-таки стояла перед глазами фигурка Вали Сосновских, которая в самом конце совещания, когда все уже спрятали авторучки и сложили блокноты, снова подняла руку: — Можно подать заявление об уходе?

И очень хотелось, чтобы осталась она в ОКСе не только потому, что после ПТУ не отработала еще два года, а потому, что нашла для нее здесь интересная работа по ее квалификации.

И. ЖУРАВСКАЯ

НОВЫЕ ЛЬГОТЫ ИНВАЛИДАМ ВОЙНЫ И СЕМЬЯМ ПОГИБШИХ ВОИНОВ

Новым важным шагом в улучшении материального положения инвалидов войны и семей погибших военнослужащих являются решения ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, принятые в связи с 30-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этими решениями инвалидам войны и семьям погибших военнослужащих с 1 мая нынешнего года установлены дополнительные льготы и преимущества. Вновь повышены минимальные размеры пенсий по случаю потери кормильца семьям погибших военнослужащих с одним нетрудоспособным членом семьи. Теперь семья военнослужащего рядового состава срочной службы получает пенсию в размере не менее 33 рублей в месяц (проживающие в сельской местности и связанные с сельским хозяйством — 28 руб.). Семьям военнослужащих сержантского и старшинского состава, ефрейторов и старших матросов срочной службы этот минимум увеличивается на 10 процентов.

Особая льгота установлена для родителей погибших военнослужащих. Как известно, одним из обязательных условий назначения пенсии по случаю потери кормильца был факт нахождения лица на иждивении кормильца. Теперь родители, дети которых погибли на фронте, имеют право на пенсию по случаю потери кормильца независимо от того, находились ли они на иждивении погибших детей. Необходимо заметить, что к числу погибших на фронте относятся и те, кто умер впоследствии от ранения, контузии или увечья, полученного на фронте, даже если смерть наступила после прекращения военной службы, а также в послевоенное время.

Эта льгота распространяется и на родителей партизан и других граждан, которые приравнены по пенсионному обеспечению к военнослужащим.

Правом на такой вид пенсии могут воспользоваться и те родители погибших военнослужащих, которые в настоящее время получают пенсию по другому основанию, но в меньшем размере. Например, мать погибшего военнослужащего, получающая пенсию по старости в соответствии с Законом о пенсиях и пособиях членам колхозов в минимальном размере, вправе перейти на пенсию за погибшего сына. С переходом на пенсию за погибших детей родители приобретают право на льготы, установленные для семей погибших военнослужащих.

Для назначения пенсии родителям, не находившимся на иждивении детей, погибших на фронте, достаточно предъявления документа, выданного военным комиссариатом, воинской частью, госпиталем или иным военным учреждением, которым удостоверяется факт смерти (гибели), дата и причина смерти военнослужащего, либо документа о безвестном отсутствии, поскольку семья военнослужащих, пропавших без вести в период военных действий, приравниваются к семьям погибших военнослужащих. В случае наступления смерти после увольнения с военной службы факт смерти подтверждается свидетельством, выданным органами загса.

По действующим правилам за одного кормильца не может быть назначено несколько пенсий. Вместе с тем в случае смерти нескольких кормильцев разным членам семьи могут назначаться пенсии за каждого из кормильцев. Поэтому отцу и матери, если у них погибли двое или более де-

тей, могут быть назначены две отдельные пенсии.

Льгота в пенсионном обеспечении установлена также для членов семей инвалидов войны I группы, вынужденных оставить работу в связи с уходом за инвалидом. Время ухода за инвалидом, в том числе и до 1 мая 1975 года, засчитывается в трудовой стаж при определении права на пенсию члена его семьи независимо от родственных отношений, но при условии совместного проживания и фактического ухода за инвалидом.

Данная льгота установлена не только для рабочих и служащих, но и для членов колхозов, причем не имеет значения, о каком виде пенсии для члена семьи инвалида (по старости или по инвалидности) идет речь.

Решение о зачете в стаж времени ухода за инвалидом принимает исполнительный комитет районного (городского) Совета депутатов трудящихся, а заявление об установлении периода ухода за инвалидом подается в районный (городской) отдел социального обеспечения по месту жительства инвалида войны. В случае смерти инвалида, а также в случае, когда член семьи, ранее ухаживавший за инвалидом, в настоящее время проживает раздельно с ним, заявление подается в отдел социального обеспечения по месту жительства указанного члена семьи.

Новая льгота установлена для инвалидов войны III группы, продолжающих работать в народном хозяйстве. Тем инвалидам войны III группы, у которых сумма пенсии и заработка не превышает 300 рублей в месяц, пенсия выплачивается в полном размере. Если же пенсия и заработок превышают указанную сумму, размер выплачиваемой пенсии соответственно снижается. Но во всех случаях инвалидам войны III группы выплачивается установленный минимальный размер пенсии 33—45 рублей в месяц.

Инвалиды войны III группы, состоящие членами колхоза, получают пенсию в полном размере, независимо от доходов, получаемых за работу в колхозе.

Следует иметь в виду, что по изложенным выше правилам инвалидам войны III группы выплачивается только пенсия по инвалидности. Пенсии, назначенные по другим основаниям, например, по старости, за выслугу лет, выплачиваются им в порядке, установленном для выплаты соответствующих видов пенсий. Что касается инвалидов войны I и II групп, то как ранее, так и теперь пенсия по инвалидности выплачивается им независимо от заработка или другого вида дохода.

Улучшение материального положения инвалидов войны и семей погибших военнослужащих обеспечивается и другими дополнительными льготами и преимуществами.

С 1 мая 1975 года жилая площадь, занимаемая инвалидами войны I и II групп и совместно проживающими с ними членами их семей, а также семьями, получающими пенсии за погибших военнослужащих, оплачивается в размере 50 процентов ставок квартирной платы, определенных для рабочих и служащих. Эта скидка касается размера квартплаты в пределах норм жилой площади, установленных действующим законодательством. Если занимаемая жилая площадь превышает эти нормы, то излишки в пределах до 15 квадратных метров оплачиваются без скидки, но не в тройном размере (как по общему правилу), а в одинарном. Предоставляется также скидка в размере 50 процен-

тов с платы за пользование отоплением, водопроводом, газом и электроэнергией.

Перечисленные выше льготы по оплате жилой площади и коммунальных услуг предоставляются независимо от того, кто из членов семьи является ответственным квартиросъемщиком. В домах, принадлежащих гражданам на правах личной собственности, в жилищно-строительных кооперативах в льготном порядке оплачиваются только коммунальные услуги.

С 1 мая изменен порядок обеспечения инвалидов войны транспортными средствами. Теперь при наличии медицинских показаний, дающих право на получение мотоколяски, инвалиды войны обеспечиваются автомобилями «Запорожец» с ручным управлением (если у инвалида с тяжелыми поражениями нижних конечностей нет сопутствующих заболеваний или дефектов, препятствующих вождению автомобиля). Те, кому вождение автомобиля противопоказано, но разрешено управление мотоколяской, по-прежнему обеспечиваются мотоколясками.

Расширены для инвалидов войны и льготы по проезду на общественном транспорте. Все инвалиды войны получили право бесплатного проезда на городском пассажирском транспорте (за исключением такси). Следует заметить, что это право не ограничено местом проживания инвалидов войны. Они могут бесплатно пользоваться городским пассажирским транспортом в любом городе.

В сельской местности инвалиды войны имеют право бесплатного проезда на автомобильном транспорте общего пользования (кроме такси) в пределах того административного района, где проживают.

Инвалиды войны имеют право преимущественного обслуживания в амбулаторно-поликлинических учреждениях, а те, кто нуждается в санаторно-курортном лечении, обеспечиваются санаторными путевками в первую очередь. С 1 мая нынешнего года установлена дополнительная льгота: лекарства по рецептам врачей отпускаются инвалидам войны бесплатно.

Необходимо отметить: все перечисленные выше льготы предоставляются бывшим военнослужащим, которые стали инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте как в период Великой Отечественной войны, так и в период других военных действий (например, в период войны с белофиннами в 1939—1940 годах), а также при исполнении обязанностей военной службы в мирное время.

Льготами пользуются также партизаны гражданской и Великой Отечественной войн, инвалиды из числа лиц начальствующего и рядового состава органов Министерства внутренних дел СССР, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при исполнении служебных обязанностей.

Эти льготы распространяются и на некоторые категории рабочих и служащих, приравненных по пенсионному обеспечению к военнослужащим. К ним относятся, в частности, рабочие и служащие, которые стали инвалидами в связи с ранением, контузией, увечьем или заболеванием, полученными в период Великой Отечественной войны в районах военных действий, на прифронтовых участках железных дорог, на сооружениях оборонительных рубежей и на некоторых других работах.

Льготы, установленные для семей погибших военнослужащих, касаются и семей вышеуказанных категорий граждан.

Ю. ЛЮБЛИН,
заместитель начальника
отдела Госкомтруда

ПАМЯТНИК, КОТОРОГО НЕТ

Началось все... с перца. Да, с того самого перца, который сегодня стоит на нашем обеденном столе. В XV веке перчить свои кушанья могли лишь богачи, настолько дорого он стоил. Черный перец, кардамон, мускатный орех и другие пряности доставляли в Европу караваны из Индии. Сколько раз за время долгого пути купцам приходилось платить огромные пошлины, сколько раз ценный груз становился добычей разбойников. Конечно, лучше бы воспользоваться морским путем. В трюм погрузишь больше товаров, чем на полсотни верблюдов. Корабль, чьи паруса надувает ветер, опередит лучшего арабского скакуна. Но как дотянуть до Индии, в ту пору никто в Европе не знал.

Две тогдашние соперницы, крупные морские державы—Испания и Португалия—мечтали разбогатеть, захватив в свои руки торговлю с Индией. Мореплаватель Христофор Колумб предложил свои услуги Испании, обещая привезти из-за моря и пряности, и золото, и другие ценные индийские товары.

Перец Колумб привез. Правда, не тот, который от него ожидали: не индийский, а индийский, не черные горошины тропической лианы, а собранные с ветвей кустарника красные стручки, которые индейцы называли «ахи» и использовали вместо соли.

Колумб ошибся. Он причалил не к тому берегу, ступил не на ту землю, которую искал. Но эта ошибка сделала его имя бессмертным. На географической карте мира появился новый материк: Америка.

Вместе с красным перцем появилась в Европе и кукуруза. По мнению историков и экономистов, основами древних цивилизаций служили три растения: европейской—пшеница, азиатской—рис, а цивилизации майя, инков и ацтеков—кукуруза, которую индейцы называли священным маисом.

О маисе складывали песни и легенды. Ему посвящена одна из глав поэмы Лонгфелло «Песнь о Гайавате», блистательно переведенной на русский язык И. А. Буниным.

Это дышащий лесной свежестью, поэтический рассказ о детстве мальчика, называющего зверей и птиц своими братьями, о

строгой и чистой любви юноши, о мужестве вожды, который ради блага своего народа принял вызов на смертный бой с посланцем богов Мондамино. Человек победил. Самоотверженность Гайаваты избавила народ от голода. На могиле Мондамина выросло растение, чей зелено-желтый наряд напоминал одежды погибшего. Посланец богов возвратился на землю в новом, мирном обличье, превратившись в священный маис, знакомую нам всем кукурузу.

Многие индейские народы обожествляли растение, от которого зависело их благополучие. Ацтеки приносили первые початки нового урожая в жертву Шелонен—богине молодого маиса. В столице инков Куско каждый год в храме Солнца исполнялся священный танец. Танцоры то нагибались, то выпрямлялись, подражая движениям сеятелей.

Сеяли маис вручную: четыре-пять зерен в лунку, пробитую мотыгой. Домашних животных у индейцев не было, и удобрением служили головы дохлых рыб, выброшенных океаном. Для полива брали воду из оросительных каналов. Индейцы были и селекционерами. Почти каждая родовая община возделывала маис своего сорта. По величине зерен сорт Куско превосходил все древние индейские, как, кстати сказать, и все современные европейские сорта. Инки ценили крупные зерна потому, что ели их цельными, поджарив на огне. Ацтеки варили из зерен кашу «аттоли», суп из кукурузной пыльцы. А после прибытия в Европу зерна священного маиса легли под жернова, и появилась кукурузная мука, которой пользуемся мы и поныне.

Маис прижился в Европе легко и распространился прямо-таки с рекордной быстротой. «Индийская богиня» покорила пять континентов, став наряду с пшеницей и рисом кормилицей миллионов людей.

Раньше других народов, живущих на территории нашей страны, еще в XVII веке оценили кукурузу молдаване и грузины. Интересно, что грузины, так же, как и в древности ацтеки, уплотняли посевы кукурузы фасолью. Фасоль нуждается в таком соседстве—ее слабую стебля служит опорой мощному кукурузному стеблю. Старая дружба этих двух индейских растений сохранилась и в наше время, но соседка фасоли уже не та, что была. На початке древней индейской кукурузы было восемь вертикальных рядов с зернами, у современной этих рядов может быть в три раза больше. Современная кукуруза дает урожай богаче да и поспевает быстрее.

Сегодня золотой кукурузный пояс охватывает США, страну—рекордсменку по посевам кукурузы. В Европе на первом месте—Советский Союз.

Внимание селекционеров, заботы земледельцев, любовь потребителей заслужены кукурузой по праву. Чего только не делают из этого универсального растения: муку, крупу, консервы, конфеты—всего не перечтешь! Крахмалистая кукуруза—это хлеб, сахарная кукуруза—продукт, превосходящий другие овощи по питательности, калорийности и вкусу. Богатую белками, углеводами, аминокислотами и витаминами, сахарную кукурузу врачи включили в детский рацион. Пусть об этом знают матери и дают ребятишкам побольше продуктов из кукурузы, в том числе и всеми любимые кукурузные хлопья.

Кукурузный силос—огромное подспорье для животноводов. Без кукурузного сырья не обойтись целому ряду отраслей пищевой, строительной, химической, легкой промышленности, выпускающих кристаллическую глюкозу, декстрин, сахар, сиропы, этиловый спирт, бумагу, изоляционные прокладки, игрушки, шляпы и т. д.

...В немецком городке Оффенбурге стоит памятник сэру Фрэнсису Дрейку. За что же почтили потомки английского вице-адмирала, который прославился как пират, нападая на чужие корабли? За то ли, что он вторым после Магеллана совершил кругосветное путешествие? Нет. Надпись на покое, опоясанном двойными гирляндами из клубней картофеля, гласит, что «миллионы людей благословляют бессмертную память» того, кто первым привез в Европу картофель. Но привезти не трудно, было бы что привезти! Кстати, ученые утверждают, что картофель продавали в Мадриде еще до того, как Дрейк посетил Чили и Перу. И если уж ставить памятник, то земледельцу, первому сеятелю, неизвестному индейцу, благодаря которому мы получили такие ценные культуры, как картофель, тыква, томаты. Пусть эти растения украсили бы цоколь памятника, а в руках бронзовый индеец держал бы священный маис, несущий народам здоровье и изобилие, великолепное растение, за которое вечно признательно ему человечество.

Н. НАДЕЖДИНА

Хозяйке на заметку

● Початки кукурузы варите с листьями, срезав только основание. Солите в самом конце варки.

● Хранить кукурузу лучше в початках. Очищенная кукуруза меняет цвет, поэтому чистят ее непосредственно перед готовкой.

● После варки сразу же откиньте кукурузу на дуршлаг, иначе она ста-

нет менее вкусной, да и содержание витаминов уменьшится.

● Консервированную кукурузу подогревайте вместе с отваром, а потом слейте отвар.

● Чтобы приготовить из кукурузы кашу, замочите стакан кукурузной крупы в двух стаканах холодной воды. Часа через два добавьте еще стакан воды и варите до готовности.

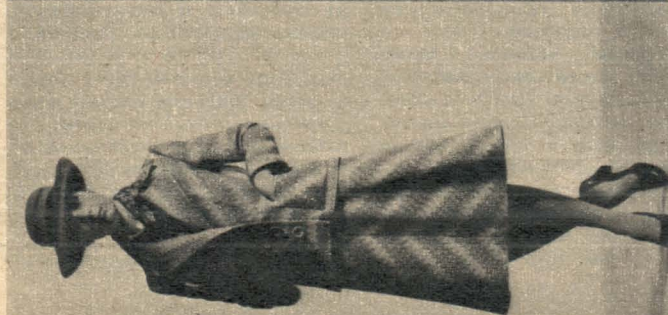
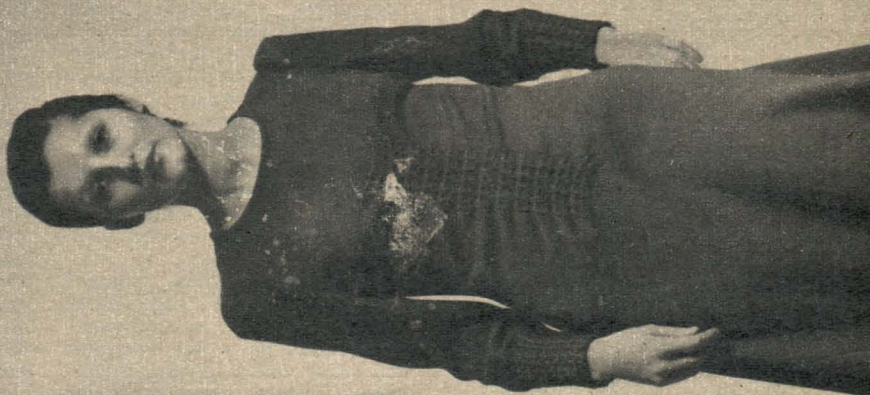
● Кусочек масла, положенный во время варки, придает каше нежный вкус.

● Соль в кашу кладите сразу, пока крупа не разварилась.

● Измельченные кукурузные хлопья используют вместо панировочных сухарей. Можно приготовить из них и соус к мясу и рыбе, для этого смешать с маслом и поджарить.

«ЖУРНАЛ МОД» ПРЕДЛАГАЕТ

Модели художников В. Зайцева,
Ю. Денисовой, Г. Гагариной, Е. Ивановой,
Е. Стерлиговой, Л. Оносовской
(ОДМО).
Оформление А. Донской

Мода-это мы

Есть ли что-то общее между роскошным коронационным одеянием Наполеона и разукрашенной мохнатой шкурой, наброшенной на плечи вождя первобытного племени? Есть, и очень существенное: стремление владельцев одежды подчеркнуть свое могущество, свое отличие от прочих смертных. Необычная одежда была одним из способов утверждения собственного престижа.

Как только люди стали что-то на себя надевать — а это случилось, как считают ученые, на рубеже палеолита и неолита, — одежда вместе с основной задачей (защитить от холода) приобрела и «сверхзадачу»: стала показателем общественного положения владельца. Вождь племени из-за своего богатства, а храбрый воин или охотник благодаря силе и доблести могли позволить себе носить одежду и украшения, которые для большинства были недоступны. Золото и драгоценности, воинские трофеи, диковинки, привезенные издалека, — все выделяло привилегированных особ среди остальных.

Шло время. Острее становились социальные конфликты, глубже пропасти, разделяющие слои общества, и все заметнее различия между одеждой свободных и рабов, феодалов и крепостных, королей и их подданных. Культ костюма — символа престижа — поддерживали владыки всех времен и народов. В этом они были удивительно единодушными.

Многовековая история костюма изобилует всевозможными запрещениями и ограничениями. Неравенство социального положения определяло неравные права на различную одежду. Строго оговаривались не только покрой, цвет, ткань одежды, но и обувь, украшения, прически. Запреты существовали в Древнем Риме и во Франции Наполеона, в империи инков и в Японии XX века.

Сейчас нам покажутся, мало сказать странными, подчас чудовищными средства, заставляющие соблюдать ограничения моды, оговоренные законом. Например, в Италии в городе Модене в 1327 году на городской площади был установлен камень, по которому жители определяли законную длину дамского шлейфа. В Венеции в 1514 году создали специальную службу надзора за одеждой, и на все проверенные «правильные» костюмы ставилась печать. Нарушители законов в лучшем случае отделялись конфискацией крамольного

платья, но бывало, что лишались и жизни. В 1625 году в Англии, например, были повешены мужчина, украсивший ботинки золотом, и женщина, чьи туфли завязывались золотыми шнурками.

В средние века, во времена феодальной раздробленности Европы, каждый сеньор хотел превзойти соседа не только могуществом, но и роскошью своего костюма. В соперничестве доходили до абсурда. Некоторые щеголи носили обувь, острый нос которой имел длину до 24 дюймов, то есть более полуметра. Его приходилось поддерживать специальной арматурой из китового уса и привязывать к ноге цепочкой. Подобным же образом украшались и рыцарские одежды. Понятно, что на поле боя такой рыцарь не отличался поворотливостью, поэтому Карл V и папа Урбан V были вынуждены издать законы, запрещающие столь неудобное щегольство. Другой закон ограничивал количество ткани на брюки 12—14 локтями. Этот закон был вызван тем, что кичливые немецкие феодалы носили штаны, на которые расходовали по 130 локтей ткани. Про владельцев таких дорогих штанов говорили, что такой-то носит на себе семь деревень или столько-то виноградников.

Даже коронованные особы не были застрахованы от посягательств соперников, желающих затмить их великолепием одежды.

Супруга Людовика XIV настаивала на издании закона, ограничивающего длину шлейфов. Ей разрешалось носить платье со шлейфом длиной 10 метров 70 сантиметров, принцессам, дочерям короля — 7 метров, прочим принцессам — 5, герцогиням — 3.

Чиновники, составляющие законы и указы, регламентирующие моду, отличались редкой дотошностью, вникая во все мелочи. Указ Таллинского магистрата от 1524 года, например, устанавливал точный вес женских украшений из драгоценных металлов: для жен купцов первой гильдии — два фунта, для других — полтора фунта. Даже штраф за нарушения был неодинаковым для представителей различных сословий.

Женщинам особенно много пришлось сражаться за свободу в выборе костюма. Яростнее всего борьба шла вокруг... брюк. Дело в том, что уже в очень давние времена мужской костюм казался женщинам символом независимости и свободы, и отстаивать право носить его значило куда больше, чем просто выиграть

очередной модный спор. Видимо, это понимали все, иначе женские брюки не были бы опутаны такой густой сетью предрассудков, запретов, насмешек и ограничений.

Еще один из первых римских цезарей в 350 году до н. э. издал специальный закон, запрещающий женщинам одеваться, как мужчины. За тот же грех карали смертью древние инки. Эти запреты поддерживал уже в XIX веке парижский префект полиции. По его указу каждая женщина, желающая носить брюки, должна была явиться в префектуру, чтобы получить специальное разрешение. Такое разрешение получила в свое время Жорж Санд. В наши дни брюки носят без разрешения властей, хотя иные слишком строгие администраторы не одобряют брючных костюмов и даже запрещают появляться в них на работе. Традиции сильны...

А прически? Сейчас мы уговариваем своих лохматых сыновей и дочек постричься покороче. Раньше, наоборот, умоляли не стричься. Японская полиция уже в наш век принимала строжайшие меры против женщин, носивших короткие волосы. Незадолго до первой мировой войны полиция объявила этих женщин «политически опасными», и обществу по производству фильмов «Никкати» из Осаки пришлось даже уволить актрис и служащих, имеющих подобные прически.

Вы, конечно, заметили: говоря о взаимоотношениях моды и закона, мы все время приводим в пример богатых и высокопоставленных особ. Это не случайно. Именно их костюмы сохранили для нас историю моды. Народный костюм развивался совсем по иным законам. Вихри моды, бушевавшие во дворцах, не доходили до крестьянских хижин — там были другие заботы, другие представления о прекрасном. И о престижности одежды — тоже. Впрочем естественно, что искусная рукодельница, сумевшая на зависть подружкам сплести невиданной красоты кружево или украсившая свое приданое вышивкой, пользовалась особым уважением соседей, слыла хорошей хозяйкой и завидной невестой. Одежда отражала и имущественное положение своих владельцев, их достаток. Но сильнее всего в народном костюме были национальные традиции, именно они в конечном счете определяли и покрой одежды, и материал, и отделку, и украшения. Эти традиции держались долго, столетиями, во многом сохранившись и по сей день.

Современные западные теоре-

тики моды много пишут о ее демократичности — сегодня, мол, по костюму не отличишь миллионера от рабочего. Называют даже дату, когда мода освободилась от своей «сверхзадачи» — подчеркивания социального положения: 1789 год, год Великой Французской революции. Тогда при созыве Генеральных штатов монархисты стремились сохранить внешнее разделение сословий по одежде: духовенство должно было являться на заседания в шелковых мантиях и стихарях; дворянство — в кружевах и золотых галунах, в шляпах с плюмажем; депутатам же третьего сословия — простому люду — был предписан скромный черный костюм. В ответ на это Национальное собрание объявило об отмене всякой сословной одежды. Отныне каждый мог одеваться согласно своему вкусу и возможностям. Мода — по крайней мере официально — перестала быть средством закрепления социального превосходства, демонстрацией положения на ступеньках общественной лестницы. Официально, но не практически. В современном буржуазном мире по-прежнему существует мода для избранных: уникальное моделирование, продажа моделей в специальных магазинах по баснословным ценам, особо «престижные» меха и драгоценности. Однако основная ориентация — так велит экономика! — все же на массового потребителя. Мода на Западе — большой бизнес. Проводятся специальные исследования вкусов и потребностей людей, улавливаются малейшие изменения в спросе. Создается мода для всех, кто может покупать. Нельзя не отдать должное высокой культуре производства, мастерству художников, способности швейных предприятий мгновенно реагировать на все изменения конъюнктуры. Но ясно, что в основе западной моды один принцип: «Цель оправдывает средства», прибыль оправдывает все. Такие понятия, как практическая, целесообразность, наконец, воспитание эстетического вкуса, считаются несущественными. Уловив бунтарские настроения молодежи, английские предприниматели, например, создали специальные фирмы молодежной одежды, расположенные на Карнаби-стрит в Лондоне. Вы не хотите одеваться «буржуазно», как ваши родители? Хотите шокировать обывателей, демонстрировать свободу от власти вещей? Пожалуйста. Магазины предлагают самые живописные лохмотья, вылинявшие штаны и рубашки с заплатками и прорехами. На Карнаби-стрит существуют специальные машины, которые обычные брюки сделают «модными» — вылинявшими и жеваными. В них можно чувствовать себя «ультрасовременным» и независимым. Бизнес есть бизнес!

Мы относимся к моде спокойно и трезво. Право же, смешно становиться в позу угнетателей и

теснителей моды, яростно бороться против женских брюк и дотошно вымерять «приличную» длину юбок. История учит: все, что сегодня кажется дерзким и непривычным, завтра наденут даже ярые противники этих новшеств. Не лучше и позиция эдаких борцов за моду, без разбора принимающих все ее предложения, лишь бы только выделиться, привлечь к себе внимание. «Страдать» за моду вовсе не почетно — этому тоже учит история, гораздо похвальнее сбросить свой пыл и энергию для более полезных дел.

И хотя мы хорошо понимаем, что престиж человека, ценность его в глазах окружающих определяются куда более важными качествами, чем длина юбки и высота «платформы» на сапогах, есть еще, к сожалению, и среди нас чрезмерно озабоченные своей внешностью модницы и модники, для кого чуть ли не главной целью становится погоня за какой-нибудь тряпкой. На это не жалеют ни сил, ни времени, ни души. А что приобретают взамен? Как правило, самая лучшая вещь не делает своего хозяина ни красивее, ни счастливее.

Он даже не приобретет элгантности — это качество совсем не зависит от «дефицитности» одежды, оно в умении ориентироваться в предложениях моды, выбирая из них лишь то, что помогает проявить свою индивидуальность, свой стиль. Пожалуй, умение сделать выбор — самое главное в искусстве одеваться (в современном его понимании, без знака равенства между «красивым» и «престижным»).

Культура одежды — часть общей культуры человека, свидетельство того, насколько развит его вкус. И не нужно уверять себя и других, что выбор этот затруднен из-за отсутствия в магазинах нужных вещей, неповоротливости нашей швейной и обувной промышленности. Туфли или шляпа, которые мы купили в магазине, будь они самые наимоднейшие, — это лишь отдельные части всей одежды. Их еще надо соединить в единое целое. Вот тут и проявится вкус, умение сочетать цвета, формы, фактуры тканей, подбирать дополнения и украшения. Если бы все это умели — не появлялись бы нелепые сочетания хороших, но абсолютно не подходящих друг другу вещей. Но не перевелись сегодня и рукодельницы, умеющие внести в свою одежду неповторимые, индивидуальные детали и оттенки.

Мода — это мы. Те, кто шьет одежду, покупает ее, носит. Как бы ни было продумано, аргументировано то или иное предложение художников, если мы с вами его не примем, — мода умрет, не родившись. Поэтому моду нельзя навязать. Никогда еще никому не удалось ее запретить. Ее нужно понимать и правильно использовать.

А. ТАГИЕВА, искусствовед

Рисунки И. МИКОЯН.

К ПРАЗДНИЧНОМУ СТОЛУ

Наша Киевская ордена Трудового Красного Знамени фабрика имени К. Маркса уже много лет выпускает торты «Киевский» и «Крепцатик». Они пользуются неизменным спросом, нравятся покупателям. Мы получаем немало писем с просьбой рассказать о том, как приготовить

эти торты дома. С удовольствием выполняем эту просьбу на страницах журнала «Работница».

А. Саламатова,
заведующая центральной
лабораторией
фабрики

«Крепцатик»

Тонко измельченный сырой миндаль смешайте с сахарной пудрой, чтобы получилась однородная масса. Отдельно взбейте охлажденные яичные белки в стойкую, плотную пену. Затем соедините, осторожно перемешивая. Разделите эту массу на три части, разложите в виде круглых лепешек толщиной в 4—5 мм на смазанные сливочным маслом листы, разровняйте ножом и выпекайте 18—20 минут в духовке при температуре 210—215°C. Когда остынут — смажьте лепешки сливочным кремом, склейте, подравняйте, сверху смажьте шоколадным кремом, а остатками сливочного — украсьте. Обрезки теста измельчите и обсыпьте бока торта.

Для теста: 250 г миндального ореха, белки 7 яиц, 200 г сахарной пудры.

Для сливочного крема: 100 г сахарного песка, 150 г сливочного масла, 1 желток, четверть стакана молока, чайная ложка коньяка, ванилин.

Для шоколадного крема: 100 г масла, 2 столовых ложки какао-порошка, 0,5 г ванилина, остальные продукты те же.

Сахарный песок, яйца, молоко, постоянно помешивая, нагревайте, не давая возможности закипеть. Затем процедите, охладите. Сбивая крем, постепенно добавляйте эту массу к размягченному маслу. Крем нужно сбивать, пока не увеличится в объеме втрое.

Можно готовить оба крема вместе, а затем отделить часть и добавить порошок какао — получится шоколадный.

«Киевский»

Как можно аккуратнее отделите белки от желтков, дайте белкам постоять сутки при комнатной температуре и взбивайте их минут 20—25, чтобы объем увеличился в 4—5 раз. Когда белки превратятся в снежно-белую пышную пену, осторожно добавьте в нее измельченные жареные орехи «кешью», смешанные с сахаром и мукой. Перемешайте, чтобы получилась однородная масса. Немедленно, не давая осесть, разложите эту массу на выстланные пергаментной бумагой противнях — должны получиться две лепешки толщиной 6—7 мм, и выпекайте в духовке на медленном огне при температуре 110—120° два-два с половиной часа. Дайте остыть, затем снимите бумагу, смажьте лепешки сливочным кремом, сверху — шоколадным (слой толщиной 2—3 мм), украсьте узором из белого и розового (подкрашенного свекольным соком) крема и кусочками или фруктами из варенья.

Для лепешек: белки 10 яиц, стакан сахара, стакан измельченных жареных орехов, 3 столовые ложки муки, ванилин.

Для сливочного крема: $\frac{2}{3}$ стакана сахара, 150 г масла, 1 желток, полстакана молока, столовая ложка коньяка, ванилин.

Для шоколадного крема: $\frac{1}{3}$ стакана сахара, 70 г масла, желток, $\frac{1}{3}$ стакана молока, 2 столовые ложки какао, ванилин, 2 столовые ложки коньяка.

Готовят крем так же, как в предыдущем рецепте.

Расход продуктов дан для приготовления торта весом 1 кг.

ЛУЧ СВЕТА

К 125-летию Пелагеи Стрепетовой

Те, кто видел Стрепетову на сцене, утверждают: она отдавала зрителям всю себя. Всю без остатка.

«Играла она нервами,— вспоминает один из современников,— тратила столько сил, столько физического напряжения, что иногда расходовала себя на втором, на третьем акте и уже совсем разбитая заканчивала пьесу».

Эту способность жить чужой жизнью, передавать чужую боль как собственную она знала за собой с детства.

Как-то, совсем девчонкой, читая «Первую любовь» Тургенева и, как всегда, позабыв в этот момент обо всем на свете, она в то мгновение, когда отец героя ударил Зинаиду хлыстом по руке, почувствовала такую реальную, такую невыносимую боль, что поднесла собственную руку к губам и подула на «ушибленное» место.

Почти тогда же она и начала мечтать о театре. Она была мала ростом, нехороша собой, к тому же обнаружилось, что у нее еще и искривлен позвоночник. С такой внешностью—на сцену? И близкие противились этому как могли. А она была непреклонна. Больше того, ни минуты не сомневалась, что будет актрисой. И в этом смысле судьба была к ней милостива. Это, возможно, прозвучит парадоксально: назвать милостивой судьбу подкидыша, ребенка без роду и племени, подброшенного к дому не богатого купца, не щедрого мецената, а едва сводящего концы с концами нижегородского театрального парикмахера Антипа Стрепетова. Только случись все иначе, разве попала бы она в четырехлетнем возрасте в театр, а в семь лет разве сыграла бы свою первую роль на

настоящей сцене: роль мальчугана в какой-то малозначительной переводной пьесе? Но именно с этого, казалось бы, случайного эпизода театр стал для Стрепетовой мечтой, только здесь, по ее собственным словам, она «забыла себя и весь мир».

И все-таки путь к сцене мог бы затянуться на долгие годы, если бы не расстройство семейных дел. Антип Григорьевич запил, и жена, имевшая голос и сама некогда мечтавшая об опере, вынуждена была обратиться к своему старому знакомому—антрепренеру Смирнову с просьбой ввиду бедственного положения семьи принять ее на роль старух. В этом же письме она сообщала, что у нее есть дочь, готовая играть «все, что понадобится».

Так Пелагея Стрепетова стала актрисой. Ей было четырнадцать лет.

И начались скитания по российским провинциальным театрам: Рыбинск, Ярославль, снова Рыбинск и снова Ярославль, Симбирск, Самара, Муром, Владимир, Новгород, Саратов...

«Приходилось,— вспоминает об этом времени актриса,— жить впроголодь, перебиваться с хлеба на квас».

Впрочем, куда труднее было мириться с творческой неудовлетворенностью: репертуар убог, играть чаще всего приходится в дурно написанных мелодрамах.

К счастью, Стрепетова была упорна, трудолюбива, одержима беспокойством художника.

Требования ее к искусству всегда были необычайно высоки. Однажды в Кронштадте после неудачного, с ее точки зрения, спектакля в офицерском клубе был устроен ужин в «честь артистов и прессы». Едва

начались речи во славу «святого искусства», как поднялась Стрепетова:

«Бросьте! Не суесловьте! Никакого праздника святого искусства в этих кабацких стенах нет и не было. И сами вы пришли сюда... чтобы под благовидным предлогом лишнюю рюмку коньяка урезать...»

Она была резка и нетерпима. Ее не знающую границ искренность многие расценивали как жестокость. Особенно, не нравилось бесплодная прямота Стрепетовой тем, от кого зависело ее сценическое благополучие. Но они терпели. Терпели потому, что спектакли с участием молодой актрисы давали полные сборы.

«Торжеством сценического таланта» назвал рецензент ярославских «Губернских ведомостей» роль Софьи, исполненную Стрепетовой в модной мелодраме И. Самарина «Переменется—мука будет». Действительно, пятнадцатилетняя актриса, почти ребенок, с неожиданной, совсем не детской силой и страстностью сыграла драму отверженной любви.

А потом было множество других ролей. Среди них—Лиза в «Горе от ума», Беатриче в «Много шума из ничего», Офелия в «Гамлете», леди Мильфорд в «Коварстве и любви», Дуня в пьесе Островского «Не в свои сани не садись». И, наконец, Лизавета в «Горькой судьбине» Писемского и Катерина в «Грозе».

Роли эти стали событием не только в творческой жизни актрисы, но и в истории русского театра. Лизавета в исполнении Стрепетовой потрясла обнаженной, неприкрашенной правдой. Переезжая из города в город, переходя из театра в театр, актриса хорошо изучила голодное, измученное нуждой Поволжье. Она не просто сочувствовала женщине, которой нечем накормить ребенка, она страдала вместе с нею. Но и возмущалась. До глубины души возмущалась ее бесправием, униженной покорностью. Ее Лизавета—это прежде всего страстный протест против векового женского бесправия.

Лучом света в темном царстве назвал Добролюбов Катерину в «Грозе» Островского. Светом чистоты, искренности и гордого достоинства освещено было исполнение этой роли Стрепетовой. Не случайно сам Островский назвал ее лучшей в России Катериной. Никто до Стрепетовой не рассказывал со сцены с такой страстной правдивостью и искренней болью о судьбе заботливой и униженной русской женщины, сумевшей, несмотря ни на что, сохранить чистоту, душевную щедрость, подлинное величие духа.

Как всякий настоящий талант, актриса умела играть так, как не умел никто, но умела только то, что умела. У нее получались лишь те роли, в которых она могла быть предельно искренней. Она не могла изображать чужую жизнь, она должна была прожить ее.

Обличительному, истинно русскому таланту актрисы совсем не давались героини так называемого светского репертуара. В одной из таких ролей—роли обольстительницы и кокетки Лауретты в бездумной пьесе «Кошка-мышка»—Стрепетову увидел Глеб Успенский—и не поверил, что это та самая «знаменитая Стрепетова», которую он давно мечтал увидеть на сцене. А через несколько лет, потрясенный игрой Стрепетовой в другой пьесе, долго не мог понять, что это одна и та же актриса.

Стрепетова пришла на сцену вскоре после того, как реформой 1861 года было уничтожено в России крепостное право. И хотя, как сказал поэт:

Порвалась цепь великая,
Порвалась,—расскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..—

что-то все-таки переменялось в общественной жизни России. Достаточно сказать, что именно в эти годы в русской живописи появились передвижники, в музыке заявила о себе «могучая кучка», в поэзии зазвучал набатный голос Некрасова.

В это время растет и слава провинциальной актри-

На первой странице обложки: мастер стержневого участка цеха алюминиевого литья Минского моторного завода Татьяна Ивановна Штанюк. Как победитель в соревновании, она награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Фото Н. Маторина.

На четвертой странице обложки: Работы с художественной выставки «30 победных лет». В приложении к этому номеру: Советы тем, кто вяжет. Выкройки мужских рубашек.

<p>Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.</p> <p>Редакционная коллегия: А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА, Д. Т. КАРАСЕВА, Е. В. КОНОНЕНКО, М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА (зам. главного редактора), А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЗЛЬДАРОВА.</p>	<p>Сдано в набор 25/VIII-1975 г. А 10845. Подписано к печ. 16/IX-1975 г. Формат 60 X 90^{1/8}. Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 12 950 000 экз. (1-й завод: 1—11 204 950 экз.) Изд. № 2256. Заказ № 1086.</p>
<p>Адрес редакции: 101458, Москва, А-15, ГСП-4, Бумажный пр., 14.</p>	<p>Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП-4, улица «Правды», 24.</p>
<p>ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:</p> <p>промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропа- ганды—250-11-93; художественного оформле- ния—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией— 253-30-05.</p>	<p>Оформление художника Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.</p> <p>Технический редактор В. В. МАСЛЕННИКОВ.</p>

А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12

Н. ЯРОШЕНКО. ПОРТРЕТ П. А. СТРЕПЕТОВОЙ

(Государственная Третьяковская галерея).

сы Стрепетовой. Ее гастроли в Москве становятся сенсацией. Стрепетову рисует Репин. Ею восхищены Чайковский, Стасов, Тургенев...

Молодежь делает ее своим кумиром. О ней пишут газеты, о ней говорят на улицах. На спектакли с ее участием не пробиться. Лишь дирекция императорских театров остается глуха к восторгам зрителей: ее как раз больше всего страшит то, за что актрису ценит широкая публика,—демократизм.

И все-таки слава актрисы так велика, что ее приглашают в Петербург, в труппу Александринского театра.

Пелагея Стрепетова пришла в Александринский театр в 1881 году. Пришла со своей провинциальной славой и мечтой о настоящих ролях. Но ролей, о которых она так мечтала, для нее не оказалось. «Пьесы новые ставят ужасные,—жалуется актриса Островскому,—ролей хороших, вполне законченных нет для меня... Им хочется подвести меня под общий уровень посредственности или перевести на старух. Так или иначе, а стереть меня с лица театра...»

«Стрепетова,—подтверждает и сам Островский,—как будто лишняя, посторонняя... Особенно-сти ее таланта слишком исключительны в артистиче-

ском мире, пьесы, в которых она может показать лучшие стороны своего дарования, должны быть очень сильны и правдивы... Пьесы, ставшие классическими в русском репертуаре, которых исполнение... и сделало славу Стрепетовой, ставятся для нее с возмутительной небрежностью... во всех отношениях... и обставляются теми бездарностями, которых так много на петербургской сцене... и которые давно надоели публике...»

Стрепетова играет все реже. И Островский спешит помочь любимой актрисе. Он создает специально для нее роль Кручининой в комедии «Без вины виноватые».

«Благодарю Вас за прекрасное... исполнение новой роли,—пишет драматург актрисе после спектакля,—я давно твержу всем и каждому о Вашем великом таланте и очень рад, что моя новая пьеса для Вас сможет подтвердить истину моих слов». Но даже блистательно исполненная роль не помогла актрисе. Притеснения в театре продолжались.

«Меня гонят...—пишет она любимому драматургу и верному другу,—приезжайте и защитите меня, я совершенно одинока». И Островский полон решимости устроить перевод актрисы в Москву, в Малый театр, где с ним очень считаются. К несчастью, перевод актрисы в Москву не состоялся: Островский скончался буквально накануне осуществления своего плана. Стрепетова осталась без поддержки. Измученная бесконечными неприятностями, она обращается к директору императорских театров с заявлением, в котором пытается рассказать о своем положении в театре и даже предлагает несколько условий, которые могли бы это положение исправить.

Директор отвечает на это заявление приказом об увольнении.

Слух об увольнении любимой актрисы мгновенно распространяется по Петербургу, вызывая всеобщее возмущение.

...Прощальный спектакль (Стрепетова в этот вечер снова играла Кручининой) вылился в демонстрацию. Успех, по которому она истосковалась в последние годы, превзошел все ожидания. После окончания спектакля зрители бросились к сцене. Сквозь приветственный гул то и дело раздавались крики: «Не уходите, оставайтесь с нами!», «Спасибо за талант!», «Вон директора!», «Вы—наша!».

Испуганная дирекция вызвала в театр наряд полиции. Стрепетова уходила из театра буквально сквозь полицейский строй...

Через девять лет, которые актриса вновь провела в скитаниях по России, о ней вспомнили, пригласив в ту же Александринку. Встретили ее «так же, как и провожали,—громом рукоплесканий»,—сообщает корреспондент газеты «Сын Отечества».

А через полгода, 17 марта 1900 года, ей было вручено распоряжение, в котором сообщалось, что она может считать себя свободной от службы в театре.

Этим последним ударом фактически и закончилась творческая жизнь актрисы. Умерла она от рака 4 октября 1903 года. В день, который принято считать днем ее рождения...

...Портрет Стрепетовой, созданный другом и почитателем ее таланта Николаем Ярошенко, был написан задолго до окончания ее работы на столичной сцене. Но художник словно предчувствовал печальное будущее актрисы. И ее бесправное положение в театре и ее недолгую жизнь. Взгляните на это бледное лицо, на полные затаенной тоски глаза, на тонкие, беззащитные руки в оковах браслетов...

Впервые портрет этот появился на XII выставке передвижников.

«Господин Ярошенко,—писал один официальный критик об этой работе художника,—...изобразил фигуру, безвкусно одетую, с какими-то нелепыми отворотами воротника и рукавов...»

Безобразным называли портрет и многие другие критики. «Вы говорите: «это безобразно!»,—выступил в защиту Ярошенко художник Крамской,—и я понимаю, что вы ищите тут то, что вы видели иногда у Стрепетовой, делающее ее не только интересной, но и замечательно красивой и привлекательной. И, несмотря на то, я утверждаю, что портрет самый замечательный у Ярошенко, это в живописи то же, что в литературе портрет, написанный Достоевским... Когда мы все сойдем со сцены, то я решаюсь пророчествовать, что портрет Стрепетовой будет останавливать каждого. Всякий будет видеть, какой глубокий трагизм выражен в глазах, какое безысходное страдание было в жизни этого человека...»

Две жизни Пелагеи Стрепетовой—мучительная и безрадостная наедине с собой, яркая и страстная на сцене—оставили неизгладимый след в сердцах ее современников, в истории русского театра, в развитии нашей национальной культуры.

Е. ТАРАСОВА

Т Е М, К Т О В

Вы купили в магазине шерсть. Не спешите перематывать ее в клубки. Прежде всего выстирайте в теплой воде с банным мылом (стиральные порошки не рекомендуем). Ну а может быть, цвет вам не очень нравится? Слишком темный или, наоборот, блеклый? Попробуйте перекрасить пряжу, добиться нужного цвета. Дело это нехитрое, важно только точно соблюдать технологию.

КАК ОКРАСИТЬ ПРЯЖУ

Приготовьте вместительную эмалированную кастрюлю, бак или таз. Учтите: пряжа должна свободно плавать в красителе. Практически в домашних условиях можно выкрасить не более 600—700 г пряжи одновременно. Если пряжи больше, допустим, килограмм, не пытайтесь делить ее на две-три части и красить порознь: у каждой, как бы вы ни старались, получится свой оттенок.

Пасмы весом не более 100 граммов перевяжите очень свободно в 3—4 местах прочной бумажной нитью (обязательно светлой, чтобы не полиняла). После этого постирайте пряжу в теплой мыльной воде.

Если хотите пряжу желтоватого оттенка выкрасить в светлый тон, например, голубой, светло-серый или розовый, сначала отбелите ее, иначе чистого цвета не получится. Можно прокипятить пряжу в течение 20—25 минут в растворе мыла или воспользоваться отбеливателями № 1, «Лилия-2» (инструкции к ним приложены).

Краситель всыпьте в поллитровую банку и залейте горячей водой. Чтобы получился густой цвет, на 500 г пряжи возьмите полторы-две пачки красителя. Использование небольшого количества красителя дает очень интересные результаты. Немного, на кончике ножа, черного красителя на 200 г пряжи дает серый цвет. Если же к нему добавить половину этой нормы василькового или голубого красителя, получится пряжа цвета перванш.

Можно рекомендовать и другие комбинации. Если хотите получить голубой цвет, возьмите немного синей краски (на кончике ножа), если розовой — столько же красной. Сочетание желтого и беж (4:1) дает горчичный цвет. Серый краситель и беж (3:1) дают бежевый цвет серого оттенка. Блекло-розовый цвет получается при смеси розового красителя с таким же количеством бежевого.

В бак с горячей водой положите 2 столовые ложки соли и влейте краситель, процедив его через три слоя марли (все эти манипуляции лучше делать в резиновых перчатках). Еще влажную пряжу опустите в раствор и прогрейте ее 5—10 минут (но не кипятите!), непрерывно помешивая. После чего выньте пряжу, в бак влейте 1 столовую ложку уксусной эссенции. Опустите пряжу в воду и нагревайте до кипения. От бака с пряжей не отходите: мешать надо непрерывно, пока она не окрасится.

Прокипятив пряжу 20 минут, выньте ее из бака и добавьте в раствор еще одну ложку уксусной эссенции. (Обратите внимание на этот совет: весь уксус сразу в воду не добавляют.) Перемешайте, опустите пряжу в бак, кипятите еще 20—30 минут. После этого снимите бак с огня, не вынимая пряжу. Когда вода в баке остынет, прополощите пасмы в теплой воде с уксусом.

Если пряжа окрашена правильно, вода в баке станет светлой и пряжа при полоскании не будет линять. Если же раствор был перенасыщен или попался плохой краситель, пряжу, чтобы она не линяла, прокипятите в чистой воде с уксусом и солью. Сушите пряжу подальше от нагревательных приборов.

Одну и ту же пасму можно окрасить в три-четыре цвета, так, чтобы чередовались, например, бежевый, черный, коричневый и белый цвета. Или, допустим, разные оттенки синего, красного цвета, или такие сочетания: красный, черный, темно-зеленый и белый; желтый, зеленый, белый и красный.

Техника окрашивания та же, но чистую пасму перед окрашиванием смачивают не всю, а только часть, приблизительно $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$. Положите на бак деревянную палку, повесьте на нее пасмы с таким расчетом, чтобы мокрые их части оказались в красителе. Окрасив нижнюю часть пасмы и высушив ее, намочите и окрасьте противоположный конец. Высушите. Затем сложите пасму так, чтобы окрашенные концы оказались в середине пасмы, и продолжайте окрашивать. Так, на одной пасме получится четыре цвета.

Чтобы на пряже не образовались непрокрашенные места, не перевязывайте пасмы туго.

Различные цвета в пасме можно получить и с помощью отбеливания. Для этого возьмите шерсть сочного, густого тона, например, синюю. В бак вместо красителя налейте мыльную воду (мыло банное) и в ней прогревайте концы пасм в течение 15—20 минут, два-три раза меняя воду. Когда цвет будет соответствовать задуманному, отбеливание прекращают. Следующую часть пасмы, чтобы она была светлее, кипятят дольше.

Вещи из такой многоцветной пряжи вяжут обычно простым — чулочным или платочным узором, и выглядят они очень эффектно.

Отбеливание пряжи можно рекомендовать и в том случае, если вы купили шерсть слишком темного цвета. Технология та же, только мокрые пасмы опустите в теплую мыльную воду все одновременно. Нагревайте и время от времени меняйте воду. Не забывайте непрерывно помешивать. Отбеливание прекратите, когда пряжа приобретет нужный вам цвет (учтите, что при высыхании он станет немного светлее). Например, из лиловой пряжи через 20 минут кипячения получается сиреневая, из зеленой — салатная.

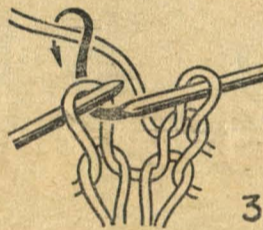
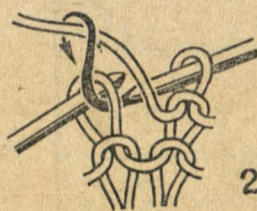
Пряжу из пасм перематывайте в клубки, подставляя под нить пальцы, — тогда клубок получится рыхлым и шерсть в нем не потеряет эластичности и мягкости.

КАК ВЯЗАТЬ ЛИЦЕВЫЕ И ИЗНАНОЧНЫЕ ПЕТЛИ

Прежде чем приступить к вязанию, подберите спицы: их диаметр должен равняться сложенной вдвое и слегка перекрученной нити.

Существуют два способа вывязывания лицевых и изнаночных петель. Очень важно различать их, чтобы не ошибиться, разбирая узоры вязанья.

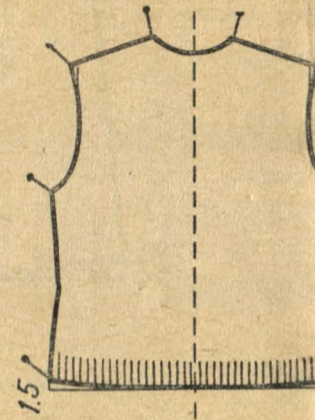
Классическая, упоминаемая в литературе лицевая петля провязывается так, как показано на рис. 1: правая спица вводится в петлю слева направо, за переднюю, ближайшую стенку петли. Такой лицевой соответствует изнаночная петля, показанная на рис. 2. Если же вводить спицу справа налево (рис. 3), то лицевая будет иметь несколько иную форму — такая лицевая называется «лицевой за заднюю стенку», «бабушкиной», и еще английской лицевой петлей. Ей соответствует своя изнаночная (рис. 4).

КАК ОБРАБАТЫВА

Все детали — полочки, спинки, рукава, штаны и юбки, с помощью крючка и иглы сшивают по внутреннему шву. Следите, чтобы швы были в местах.

Затем положите на мягкую поверхность (например, на войлок или на войлочную лавку менее удобную) и вложите в нее (рис. 5). Чтобы от иголки не отделились подкладывайте под иглу ватки.

Далее вкалывайте иглы в места, где ширина должна быть 7 см. Придайте пройме форму, вывязанную по прямой. По нижнему краю станет зубчатым, неровным, вывали, поднимите на 1,5 см. Если на полочке вывязана планка по ее внутренней стороне, вставьте иглы в наружный край.

Дальнейшая обработка деталей выполняется так же, как и у полочек. Если вывязаны полочные, чулочные со снятым подгибом, утюжьте через два слоя марли. Когда марля высохнет, утюжьте детали и оставьте деталь на выкройке.

Если узор рельефный (белый и темный) детали не нужно. Достаточно смочить марлю, через полчаса высушить на выкройке.

Когда какими петлями лучше вязать? Надо помнить, что полотно из петель, провязанных первым способом, получается более пышным и эластичным, чем из петель, вывязанных вторым способом. Зная это, опытные вязальщицы выгодно используют хорошие качества и тех и других петель, тем самым добываясь отличного качества трикотажного полотна. Чулочное полотно, связанное по второму способу, получается ровнее, так как в этом случае на лицевую и изнаночную петлю расходуется одинаковое количество нити. «Бабушкиной» лицевой вяжут резинки 1×1 , 2×2 — они получаются более плотными и меньше растягиваются. Кромочная изнаночная петля, выполненная вторым способом («бабушкина»), дает более плотный, ровный край.

Во всех остальных случаях лучше применять классическую лицевую петлю. Это особенно важно для тех узоров, где есть накиды; вязанные вторым способом, могут исказить узор.

КАК ВЬЯЗАТЬ ПРОРЕЗНОЙ ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ КАРМАН

Наметьте на выкройке, где будет прорезной карман. Довяжите полочку по лицевой стороне до начала разреза кармана и временно оставьте рабочую нить. Возьмите прочную хлопчатобумажную нитку и провяжите лицевыми петлями определяющую ширину кармана, пересадите петли с правой спицы на левую, введите в работу основную нить, провяжите ею хлопчатобумажные петли и довяжите ряд до конца. Далее вяжите по выкройке.

Связав все детали, отутюжьте их, сметайте и примерьте.

После примерки обработайте разрез кармана. Осторожно выплетите хлопчатобумажную нить. Открывшиеся петли верхнего края посадите на те спицы, которыми выполняли модель, а петли нижнего края разреза — на специальную длинную булаву. К петлям верхнего края с обеих сторон прибавьте по 1 петле и свяжите чулочной вязкой внутреннюю часть кармана. Ширина его должна равняться ширине разреза, длина определяется назначением кармана (декоративный или рабочий). Готовый карман отутюжьте и пришейте с изнаночной стороны модели.

Наденьте на спицу петли с булавки и свяжите планку кармана плотным двусторонним узором, например, резинкой 1×1 , платочным вязаньем или обвяжите разрез крючком. Достаточно провязать крючком один ряд столбиков без накида (предварительно закрепив открытые петли) и, не поворачивая вязанья, один ряд столбиков без накида в направлении слева направо.

ШАПКА

Существуют определенные правила, прежде чем приступить к работе. Вот некоторые из них:

1. Тщательно продумайте, что вы будете вязать. Только тогда вы сможете определить нужные цвета.

2. Шапочки круглые и вязанные спицами (пряжа № 5 или № 6). Рисунок, насколько эффективной, о чем-то. Шапочка хорошо держит форму, лучше вязать из более тонкой пряжи.

Шапочки из мохера обвязывают кромочной нитью № 6.

3. Многие начинают вязать резинку очень эластичная, и к тому же ободок быстро стирается.

4. Шапочки, связанные крючком, фактуре и почти не вытягиваются.

5. Мерки снимают в соответствии с выкройкой. Исходной линией для измерения является окружность головы, от подбородка (рис. 6). Допустим, окантовку снимают по лобной части.

Выпуклой затылочной части (теплой).

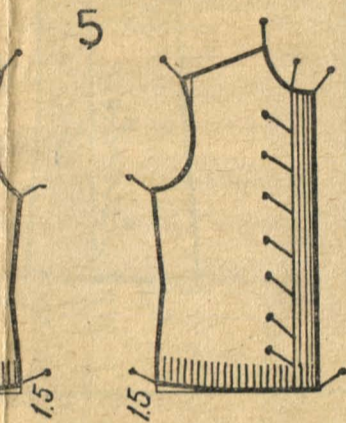
Если шапочка будет вывязываться по мерке прибавить 1,5 см к этой мерке прибавить 1,5 см из нити средней толщины, то считайте ширину полотна, ее диаметр, если шапочка вяжется по мерке, помните, что шерсть в процессе вязания растягивается в ширину.

ВЯЖЕТ

Готовые детали

Спинка, рукава — связаны. С полотно все концы ниток на изнаноч-

полотно не было стянуто в этих

самый край полотна через каж-

вогнутую форму, даже если они

у детали иглы не нужны, иначе

Крючки

правила, которые необходимо

к вязанию шапочки.

цвета. Нужно, чтобы шапочка не

и гармонировала с цветом одеж-

но цветовую гамму из нитей раз-

на колпак лучше вязать из тол-

№ 32/2 в двадцать сложений)

нок, выполненный из толстых ни-

особенно рельефный, буклирован-

нит форму. Только мягкий берет

нить.

ельно сажайте на подкладку или

более плотную.

Для маленькой шапочки рассчитайте диаметр — он должен равняться $\frac{1}{3}$ окружности головы. Такую шапочку лучше вязать из голстых ниток. Для шапочки круглой формы к мерке объема головы прибавьте 7—8 см.

Если рисунок состоит из широких вертикальных полос и полотно шапочки нужно сшить, проследите, чтобы рисунок в месте соединения не нарушался.

Измерьте расстояние от макушки шапочки до края головного убора спереди (на нашем чертеже — 16 см), сзади (17 см) и с боков (21 см). Последнюю мерку (21 см) снимайте от центра шапочки по височной части. Измерьте расстояние от уха до середины нижнего края затылочной части (11 см).

По данным меркам сделайте чертеж (рис. 7), по которому, зная плотность вязанья, не трудно определить число петель для начала работы. Делая убавление в верхней части шапочки, старайтесь по возможности сохранить узор вязанья.

Шапочка с отворотом

Потребуется 200 г шерстяной пряжи (32/2 в восемнадцать сложений), спицы № 4 и № 5. Верх шапочки — чулочного вязанья (изнаночная гладь). На отвороте — буклированный рисунок диагонального строения.

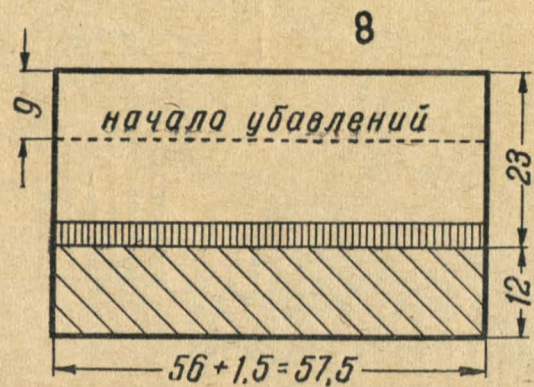
Начинайте вязать с отворота. Для образца наберите 26 петель (число должно делиться на $6 + 2$ кромочные).

1-й ряд — 2 лицевые, из одной петли вывяжите 6 лицевых (вяжите их поочередно то за переднюю, то за заднюю стенку), в первые 5 петель введите левую спицу и протяните через них 6-ю петлю. Затем вяжите 3 изнаночные и т. д.

2-й ряд и все четные ряды — по рисунку (петлю, протянутую через пять петель, вяжите лицевой).

Начиная с 3-го ряда, выпуклую петлю смещайте влево. Если этого смещения не делать, выпуклые петли будут располагаться одна над другой.

Связав на спицах № 5 ободок высотой 12 см, отсоедините от рабочей нити 5 нитей и еще 5 см вяжите резинкой 1×1 (рис. 8), чтобы шапочка удобно и плотно сидела на голове. Затем возьмите спицы № 4 и чулочной вязкой начните основную часть шапочки (нитки снова в восемнадцать сложений). Довязав до линии убавлений, разделите вязанье на 5—6 равных частей (в этих местах сделайте отметки цветными нитями) и начинайте убавлять через ряд: в конце каждой части провязывайте по 2 петли вместе изнаночной петлей.

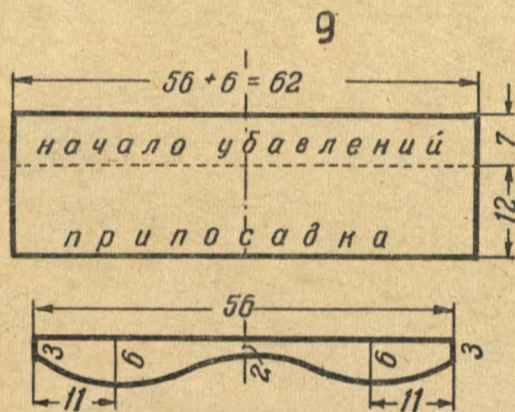
Закончив вязание, оборвите нить, прошейте ею последние петли и сшейте полотно шапочки: до отворота по изнаночной стороне, а отворот — по лицевой стороне полотна.

Шапочка из пушистой пряжи

Для шапочки 56-го размера понадобится 70 г пряжи типа мохер, спицы № 6 и № 8 и крючок № 5.

Шапочка состоит из двух отдельно связанных колпаков. Верхний колпак — в две нити — исполняйте буклированной вязкой на спицах № 8 (рис. 9). Для образца буклированного рисунка наберите 30 петель.

1-й ряд — 3 петли провяжите вместе изнаночной, из следующей провяжите 3 (одна лицевая, одна лицевая «бабушкина», одна лицевая) и т. д.

2-й ряд — 3 изнаночные, 1 лицевая и т. д.

3-й ряд — из одной петли вывяжите 3 лицевых, следующие 3 петли провяжите вместе изнаночной и т. д.

4-й ряд — 1 лицевая, 3 изнаночные и т. д.

5-й ряд — рисунок повторяйте с 1-го ряда.

Убавление на буклированной вязке начинайте в том ряду, где нужно провязывать три вместе изнаночной, а из следующей петли вывязывать 3 лицевые: тут вместо 3 лицевых свяжите одну, чтобы получилась резинка 1×1 . Этой резинкой вяжите до конца, не делая больше убавлений. Затем нить оборвите, затяните ее последние петли и этой же нитью сшейте колпак.

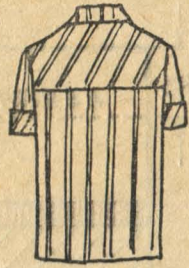
Второй колпак является подкладкой шапочки. Его свяжите в две нити чулочной вязкой на спицах № 8. Дойдя до линии убавлений, разделите полотно на 6 равных частей. Эти места отметьте цветной нитью: тут через ряд провязывайте 2 петли вместе изнаночной петлей. Колпак сшейте и вложите внутрь буклированного колпака лицевой стороной вверх. Затем столбиками без накида крючком свяжите колпаки между собой по ободку, стягивая до нужного размера. На ободке свяжите укороченные ряды. Последний ряд ободка провяжите столбиками без накида в направлении слева направо.

Те, кто не владеет крючком, могут связать ободок на спицах № 5 резинкой 1×1 . В этом случае вязание нужно начинать с ободка, затем перейти к верхнему колпаку и к готовой шапочке пришить колпак-подкладку.

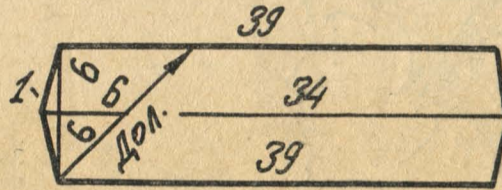
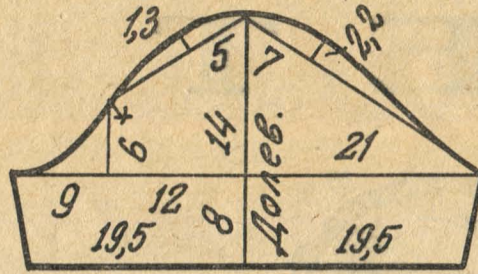
М. МАКСИМОВА.
Рисунки Е. БЕЛОВОЙ.

Мужская рубашка, размер воротника 40 см.

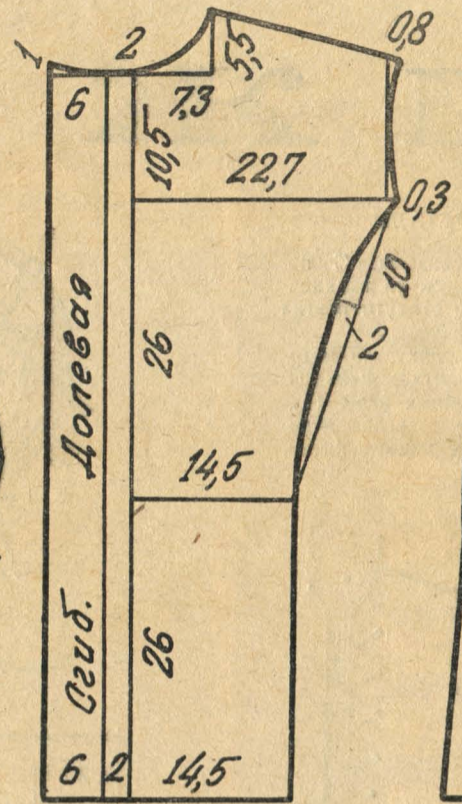
Перед-2 дет.

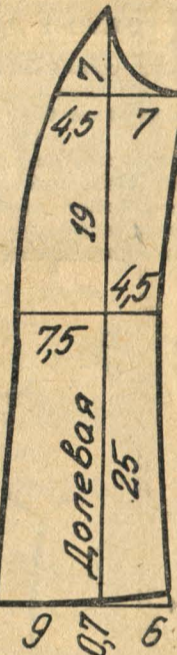
Рукав-2 дет.

Манжета к рукаву 2 дет.

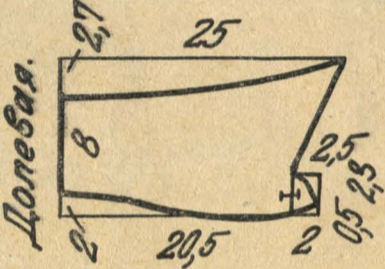

Бочок
переда

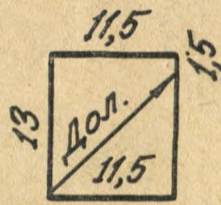

Воротник-2 дет.

Середина
Сгиб.
Долебая.

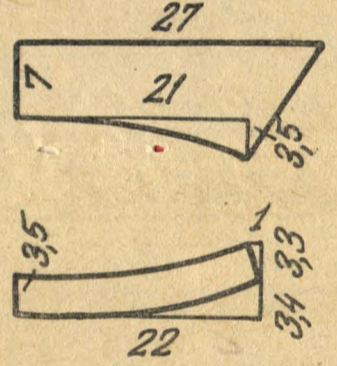
Карман-2 дет.

МУЖСКАЯ РУБАШКА

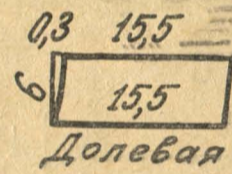
Воротник-2 дет.

Середина.
Сгиб. Долебая

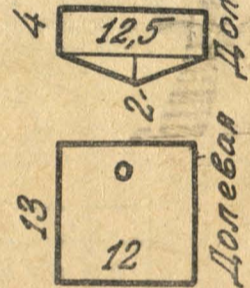

Стойка
2 дет.

Кокетка
переда
2 дет.

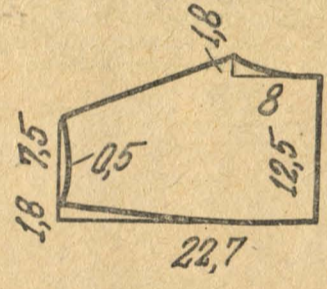

Клапан
4 дет.

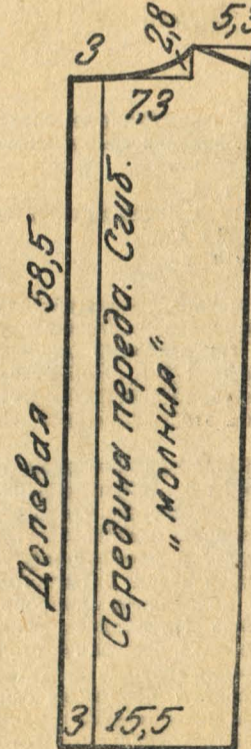
Карман-2 дет.

Кокетка
спинки
1 дет.

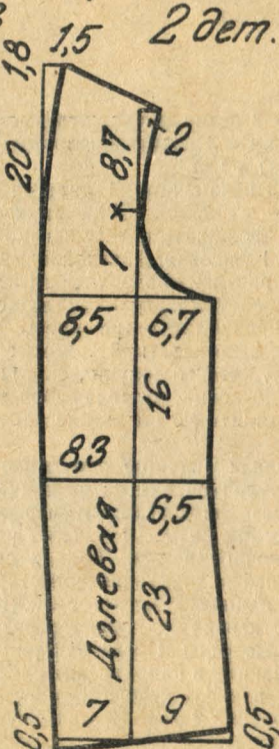

Середина
Сгиб. Долебая.

Перед
2 дет.

Бочок
переда
2 дет.

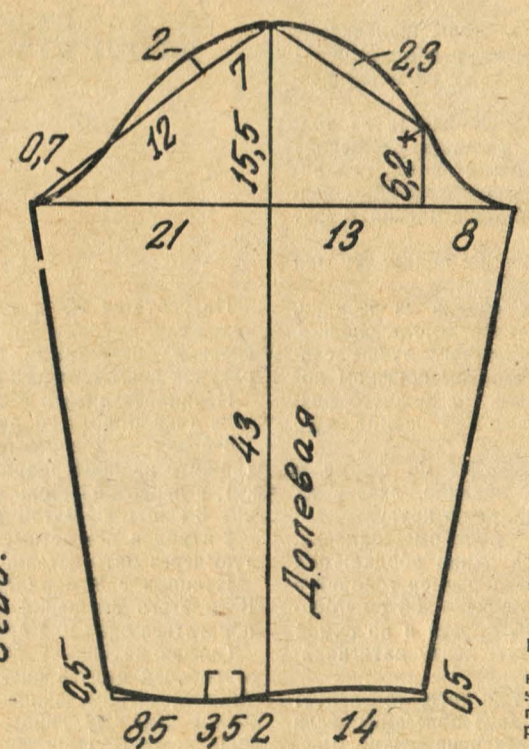
Бочок
спинки
2 дет.

Спинка
1 дет.

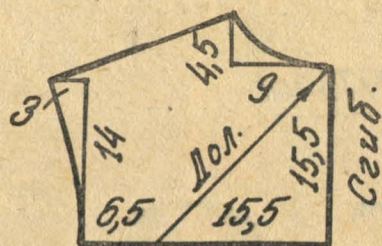

Рукав-2 дет.

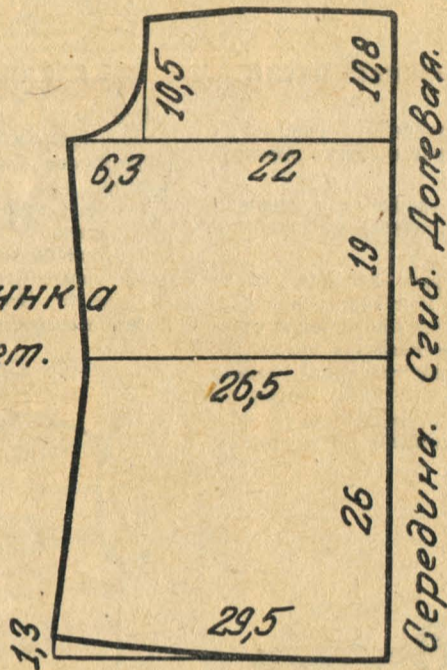
Притален.
Из ткани
бочками; в
косой. Вор
твердую, п
Отделани
«молнию».
ротник на
Обработ
ный, снача
нижнюю ча
подбортом
рочите обе
Уменьшен
швы.

Кокетка
спинки
1 дет.

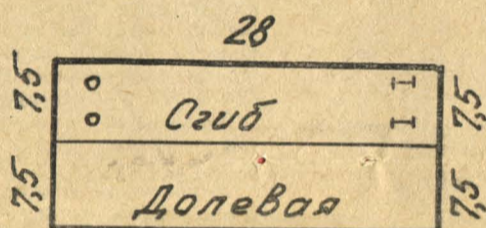

2 дет.

Спинка
1 дет.

ЦК А, размер воротн. 42см

Манжета
2 дет.

МУЖСКИЕ РУБАШКИ

Мужские рубашки — новое в мужской моде. В клетку или в полоску рубашка с подкройными воротником, манжеты и кокетка на спине кроются по откину на стойке — размер его 40-й — поставлен на лотную прокладку. Для строчкой набивная рубашка застегивается на Бочка спереди и на спинке отрезные. Кокетка. В подкройной стойке, размер 42-й. Для воротника рубашки, если он не цельнокроен, пришейте стойку, затем пришейте и рубашке часть воротника, а верхнюю его часть сострочите с полочкой и только потом соедините вместе и прострочите детали воротника.

Модели С. ТАБУНОВОЙ.
Конструктор Т. ЛЕСНОВА.

А. Ж.

Л. Э.

МОДНАЯ ОТДЕЛКА

Вышитая монограмма (вязь из двух начальных букв имени и фамилии) — модная отделка женской одежды. Монограммы усложненного, затейливого рисунка (как те, что мы предлагаем) хороши для нарядного платья, тонкой блузы из шелка. Вышивают такие монограммы мулине, гладью, обычно выбирая не более одного-двух тонов нитей. Очень красива вышивка, выполненная нитками того же цвета, что основная ткань, может быть, чуть темнее или светлее: белым по белому, темно-серым по светло-серому и так далее.

Пользуясь нашими образцами, вы можете подобрать или придумать подходящую для вас монограмму.

В. ВИРОН

Е. Н.

СОВЕТЫ ДЛЯ МУЖЧИН

Покупая брюки обратите внимание

- на пояс. Если он слишком свободен, брюки будут спадать, и на них появятся некрасивые складки и изломы;
- нижний край пояса должен опираться на бедра, не опускаясь ниже;
- если рубашка выбивается из брюк, значит, пояс не на месте — его надо переделать;
- брюки должны наполовину закрывать задник ботинка; слишком короткие и узкие брюки при ходьбе морщатся, при сидении поднимаются вверх, открывая не только носок, но и голую ногу;
- пуговицы должны быть пришиты вплотную к материалу;
- спереди у пояса теперь принято застегивать вытачки, а не оставлять складочки, как раньше. От этого брюки становятся более приталенными. У колен они должны слегка сужаться, книзу — несколько расширяться.

Г. МАРТЫНОВА

М. З.

ВО СЛАВУ ЧЕЛОВЕКА

Международная художественная выставка, экспонировавшаяся в Москве (затем она развернется в Берлине, Софии и других столицах стран социалистического содружества), не случайно названа «30 победных лет». Участники ее темпераментно и убедительно рассказали о том, как развился и мужал мир социализма.

Каждая из стран-участниц — Болгария, Венгрия, Демократическая Республика Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Румыния, Чехословакия, СССР — демонстрировала работы живописцев, графиков, скульпторов, плакатистов, созданные за 30 лет, прошедших со дня великой победы над фашизмом.

Многие работы выставки посвящены героизму народов, сражавшихся против гитлеровцев в прошедшей войне, Советской Армии-освободительнице.

«Жертвам фашизма» назвал свою

ценные строительству, осуществляемому двумя или несколькими странами, такому, как, например, нефтепровод «Дружба».

Идейность и реализм отличают лучшие работы выставки. Есть и еще одна отмеченная многими рецензентами отличительная черта у Международной московской — она объективно и уважительно запечатлела образ человека нового, социалистического мира. Ему свойственны оптимизм, убежденность в правоте дела, которому он служит, идейность, интернационализм. Характер этого нового человека художники разных стран выявляют по-разному, помещая своих героев как в благополучные, радостные, так и в трагические ситуации.

Немало работ выставки было посвящено женщинам. Женщине — матери, воину, труженице...

Некоторые из выставочных работ мы помещаем на этой странице.

● Э. Хюкштедт. «Молодая пара» (ГДР).

● Б. Обрешков. «Плодородие» (Болгария).

● Пуиг, Баттиста Андре. «Слава женщине» (Куба).

● Ц. Даваху. «Один день сельскохозяйственного объединения» (Монголия).

Индекс 70770

Цена 10 копеек.

работу известный художник-антифашист из ГДР Ханс Грундих. В этом же ряду «Партизанская песня» болгарина Илии Петрова, холсты польских, венгерских, румынских, чехословацких живописцев.

В советском разделе — произведения, которые давно полюбились нашему зрителю. Это и «Письмо с фронта» А. Лактионова, и «Фашист пролетел» А. Пластова, и «Конец» Кукрыниксов, и «Партизанская мадонна» М. Савицкого, и «Защитники Севастополя» Дейнеки. Обращает на себя внимание и «Юность» Т. Яблонской, воспронизведенная в этом номере журнала.

Многие работы выставки посвящены послевоенному строительству и вдохновенному созидательному труду. Здесь и портреты людей труда, ученых, деятелей культуры и новостройки — заводы, фабрики, жилые кварталы... Есть и работы, посвя-

